

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 7 мая 1847 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

СОЧИНЕНІЯ

МУРАВЬЕВА.

ТОМЪ II.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1847.

Цѣна за 2 тома 1 руб. 50 коп. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II-го ТОМА

СОЧИНЕНІЙ МУРАВЬЕВА.

стр.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ.

Скиѳіею называли древніе безъ различія мало знаемыя ими страны, по сію сторону рѣки Истра или Дуная лежащія. Недостатокъ сообщенія, разность въ языкѣ, въ образѣ жизни, и сіе неуваженіе къ сосѣдамъ, въ которомъ просвѣщенные народы толь часто бываютъ виновны, покрыли глубокою темнотою происшествія и состояніе Сѣвера. Сіи дикія племена, по лѣсамъ и вдоль питательныхъ рѣкъ Россіи странствующія, замѣняли скудость просвѣщенія и невѣдѣніе искусствъ пріятныхъ неповрежденною силою тѣла и бодростію духа. Предстояло время, въ которое изнуренные нѣгою и развращеніемъ богатые народы Юга и Востока, обѣ Имперіи, медлительно склоняясь къ паденію, долженствовали уступить силѣ воинственныхъ сонмовъ, безпрестанно стремившихся другъ за другомъ отъ сѣвера, ихъ общаго отечества. Анты, Венды, Славяне, единородныя племена, были часто свидѣтелями и часто соучастниками походовъ, предпринимаемыхъ

Готѳами изъ Скандинавіи, и Уннами отъ предѣловъ Хины.

Преселенія народовъ въ началѣ обществъ, и прежде нежели политическое составленіе ихъ принимаетъ нѣкоторую твердость, столь многоразличны, что точное назначеніе стезей ихъ сопряжено съ трудностями, почти непреодолимыми. Взаимная вражда, составляющая начало соединенія многихъ семействъ въ народное общество, содержитъ ихъ въ безпрестанномъ движеніи. Менѣе управляемый силою обрядовъ и установленій, варваръ оставляетъ безъ сожалѣнія сѣнь, подъ которою онъ родился; пастырь и воинъ считаютъ достояніемъ своимъ равно всѣ пространства земли, гдѣ находятъ изобиліе паствы и безпрепятственное наслажденіе. Любовь отечества есть чувствованіе, которое только въ сердцѣ гражданина достигаетъ совершенства.

Такимъ образомъ находимъ попеременно Готѳовъ, Аланъ, Гунновъ, Козаръ, странствующихъ нѣсколько столѣтій сряду по всему пространству Россіи. Изгоняемые другъ другомъ, не основали они постоянныхъ и долговременныхъ жилищъ; но, порываемые духомъ завоеванія, распространились на Западъ и на Югъ, гдѣ, на разрушеніи древнихъ правленій, соорудили новыя, и сами, будучи умягчены кротостью климата, приняли нравы и обряды общественной жизни.

Вѣроятно, что Аттила, котораго дикое честолюбіе услаждалось вселеніемъ ужаса въ народы, соединялъ въ особѣ своей два сильныя владыче-

ства, Германіи и Скиѳіи. Можетъ быть, нѣкоторые изъ князей, ему подвластныхъ, основали поселенія свои въ Россіи.

Отъ самой глубокой древности и отъ временъ писателя Тацита извѣстно имя Роксоланъ, въ которыхъ сокрывается, кажется, названіе Россовъ; но въ сіи смутныя времена браней и преселеній, когда одинъ народъ былъ изгоняемъ другимъ, имя Славенское стало извѣстнѣе иныхъ. Пришедшій изъ дикихъ полей (говорятъ лѣтописатели наши) одинъ князь Кій съ братьями своими, Щекомъ и Хоривомъ, и сестрою, Лыбедью, на брега Днѣпровы, соорудилъ градъ Кіевъ. Происшествіе сіе полагается въ лѣто отъ Р. Х. 430. Около того же времени Славяне, уступая превозмогающей силѣ Римлянъ, отъ береговъ Дуная, на которыхъ искали себѣ убѣжища отъ Унновъ, возвратились на сѣверъ, къ развалинамъ отеческаго града Славенска, дважды войною и язвою опустошеннаго. Но, раздѣлясь въ походѣ своемъ, въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ оставляли поселенія и созидали грады, принимая разныя именованія. Оставшіеся около Кіева назвались Полянами, Сѣверянами по Деснѣ и Сулѣ; Ляхами на Вислѣ и Волынцами въ Волыніи; Дряговичами между Припети и Двины поселившіеся; Полочанами на рѣкѣ Полотѣ; имя Славянъ сохранили тѣ, которые, достигнувъ Ильменя, древній градъ свой, подъ именемъ Новгорода, возобновили.

Четыре столѣтія процвѣталъ новый Славенскій градъ успѣхами военными и спокойными выго-

дами земледѣлія и торговли, такъ, что достигъ уже многочисленнаго населенія и отмѣнной знаменитости. Обитатели крайняго сѣвера, Шведы, Нормандцы, смотрѣли на него съ почтеніемъ и завистью. Варяги, оставившіе имя свое Балтійскому Морю и составлявшіе болѣе воинство разноплеменное, нежели единый народъ, извѣстные, можетъ быть, въ другихъ странахъ Европы подъ именемъ Нордманцовъ, начали тревожить владѣнія сего богатаго града. Усиліе ихъ предпріятій, къ коему менѣе способны граждане мирные, уже смягченные изобиліемъ, покорило Новгородъ. Наложена дань; но будучи болѣе внезапностью исторжена, нежели пріобрѣтена завоеваніемъ, скоро общими силами Новагорода и ему подвластныхъ странъ отвержена. Сіе дѣяніе гражданской твердости не произвело однако совершеннаго спасенія Новугороду. Въ нѣдрѣ его самого таились вредныя начала разоренія: безначаліе буйной черни и алчность сильныхъ. Не оставалось Республикѣ для исцѣленія золъ ея другого средства, кромѣ подверженія себя власти единой особы.

Таково было мнѣніе Гостомысла, мужа важнаго въ Новѣградѣ: гражданство оному послѣдовало. Отправляются посланники отъ союза народовъ Славенскихъ и Чудскихъ въ страну Варяговъ-Россовъ для призванія отъ нихъ властелина, котораго верховный санъ утвердилъ бы между ними порядокъ и благоустройство. Приходятъ на сіе трудное и знаменитое дѣло, въ лѣто

862, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, трудами военной жизни къ начальству пріуготованные.

Съ военнымъ состояніемъ, особливо въ началѣ раждающихся обществъ, достоинство княжеское кажется соединеннымъ. Однако жъ не менѣе и гражданской мудрости усматривается въ приступѣ варяжскихъ князей къ управленію. Раздѣлясь, для обузданія новыхъ подданныхъ и сосѣдей, каждый изъ нихъ занимаетъ особое мѣсто. Синеусъ отходитъ на Бѣло-Озеро, противъ Біармовъ, народа сильнаго, населявшаго пространныя долины, прилежащія къ каменному поясу. Труворъ противупоставляетъ себя Чудскимъ народамъ, близъ озера сего имени, во градѣ Изборскѣ. Старшій братъ, Рюрикъ, облеченный въ достоинство Великаго Князя, устремляетъ все свое вниманіе на Новгородъ, и близъ Ладожскаго Озера, во градѣ Ладогѣ, учреждаетъ начальное свое пребываніе. Гражданство новгородское принуждено было подвергнуть буйное своеволіе твердой власти монарха. Отъ береговъ Ильменя управляетъ онъ намѣстниками Полоцка и Кіева. Въ слѣдствіе сего общаго стремленія, влекшаго всѣ народы Сѣвера къ Царю-Граду, Оскольдъ, князь кіевскій, предпріемлетъ туда два похода. Слѣдуя примѣру своихъ предковъ, Варяговъ, всѣ первые государи россійскіе устремляли предпріятія свои на упадающую Грецію. Преемники Рюриковы, мудрый Олегъ, Игорь, Вѣрою просвѣщенная Ольга, но болѣе всѣхъ завоеватель

Болгаріи, воинственный сынъ ея, Святославъ, покоряя всѣ народы вокругъ себя, избирали преимущественно Грецію мѣтою своихъ благороднѣйшихъ подвиговъ. Междоусобіе долженствовало скоро помрачить сіе раннее сіяніе славы. Раздѣлъ между дѣтей, законъ тѣхъ столѣтій, сѣвернымъ народамъ свойственный, произвелъ первыя свои явленія въ семействѣ Святославовомъ.

Истребленные враждою, Ярополкъ и Олегъ уступаютъ мѣсто счастливѣйшему Владиміру. Провидѣніе предоставило сему монарху соединить титлы завоевателя и просвѣтителя. Съ оружіемъ въ рукахъ, испросивъ у Грековъ родство и даръ святыя Вѣры, разливаетъ онъ съ кротостью нравовъ новую мудрость письменъ и ученія на дальній край своихъ владычествъ.

Обыкновенія столь сильно обладаютъ человѣческимъ родомъ, что два столѣтія пагубныхъ слѣдствій не въ состояніи побудить къ отмѣненію вредныхъ правилъ, освященныхъ древностію. Изъ числа таковыхъ есть раздѣленіе государства, извѣстное въ прочихъ странахъ Европы подъ именемъ Феодальнаго или помѣстнаго владѣнія. Россія была жертвою сего политическаго заблужденія около пяти столѣтій, отъ временъ Святослава Игоревича до славнаго царствованія Великаго Князя Іоанна Васильевича. Раздираемая честолюбіемъ родственныхъ князей, вмѣсто того, чтобы въ нѣдрѣ своемъ основать счастіе, искусства, просвѣщеніе, и внѣ пріобрѣсти уваженіе, она изнуряла силы въ междоусобныхъ

браняхъ и въ самыхъ побѣдахъ; но безсильная въ раздѣленіи, была страхомъ окружающихъ ее враговъ, Печенѣговъ, Половцевъ, когда покоилась подъ управленіемъ единаго государя и составляла одно народное тѣло. Просвѣщеніе, рано принесенное изъ Греціи, не могло быть приведено въ совершенство въ безпрестанномъ преніи о владычествѣ и послѣ подъ губительнымъ игомъ варваровъ. Владиміръ оставилъ по себѣ 12 князей, сыновъ или усыновленныхъ. Свирѣпый Святополкъ достигаетъ великаго княжества убіеніемъ любви достойныхъ юношей, Бориса, Глѣба, Святослава. Толико злодѣйствъ, внушенныхъ Святополку несправедливымъ желаніемъ царствовать, отмщаетъ Ярославъ, законодатель Новгородцевъ, которые жертвуютъ собственными своими неудовольствіями приверженности къ любимому государю. Опровергаются усилія Святополка и помощниковъ его, Болеслава Великаго и дикихъ Печенѣговъ. Братоубійца, побѣжденный на мѣстѣ убіенія Борисова, умираетъ въ бѣгствѣ кончиною злодѣя отъ страха и угрызеній. Память его оставлена проклятію потомства. Ярославъ, достойный сынъ Владиміровъ, возводитъ на отчій престолъ родительскія добродѣтели. Краткая буря востревожила начало княженія его: вражда съ братомъ его, Мстиславомъ Храбрымъ. Но оба государи не могли отказать другъ другу во взаимномъ почтеніи. Они примирились. Любовь отечества, правды и Вѣры вѣщала въ сердцахъ ихъ сильнѣе пагубнаго честолюбія. При-

ключившаяся скоро кончина Мстислава, Князя Тмутороканскаго, положила предѣлъ ихъ братскому единодушію.

Всѣ благодѣянія, которыми великій государь можетъ составить счастіе народовъ, соединяются для прославленія въ позднѣйшемъ потомствѣ памяти Ярославовой: исправленіе судовъ, насажденіе Вѣры, нравовъ, искусствъ и письменъ, слава оружія, отъ Балтійскаго до Чернаго Морей распространенная.

Скоро побѣды его возвращаютъ отъ Польши похищенные города волынскіе и червенскіе. Онъ повелѣваетъ Ливоніей и созидаетъ въ ней Юрьевъ, или Дерптъ, — предзнаменованіе будущаго владычества. На Грецію посылаетъ съ морскими силами сына Владиміра для отмщенія народныхъ правъ, оскорбленныхъ ею въ особѣ посланника россійскаго.

Сильные государи на западѣ ищутъ свойства его. Короли: польскій, Казиміръ, и французскій, Генрихъ I, поемлютъ дщерей его въ супружество.

Сіяніе такого царства помрачилъ онъ раздробленіемъ Россіи на удѣлы сынамъ своимъ.

На одрѣ смерти вѣщалъ Ярославъ: «Будьте «согласны; Богъ будетъ въ васъ и покоритъ «вамъ сопротивныхъ. Но ежели вы будете несо«гласны, то погибнете сами и потеряете земли, «пріобрѣтенныя толиками подвигами отцовъ и «дѣдовъ вашихъ.»

Ярославовъ старшій сынъ, Изяславъ, остался главою народовъ россійскихъ. Два младшіе бра-

та, Святославъ и Всеволодъ, сначала раздѣляютъ съ нимъ единодушно бремя правленія и опасности войны; побѣждаютъ иноплеменниковъ, Торковъ и Половцевъ; плѣняютъ безпокойнаго Князя Полоцкаго, Всеслава, и вспомоществуютъ Изяславу возвратиться на престолъ кіевскій, который нѣкоторое время занимаетъ сей самый Всеславъ, освобожденный чернью изъ темницы; но потомъ становятся сами виновны въ мрачнѣйшемъ преступленіи предъ старѣйшимъ братомъ, изгнавъ его вторично. Святославъ похищаетъ великое княженіе.

Несчастный Изяславъ странствуетъ между тѣмъ съ своимъ семействомъ въ Польшѣ и Германіи, принося тщетныя жалобы на оскорбленіе государскихъ правъ. Императоръ Генрихъ IV-й, бѣдствуя самъ отъ предпріятій папы Григорія VII, не могъ защитить его иначе, какъ посольствами. — Первый случай сообщенія Россіи съ Нѣмецкою Имперіею.

Смерть Святославова возвращаетъ Изяславу мирное владѣніе Россіи. Милосердый князь сей умираетъ, пронзенный копіемъ на мѣстѣ сраженія, защищая брата своего, Всеволода, отъ нападенія Бориса и Олега, сыновъ Святославовыхъ, которые призвали Половцевъ на расхищеніе отечества.

Великодушное прощеніе подданныхъ, забвеніе собственныхъ обидъ, болѣе еще нежели побѣды надъ варварами, дѣлаютъ память Изяславову драгоцѣнною.

Былъ обычай, что старшій изъ рода Рюрикова принималъ великое княженіе. Такимъ образомъ Всеволодъ послѣдовалъ Изяславу. Тщетно старается онъ утвердить согласіе между удѣльными князьями. Желаніе неправедной власти возбуждало ихъ: народы бѣдствовали. Особливо отличаются безпокойный Олегъ Святославичъ, Володарь и Василько, также обязанный благодѣяніями Всеволода Ярополкъ. Часто оружіе великокняжеское, управляемое сыномъ Всеволода, Владиміромъ Мономахомъ, возвращало спокойствіе. Страшное несчастіе, язва, опечаливаетъ Россію. Кроткій Всеволодъ при кончинѣ препоручаетъ правленіе Владиміру.

Но сей благоразумный князь подаетъ примѣръ геройства, предпочитая общественное благо своей частной пользѣ; онъ призываетъ на кіевскій престолъ Святополка Изяславича. Государь сей, иногда излишествомъ пылкости, иногда недостаткомъ твердости, испытываетъ всѣ печали верховнаго сана. Оскорбивъ пословъ половецкихъ, навлекаетъ несчастную войну: внявъ клеветѣ Давида Игоревича, участвуетъ въ ослѣпленіи невиннаго Василька. Между тѣмъ Олегъ, ищущій себѣ владычества кровопролитіемъ, усмиряется великодушнымъ Мстиславомъ. Подкрѣпленъ оружіемъ и совѣтами Владиміра, Святополкъ успѣваетъ соединить князей, учреждая съѣзды, на которыхъ разбираются распри и означаются предѣлы владѣній. Конецъ княженія, благополучнѣе

начала, ознаменованъ былъ общими побѣдами надъ Половцами.

Исходъ II-го вѣка видѣлъ первое изъ сихъ странныхъ предпріятій, которыя, подъ именемъ Крестовыхъ Походовъ, долго истощали Европу и послужили къ перемѣнѣ политическаго состоянія оной. Неподверженная властолюбію первосвященниковъ римскихъ, Россія не участвовала въ подвигахъ трудныхъ, разорительныхъ и мало полезныхъ.

Сколько другіе князья желали нетерпѣливо перваго престола Россіи, столько Владиміръ колебался взойти на оный, предлагаемый ему любовію подданныхъ. Потомство Святослава, такъ какъ старшаго брата, съ негодованіемъ сносило исключеніе свое отъ великаго княженія. Сія распря пріуготовитъ паденіе Кіева.

Мудрое царство Владимірово отличается счастіемъ и внутреннимъ спокойствомъ Россіи, между тѣмъ какъ храбрые сыновья его, Мстиславъ, Ярополкъ, Андрей, Георгій, разносятъ страхъ россійскаго имени между окружныхъ народовъ, Чуди, Болгаръ, Половцевъ и Ляховъ.

Повѣствуютъ, что Императоръ Алексій Комненъ прислалъ Мономаху украшеніе императорскаго достоинства.

Любовь Россіи къ Владиміру распростиралась на потомство его. Достойные сыновья послѣдовали родителю на великое княженіе. Мстиславъ, котораго всѣ дѣянія славныя и полезныя не могли никогда утѣшить въ томъ, что онъ престу-

пилъ однажды свое слово, хотя то было и для пользы государственной. Ярополкъ побѣдилъ Болеслава III-го, героя Польши.

Но слабый Вячеславъ Владиміровичъ низвергается насильственнымъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Сей утверждаетъ похищеніе свое коварствомъ и старается обезсилить потомковъ Мономаховыхъ.

Въ особѣ Всеволода II потомство Святослава на малое время возвратило утраченное преимущество.

Между тѣмъ усиливается въ Чермной Россіи сосѣдствомъ Венгровъ храбрый Князь Галицкій, Владимірко Володаревичъ. Воюя съ нимъ и прочими удѣльными князьями, Всеволодъ устремлялся къ достиженію единовластія въ Россіи, — предпріятіе, которое едва, три столѣтія спустя, могло быть приведено въ дѣйство Іоанномъ Васильевичемъ.

Но къ исполненію намѣреній Всеволоду не доставало сильнѣйшаго орудія: любви подданныхъ. Сіе испыталъ несчастный братъ его, Игорь: ужасный примѣръ народнаго мщенія! Едва на престолѣ, уже ненавистенъ жестокостью собственною и наглостью любимцевъ, низверженъ Изяславомъ II Мстиславичемъ, влачимъ въ темницу, постриженъ, и при первомъ слухѣ, что князья черниговскіе вооружаются въ его пользу, убіенъ неистовствомъ народнымъ.

Междоусобіе, первое изъ злодѣяній, приводитъ съ собою всѣ другія, и государство близко къ

погибели, когда правленіе его, не будучи основано на мудрыхъ и твердыхъ законахъ, зависитъ отъ внезапностей войны. Спорное право владѣнія, которое переходило отъ брата къ другому въ многочисленномъ потомствѣ Рюрика, становилось источникомъ бѣдствій Россіи.

Сіе было причиною безпрестанныхъ браней, которыми храбрый сынъ Мстиславовъ, Изяславъ II, принужденъ былъ защищать престолъ свой отъ сильныхъ противоборниковъ, князей черниговскихъ Ольговичей, Вячеслава Туровскаго и Георгія Суздальскаго, дядей его, которые по сему древнему обычаю почитали право свое къ престолу сильнѣйшимъ.

Особенно благопріятствовало счастіе — если счастіемъ назвать можно ужасное право разорять свое отечество — Георгію Владиміровичу, проименованіемъ Долгорукому. Побѣдоносное оружіе его, управляемое доблестью сына его, Андрея Юрьевича, усиленное дѣятельностію союзника, князя галицкаго, и помощію Половцевъ, дважды пріобрѣтало ему великое княженіе, дважды опять теряемое оплошностью и чрезмѣрною любовью забавъ.

Вячеславъ, пріобщенный къ правленію Георгіемъ, раздѣляетъ не власть, но почести престола великокняжескаго съ Изяславомъ, возстановленнымъ оружіемъ Венгровъ и желаніемъ подданныхъ.

Переживщій Изяслава, миролюбивый Вячеславъ призываетъ въ сообщество правленія Ростислава

Мстиславича, который, по смерти дяди своего оставшись одинъ властителемъ Кіева, ведетъ несчастную войну съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ.

Едва побѣдитель, Изяславъ III, заемлетъ праздный побѣгомъ Ростислава престолъ кіевскій, уже самъ низвергается представшимъ съ большею силою у вратъ кіевскихъ Георгіемъ Владиміровичемъ.

Раждающіяся междоусобія князей предварила кончина Георгіева.

Сей государь, основатель Москвы и другихъ градовъ великороссійскихъ, заключаетъ нѣкоторымъ образомъ порядокъ князей, сидѣвшихъ въ Кіевѣ.

Ибо сынъ его, Андрей Юрьевичъ, прозванный Боголюбскій, соединяя въ особѣ своей старѣйшинство и превосходство силъ и дарованій, учредилъ пребываніе свое во Владимірѣ на Клязьмѣ, имъ основанномъ градѣ.

Знаменитый и прежними подвигами и новымъ покореніемъ Болгаръ, народа сильнаго и торговаго на брегахъ Волги, предпріемлетъ менѣе справедливыми войнами ослабить Кіевъ и Новгородъ и совершить единство россійскаго владычества. Кіевъ низпадалъ тогда съ древняго своего величія и, раздробленный на множество удѣловъ, видѣлъ на престолѣ своемъ болѣе именемъ, нежели силою Великихъ Князей, Изяслава Даниловича, Мстислава Изяславича и бывшаго прежде Ростислава Мстиславича, съ невѣроятною скоро-

стію восходящихъ и изгоняемыхъ другъ другомъ. Воинство Андреево опустошило Кіевъ; и Глѣбъ, братъ Андреевъ, возведенъ на престолъ онаго.

Но усилія Андреевы были недѣйствительны въ войнѣ, которую предпринялъ онъ противу Новагорода, для возстановленія Святослава Ростиславича. Управляемый законами республиканскими, Новгородъ призывалъ по изволенію одного изъ князей, обыкновенно дома великокняжескаго, болѣе въ вожди воинства, нежели въ правители. Въ то время, процвѣтая торговлею и мореплаваніемъ на Балтійскомъ Морѣ, отразилъ онъ на Ладогѣ морское ополченіе Карла VII, Короля Шведскаго, и приступилъ къ Ганзеатическому союзу.

Глѣбу послѣдовали въ Кіевѣ въ краткое время Владиміръ Мстиславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ; готовясь распорядить владѣніе кіевское, Андрей теряетъ жизнь злодѣйствомъ приближенныхъ своихъ.

По кончинѣ сего государя, призванные Ростовцами и покровительствуемые Глѣбомъ Рязанскимъ, князья Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи, попустивъ расхищеніе храмовъ, низвержены побѣдою Михаила Юрьевича, который владѣніемъ кратковременнымъ оставилъ по себѣ память добраго и мудраго князя.

Послѣдовалъ ему братъ его, Всеволодъ Юрьевичъ. Сего долгое княженіе постоянно сопровождалось славою и мудростію. Счастливый во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, оправдывалъ онъ

счастіе кротостію, великодушіемъ, человѣколюбіемъ, рѣдкимъ въ такія времена, когда война производилась съ жестокостью. Непримиримые сопротивники его, князья Глѣбъ Рязанскій, Мстиславъ и Ярополкъ, плѣненные имъ, испытали милосердіе его. Усмирены Болгары; безпокойный Новгородъ принималъ отъ него князей своихъ.

Между тѣмъ Кіевъ былъ плачевнымъ позорищемъ честолюбія разныхъ князей. Многажды Рюрикъ Ростиславичъ пріобрѣталъ и терялъ оный оружіемъ: сперва низведенъ храбрымъ зятемъ своимъ, Романомъ Мстиславичемъ Галицкимъ, страшнымъ для Польши; наконецъ низверженъ Всеволодомъ Черниговскимъ.

Около сего времени учреждено рыцарское общество Ливонскихъ Меченосцевъ, которое обезпокоивало подвигами своими сѣверъ Россіи.

Ея полуденныя страны, обезсиленныя междоусобіемъ князей, видѣли Галицкое княженіе отторгаемое происками Венгровъ, которыхъ царевичъ Коломанъ овладѣлъ онымъ. Храбрость Мстислава Мстиславича исторгла оное изъ-подъ власти чуждой.

Всеволодъ при кончинѣ препоручилъ великое княженіе сыну своему, Юрію Всеволодовичу, мимо старшаго Константина. Но счастіе войны объявилось въ пользу сего послѣдняго, подкрѣпляемаго Мстиславомъ. Побѣдители украсили счастіе свое милосердіемъ. Но Константинъ, заслужившій прòименованіе Мудраго, похищенъ весьма рано для счастія Россіи.

Воспріявшій паки верховное владычество, Юрій Всеволодовичъ не имѣлъ ни духа, ни дарованій, нужныхъ для спасенія отечества въ приближавшейся опасности.

Въ Европѣ рѣдѣла тма невѣжества отъ первыхъ лучей просвѣщенія. Россія погрузилась въ величайшее несчастіе, какое народу приключиться можетъ: въ порабощеніе варваровъ.

Третіенадесять столѣтіе изобиловало преобращеніями государствъ. На поколебанный престолъ кесарей византійскихъ восходили князья французскіе. Начальникъ дикой орды Монгольской, Чингисханъ, на берегахъ Байкала наполнялъ великую часть свѣта ужасомъ татарскаго имени: Китай низпадалъ подъ власть его; покорялись Персія, Индія, долины кипчакскія и владычество калифовъ долженствовало уступить его оружію.

Въ такомъ положеніи, въ лѣто 1223, коснулся Россіи вихрь Чингисовыхъ завоеваній, нанесенный отъ подошвы Кавказа и пустынь, прилежащихъ къ Черному Морю, сыномъ его, Тушиханомъ.

Уже походъ его ознаменовался гибелью Аланъ. Доселѣ непримиримые враги Россіи, Половцы, безсильные воспротивиться подавляющему ихъ бѣдствію, повергаются въ ея покровительство, дарованное имъ предстательствомъ храбраго князя Галицкаго, Мстислава Мстиславича.

По его гласу, соединенныя силы россійскія, предводительствуемыя сонмомъ князей и главою ихъ, Великимъ Княземъ Кіевскимъ Мстиславомъ

Романовичемъ, срѣтаютъ первое стремленіе Татаръ и отражаютъ оное.

Между тѣмъ Великій Князь Владимірскій, Георгій Всеволодовичъ, котораго верховная степень обязывала всѣхъ болѣе къ извлеченію отечества изъ опасности, не чувствуя оной, оставался въ виновномъ бездѣйствіи.

Восемь дней Россіяне искали слѣдовъ татарскихъ, не находя ихъ. Іюня въ 16 день, настигнувъ убѣгающихъ варваровъ у Чернаго Моря, близъ устья Дона, Мстиславъ князь Галицкій, увлеченный порывомъ храбрости и славолюбія, съ передовою стражею переходитъ рѣку Калку и отваживается на неравный бой съ оными.

Дерзость сія и начавшееся между обоими Мстиславами несогласіе произвели совершенное разбитіе Россіянъ. Лишенные защитниковъ, предѣлы Россійскіе стали отверзты варварамъ. Разоривъ мечемъ и пламенемъ югъ Россіи, обремененные корыстью, Татары возвратились къ свирѣпому своему властителю, который скоро окончилъ безпокойную жизнь свою, оставивъ владѣніе и замыслы сыну Октаю.

По отбытіи Татаръ, какъ будто бы совершенно забытыхъ, князья россійскіе снова обращаются къ своимъ пагубнымъ несогласіямъ.

Въ лѣто 1237, Батый, внукъ Чингисхановъ, съ 600,000 Татаръ вошедъ въ предѣлы россійскіе, началъ громить Княжество Рязанское. Отчаянныя дѣла храбрости князей и гражданъ не спасли земли ихъ, недостойно оставленной безъ помощи

Великимъ Княземъ Владимірскимъ. Едва пламень Москвы въ состояніи былъ возбудить его на краю бездны: движимый безполезною храбростью, поспѣшаетъ онъ воспятить стремленіе непріятелей на Владиміръ. Сія столица осаждена и взята прежде, нежели Юрій успѣлъ взять мѣры для ея защиты. Битва, потерянная имъ вмѣстѣ съ жизнію, совершила несчастіе и рабство Россіи.

Общее разореніе постигло цѣлое государство. Пылали расхищаемые грады. Сильный и славный народъ, побѣдитель другихъ, уничиженъ, объятъ ужасомъ, и мечтая себя жертвою гнѣва Божія, низпалъ въ неволю варваровъ.

Такимъ образомъ безумная воля единаго завоевателя можетъ низринуть цѣлый народъ на столѣтія въ невѣжество и уничиженіе, и замедлить шествіе человѣческаго рода къ просвѣщенію и благополучію.

Округъ времени, подверженный обозрѣнію нашему, во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе.

Государи мудрые и дѣятельные отличаются въ поколѣніи Князей Варяго-Россскихъ. Власть не утверждается между людьми иначе, какъ великими дарованіями и подвигами: посредствомъ ихъ владычествовали Рюрикъ и Олегъ. Святославъ былъ завоеватель. Владиміръ Святой, государь достойный сравненія съ Карлами Великими и Альфредами, возвысилъ и нравы и разумъ народовъ воспріятіемъ Христіанской Вѣры: происшествіе, извлекшее Россію изъ варварства и соединившее

ее нѣкоторымъ образомъ съ Восточною Имперіею. Ярославъ былъ законодателемъ; Владиміръ Мономахъ любовію Россіи.

Кажется, что Народъ Россійскій издали готовился быть оплотомъ Европы отъ разліянія варварскихъ народовъ, послѣдователей Магомета. Ратуя съ Печенѣгами и Половцами, онъ пріучался къ ратованію противъ Татаръ и Турокъ.

Воинственный духъ потомковъ Рюриковыхъ соединилъ завоеваніемъ обитателей почти цѣлаго сѣвера въ единое имя Россійское, въ которомъ исчезли различія толь многихъ племенъ Мери, Веси, Муромы, Біармовъ и прочихъ.

Не менѣе и на западъ распространилась сила россійская. Владиміръ Волынскій, Червенъ, Бельзъ, Перемышль, Теребовль, удѣлъ несчастнаго и храбраго Василька, Галичъ, сильное княжество, основанное потомствомъ его у подошвы горъ Венгерскихъ, и котораго князья Владимірко, Романъ и Мстиславъ имѣли толь сильное вліяніе на дѣла россійскія, — всѣ сіи области принадлежали къ составу Россіи, пріобрѣтенныя побѣдами Владиміра и Ярослава.

Но гражданская жизнь, подобно какъ и въ другихъ странахъ Европы, лишена была въ тѣ столѣтія своихъ пріятностей и выгодъ. Искусства, торговля, законоположеніе не были еще въ томъ состояніи, въ которомъ производятъ они благополучіе государства.

Они медленны въ своихъ успѣхахъ и процвѣтаютъ только въ нѣдрѣ мира. Послѣ прекрас-

ныхъ дней Владиміра и Ярослава Россія не наслаждалась благами онаго. Князья, которыхъ лучшее званіе состоитъ въ томъ, чтобъ устроить благополучіе государства, губили оное междоусобіями. Были изъ нихъ недостойные имени князя и человѣка (ибо великая порода не защищаетъ отъ пороковъ сердца); были такіе, которые оскорбляли неистовствами священныя права природы, и которыхъ Исторія предаетъ омерзѣнію потомства.

Ложное разсужденіе политики составило, кажется, несчастіе Россіи. Воображали, что трудное преимущество управлять народами, подобно личному имѣнію государя, можетъ и долженствуетъ по справедливости быть раздѣляемо равно между дѣтей его.

Опыты и здравый разумъ свидѣтельствуютъ, напротивъ того, что санъ государя, какъ отца народа, есть въ государствѣ одинъ и нераздѣлимъ; государствованіе есть не только право владѣнія, но и долгъ превосходной благотворительности.

Разрушивъ единство Россіи, умалили силу ея. Удѣльные князья, зная свое общее происхожденіе отъ Владиміра и Ярослава, требовали себѣ равныя власти и устремлялись къ независимости. Достоинство великаго князя было завидуемо и не уважено. Не доставало политическаго права, которое утверждало бы наслѣдіе и связывало взаимными обязанностями удѣльныхъ князей съ главою государства.

Сему недостатку приписать должно долгую вражду Ольговичей съ потомствомъ Мономаха, и современное существованіе двухъ престоловъ великокняжескихъ, въ Кіевѣ и Владимірѣ.

Раздѣленныя такимъ образомъ силы государства, изнуряемыя безпрестанно возраждающимися междоусобіями, не были достаточны для отраженія Монголовъ. Князья, утверждаемые на престолахъ политикою Татаръ, препирались о позорной чести властвовать въ отечествѣ, воздыхающемъ подъ игомъ варваровъ. Междоусобіе, соединясь съ духомъ рабства, сдѣлалось еще свирѣпѣе.

Слишкомъ 200 лѣтъ Россія стенала въ неволѣ. Слава ея затмилась, просвѣщеніе и благополучіе отдалились. Свирѣпый Батый протекъ оную изъ конца въ конецъ съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ. Престольный Кіевъ сравненъ съ землею, и всѣ окружныя страны, отверзтыя набѣгамъ дикой Литвы, отстали на цѣлыя столѣтія отъ Россіи. Но сила народная не совершенно пала подъ сими ударами. Оплакивали униженіе свое Россіяне. Исповѣданіе благочестивой Вѣры гнушалось сосѣдствомъ магометанства, и князья, повинующіеся Ордѣ по необходимости, сохранили въ сердцахъ своихъ желаніе освободить отечество. Возставали по временамъ воители счастливые и храбрые. Александръ Невскій и въ самое бѣдствіе Россіи побѣждалъ Шведовъ. Димитрій Донской уже дерзнулъ обратить оружіе на Татаръ. Великому Князю Іоанну Васильевичу

I-му предоставлена была несравненная слава — свергнуть совершенно татарское иго и дать Россіи новое бытіе политическое.

Но воспріемлемъ нить повѣствованія нашего. Несчастному Георгію послѣдуетъ на престолъ владимірскій княжившій въ Новѣгородѣ братъ его, Ярославъ, знаменитый всего болѣе тѣмъ, что онъ былъ родитель Александра Невскаго, которому оставилъ онъ княженіе новгородское. По кончинѣ Ярославовой, другой братъ его, Святославъ, едва являясь на престолѣ великокняжескомъ, уже имѣетъ соперникомъ Андрея, сына Ярославова. Честолюбивые князья поставляютъ Орду судіею между собою. Постыдныя хожденія къ хану, вредныя его вспомоществованія, и государство, раздираемое иноплеменниками, по собственному приглашенію Россіянъ.

Въ Александрѣ удивляются благородству въ поступкахъ, виду возвѣщающему героя, самые гордые разорители Россіи. Но столь велико было несчастіе ея, что храбрый Александръ долженъ былъ самъ помрачить сіяніе своей побѣды униженіями предъ Ордою. Побѣдитель Шведовъ принужденъ ласкать ея наказныхъ, присылаемыхъ для сбора податей. Своевольные Новгородцы покоряются печальному жребію питать своимъ имуществомъ алчность татарскую. Конечно, опасеніе—подвергнуть отечество вящшему разоренію, привело храбраго князя къ сему непріятному поступку. Налагать законы съ одной стороны и принимать ихъ съ другой — таковъ былъ жребій

Александра. Славнымъ прозваніемъ своимъ предвѣстилъ онъ, кажется, будущее величіе Невы и изнеможеніе Скандинавіи предъ силою Россіи.

Государь Петръ Великій, ревнитель отечественной славы, воздвигъ герою сему памятникъ на самыхъ тѣхъ брегахъ, на которыхъ поразилъ онъ Эриха, короля шведскаго, и воинство Тевтоническихъ Рыцарей. Битва сія произошла въ лѣто 1240, Іюля 15 дня, когда Александръ былъ еще, при жизни родителя своего, удѣльнымъ княземъ Новагорода.

Таково было обыкновеніе гражданства Новгородскаго, что оно призывало всегда въ князи къ себѣ старшаго сына великокняжескаго. Братъ Александра Невскаго, Ярославъ Ярославовичъ, присвоилъ себѣ княженіе въ Новѣгородѣ силою и утверждалъ побѣдами надъ Ливонцами. По кончинѣ Александровой занялъ онъ праздный престолъ владимірскій, который и въ уничиженіи Россіи былъ мѣтою честолюбія удѣльныхъ князей.

Новгородцы, видя вольности свои нарушаемыя Ярославомъ, отъ повиновенія ему отреклись. Сіе намѣреніе произвело бунтъ—обыкновенное слѣдствіе народныхъ неудовольствій. Ярославъ просилъ безполезно помощи отъ Татаръ, которые съ удовольствіемъ видѣли междоусобіе Россіи. Митрополитъ кіевскій ходатайствомъ своимъ отверзъ врата Новагорода Ярославу, — дѣло, достойное святительскаго сана.

Но способы столь миролюбивые были рѣдко употребляемы. Государь, котораго священнѣйшій

обѣтъ состоитъ въ соблюденіи спокойствія и блага народнаго, братъ Александра Невскаго, Василій, преемникъ Ярославовъ, призываетъ силы татарскія для удовлетворенія честолюбію своему владѣть въ Новѣгородѣ. Сыны Александровы, Димитрій и Андрей, являютъ оскорбительное зрѣлище братскихъ междоусобій. Желаніе власти уничижаетъ ихъ. Они выпрашиваютъ въ Ордѣ, чего должны были требовать отъ справедливости и любви народа. Андрей приводитъ Татаръ въ отечество, и болѣе заслуживаетъ верховный санъ, когда, защищая государство отъ сѣвера, поражаетъ Нѣмцовъ и приводитъ во власть свою городъ Вѣнецъ Земли.

Съ удовольствіемъ покоится вниманіе, находя государя кроткаго, созидающаго въ тишинѣ, между тѣмъ какъ безпокойные и кровожаждущіе владѣтели оспориваютъ другъ другу печальное право повелѣвать рабствующимъ отечествомъ: таковъ былъ Даніилъ Александровичъ, князь московскій, положившій въ глубокомъ спокойствіи основаніе Москвы, которая скоро заступитъ мѣсто Владиміра.

Но великокняжескій престолъ ознаменованъ между тѣмъ добродѣтелями и несчастіями князя Михаила Ярославича Тверскаго. Дѣйствія и страданія обращаютъ всю нашу чувствительность къ судьбѣ князей, потомковъ его. Клевета, убійства, отмщенія омрачаютъ позорище.

Михаилъ и Георгій, сынъ миролюбиваго Даніила, состязуются въ достиженіи верховнаго са-

на. Михаилъ подтверждается ханомъ, согласно съ желаніемъ Россіи. Но Георгій, снося и самыя посрамленія изъ честолюбія, превозмогаетъ достоинство коварствомъ. Получивъ съ милостью хана Узбека сестру его, Кончаку, въ супружество, подавляетъ онъ Россію татарскимъ воинствомъ; Михаилъ побѣждаетъ его. Царевна Кончака впадаетъ въ плѣнъ и умираетъ въ Твери. Георгій обвиняетъ смертію ея Михаила. Великій Князь, спокойный въ невинности своей, предстаетъ предъ хана, по волѣ его судится и, угнетенный несправедливостью Георгія и Кавгадыя, побѣжденнаго имъ вождя татарскаго, вкушаетъ горестную смерть. Георгій, удовольствовавъ честолюбіе злодѣйствомъ, оправдываетъ себя дѣяніями достойнѣйшими государя. Онъ защищаетъ сѣверъ Россіи отъ нападенія Шведовъ, осаждаетъ Выборгъ, и выбравъ важное мѣсто Орѣхова Острова, сооружаетъ Орѣховецъ, оплотъ противу покушеній шведскихъ. Но въ самое то время не можетъ спасти древней столицы Россіи, Кіева, съ окружающими его княжествами въ Волыніи отъ впаденія во власть литовскую. Предпріимчивый Гедиминъ отторгаетъ ихъ надолго отъ сообщества съ россійскими областями. Такимъ образомъ страсти, личная корысть и междоусобіе князей обращаются безпрестанно въ погибель Россіи.

Но часто утѣснитель трепещетъ въ чреду свою. Сынъ Михаиловъ, Димитрій, получаетъ въ Ордѣ великое княжество, и Георгій, разбитый

Александромъ, другимъ сыномъ Михаиловымъ, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Бѣдственная встрѣча ожидаетъ въ Ордѣ Георгія и Димитрія. Сей юный и запальчивый князь, совѣтуясь съ единымъ мщеніемъ, умерщвляетъ Георгія и самъ предается смерти отъ варварскаго властителя.

Братъ его, Александръ Михаиловичъ, одаренный отъ природы качествами, любви достойнѣйшими, не долго пользуется верховною властію. Бѣсновѣріе мусульманина похитило у него оную.

Узбекъ первый принялъ ученіе Магомета. Вдохновенный неистовствомъ обращенія въ вѣру свою, хотѣлъ онъ удручить Россію новымъ игомъ: введеніемъ исламисма. Лжесвятство не однажды было сопровождаемо кровопролитіемъ. Великій Князь Александръ Михаиловичъ узнаетъ, что въ назначенный день вождь татарскій Щелканъ имѣетъ повелѣніе обагрить Тверь кровію граждан ея. Александръ предупреждаетъ умыслъ предпріятіемъ, не менѣе насильственнымъ, — погибелію умышлявшихъ. Ударъ сей не послужилъ къ разорванію узъ Россіи. Оставивъ престолъ, странствуя, скрываясь то у Нѣмцовъ, то во Псковѣ, Александръ, отовсюду изгоняемый виновнымъ угожденіемъ князей и ужасомъ хана, наконецъ полагаясь на счастливое дарованіе, которымъ умѣлъ онъ пріобрѣсть себѣ благоволеніе другихъ, отваживаетъ жизнь свою, предавъ ее въ руки хана, и теряетъ оную по его изволенію.

Таково сцѣпленіе несчастій Михаила и дѣтей его! Потомки ихъ, князья тверскіе, уступивъ наконецъ превосходной силѣ владѣтелей московскихъ, старались подкрѣпить себя союзомъ съ князьями литовскими, — новый источникъ браней и разоренія для Россіи. Темное позорище происшествій мало по малу начинаетъ освѣщаться съ того времени, какъ Москва становится столицею государства. Счастливыя обстоятельства и выгодное мѣстоположеніе ускоряютъ ея сіяніе.

Щедрость и благоразуміе отличили бы по справедливости правленіе Іоанна Даніиловича, проименованіемъ Калиты, если бы участіе въ гоненіи несчастнаго Александра не омрачало памяти его порицаніемъ честолюбія. Старшій сынъ его, Симеонъ Іоанновичъ, которому современники приложили имя Гордаго, заемлетъ великокняжескій престолъ. Распри съ Новгородомъ, безпрестанно обезпокоиваемымъ нападеніями Литвы и Шведовъ, служатъ главнымъ предметомъ его вниманія. Печальное явленіе заключаетъ владѣніе Симеона — язва, присоединившаяся къ толь многимъ несчастіямъ рабства и междоусобія. Послѣдуетъ братъ его, Іоаннъ. Сей ознаменовываетъ краткое княженіе свое дѣяніемъ твердости, отверженіемъ посла татарскаго, который властію своей хотѣлъ рѣшить несогласіе князей россійскихъ. Раздѣляясь безпрестанно, сіи послѣдніе готовили безъ вѣдома его великое преобращеніе, которое долженствовало соединить всѣ части государства.

Димитрій Константиновичь Суздальскій, оспоривавшій безполезно великое княженіе Іоанну Іоанновичу, спѣшитъ исключить отъ онаго малолѣтнаго сына его, Димитрія, который въ послѣдствіи отличится славнымъ именованіемъ Донского. Но между тѣмъ владычество татарское раздѣлилось на разныя и враждебныя Орды. Опредѣленіе одного хана уничтожается другимъ, и Темникъ Мамай, вождь, возводившій по изволенію хановъ, возводитъ на великое княжество будущаго побѣдителя своего, Димитрія Іоанновича. Сей скоро имѣетъ удовольствіе, столь любезное для души благородной, покровительствовать бывшаго своего соперника, обезоруженнаго благотворительностью.

Мудрость и твердость покоряютъ ему всѣхъ другихъ князей, кромѣ Михаила Александровича Тверскаго, противъ котораго употребляетъ онъ безуспѣшно оружіе и хитрость, остановленный въ предпріятіяхъ своихъ глубокомысленнымъ Ольгердомъ Литовскимъ. Но помощь иноплеменника отвращаетъ отъ Князя Тверскаго сердца Россіянъ, а любовь народа, болѣе нежели оружіе, удерживаетъ Димитрія на престолѣ. Врагъ его осажденъ въ Твери силою соединенныхъ князей. Самъ Ольгердъ его оставляетъ, и цвѣтущій градъ, Тверь, приближается къ своей погибели. Но Димитрій даруетъ миръ Россіи. Онъ дѣлаетъ болѣе: помышляетъ загладить срамъ ея, низвергнуть узы рабства.

Кичливый Мамай мечтаетъ подавить его тя-

ми силъ своихъ. Достопамятный и славный для Россіи день при донскихъ струяхъ возстановляетъ честь ея. Не смотря на подлую измѣну Олега Рязанскаго, Димитрій, возвеличенный чувствованіями героя-отечестволюбца и важностію Вѣры, одерживаетъ первую и полную побѣду надъ варварами, опустошителями Россіи. Провидѣніе сохраняетъ оглушеннаго ударами побѣдителя, котораго долго ищутъ на мѣстѣ побоища между трупами побіенныхъ. Мамай, пораженный вторично Тохтамышемъ, ханомъ Синей Орды, находитъ смерть въ Кафѣ, гдѣ ищетъ убѣжища.

Тохтамышъ, ужаснѣе въ гнѣвѣ своемъ, является неожидаемо на поляхъ московскихъ. Лишенный союзниковъ и самою побѣдою своею изнуренный, Димитрій, недавно отмститель отечества, ищетъ спасенія въ Костромѣ. Москва, которую украшалъ онъ зданіями, погребена подъ пепломъ.

Димитрій оканчиваетъ славное царство, простирая взоры къ западу и укрощая своеволіе гражданства Новогородскаго, укрѣпляющагося силою Литвы.

Такимъ образомъ открываются источники приближающагося возвышенія Россіи первымъ оказаніемъ мужества противъ Татаръ, низложеніемъ Новагорода, который, для сохраненія своей независимости, уклонялся къ покровительству литовскому, и соединеніемъ князей россійскихъ подъ уважаемою властію Государя Московскаго.

Свидѣтельствуетъ то поступокъ Василія Димитріевича, сына и наслѣдника Димитрія Дон-

ского. Сей отъемлетъ Нижній-Новгородъ у законнаго его князя, отвлеченный отъ строгой справедливости выгодами политики, не смотря на то, что онъ самъ служилъ прежде трогательнымъ примѣромъ честности въ отношеніяхъ личныхъ. Витовтъ, князь литовскій, удержалъ его спасавшагося изъ неволи ордынской, еще при жизни его родителя, и возвратилъ ему свободу съ тѣмъ условіемъ, чтобъ взять въ супружество дщерь его. Возшедъ на престолъ московскій, онъ исполнилъ свято обѣщаніе, которое неволею исторжено было. Можетъ быть, оказывалъ онъ излишнее уваженіе къ тестю, слабо противясь честолюбивымъ его намѣреніямъ. Хотя и украшаетъ государя совѣстное исполненіе обязанностей друга и родственника; но самый священный союзъ его есть тотъ, которымъ онъ связуется съ государствомъ. Витовтъ похищаетъ Смоленскъ. Война нашествій и разореній послѣдуетъ между имъ и Великимъ Княземъ. Сей послѣдній мыслитъ укрѣпиться помощію Орды; но паденіе оной внутри ея уже началось. Тамерланъ, или Тимуръ-Ленгъ, ужасъ Азіи, потрясъ основанія Орды, низвергнувъ Тохтамыша. Уже оружіе его гремѣло въ Россіи, когда внезапу стремленіе завоеваній его вспять обратилось. Въ изнеможеніи силъ владычествуя хитростію, Орда посылаетъ войско на помощь Василію. Вождь онаго, Едигей, нечаяннымъ образомъ устремляется на Москву: безполезное предпріятіе жестокости и вѣроломства. Великій Князь мститъ за нанесенныя бѣдствія

разореніемъ Казани, отдѣльнаго Царства Татарскаго, которое на предѣлахъ Россіи изъ разрушенія Орды составлялось. Чтобъ изникнуть изъ слабости и варварства, нѣсколько столѣтій продолжавшихся, народу надобенъ вождь превосходнаго духа и твердости; сими дарованіями не былъ ознаменованъ несчастный Василій Васильевичъ, прошенованіемъ Темный, по варварскому ослѣпленію, которое претерпѣлъ онъ отъ рукъ князя Димитрія Юрьевича Шемяки, учинивъ оное прежде надъ братомъ его, Василіемъ; оба дѣти перваго врага и дяди его, Юрія Димитріевича, который съ самаго начала спорилъ съ нимъ о престолѣ московскомъ. Василій дважды лишался престола; но любовь подданныхъ, слѣдуя за нимъ въ его изгнаніе, исторгала престолъ у хищниковъ. Сія любовь, предъ судилищемъ справедливаго потомства, еще за него ходатайствуетъ, если что нибудь можетъ извинить дѣйствіе отвратительное жестокостію, ослѣпленіе родственника, хотя и виновнаго, — черта, воспоминающая грубѣйшія времена несчастнаго Василька Теребовльскаго. Въ послѣдній разъ властелинъ Кипчака былъ или благопріятенъ, или страшенъ Россіи при семъ Великомъ Князѣ. Благодѣтель Василія Темнаго, Улу-Махметъ, имѣлъ удовольствіе возвратить ему плѣненному вольность; но приведенный послѣ въ крайность оружіемъ Василія, онъ возставилъ стѣны Казани, лежавшей впустѣ по разореніи Василія Димитріевича, и воздвигъ тѣмъ новое страшилище для Россіи, новый пред-

меть подвиговъ, превратностей счастія и наконецъ славы россійской.

Но между тѣмъ, какъ Россія приближалась ко дню свободы своей, истощивъ всѣ несчастія междоусобія и рабства, другой народъ, знаменитый древностію, прошедшею славою и силою, Греція низпадала подъ иго Оттомановъ. Предпослѣдній императоръ ея, Іоаннъ Палеологъ, желая умедлить паденіе ея помощію Запада, предложилъ первосвященнику римскому соединить исповѣданіе греческое и латинское. Онъ самъ, препровождаемый пастырями Востока, присутствуетъ на Соборѣ Фаррарскомъ, послѣ перенесенномъ во Флоренцію. Съ ними засѣдаетъ глава Россійской Церкви, митрополитъ Исидоръ. Соединеніе, на семъ Соборѣ постановленное, воспрепятствовано Маркомъ, патріархомъ ефесскимъ, и всѣмъ Востокомъ отвержено. Исидоръ, по возвращеніи своемъ въ Россію, лишенъ сана, и бѣжалъ изъ-подъ стражи къ папѣ Евгенію IV.

Константинополь, не взирая на усилія и хитрости, предается побѣдоносному оружію Магомета II въ лѣто 1453. Усмиривъ гордость Новагорода, который давалъ убѣжище врагу его, Шемякѣ, Василій Васильевичъ, почитаемый удѣльными князьями россійскими, но болѣе всего любимый подданными, оставляетъ при кончинѣ престолъ свой счастливѣйшему себя государю, сыну своему, Іоанну Васильевичу, котораго царство есть эпоха вольности россійской.

Времена, коихъ начертали мы главныя проис-

шествія, представляютъ намъ самое уничижительное состояніе для народовъ, низпаденіе въ политическое рабство. Сіе несчастіе, постигшее народъ россійскій въ первой его юности, не истребило въ немъ совершенно внутренней силы, какъ то случилось при подобномъ порабощеніи Рима и Греціи сѣверными варварами, но скоро послѣдовано было зарею счастія и славы. Два столѣтія неволи остановили успѣхи, но не отняли возможности къ будущему просвѣщенію Россіи.

То же зло, коимъ она была низвержена въ узы, междоусобіе, перешедъ въ Орды завоевателей ея, было поводомъ къ освобожденію. Счастливымъ сліяніемъ случаевъ свержено иго неволи въ то же самое время, когда истребилось и бѣдственное раздробленіе государства. Великіе удѣлы присоединились къ Великому Княжеству Московскому. Многочисленные потомки Рюриковы, низшедшіе безпрестаннымъ раздѣленіемъ на степень маловажныхъ владѣльцевъ, искали мѣста въ воинствахъ или въ совѣтѣ великаго князя. Такимъ образомъ имя московскаго княженія, превознесясь надъ всѣми другими, распространилось и на цѣлое государство, и паче у иностранцевъ, которыхъ вниманіе около того времени снова обратилось на Россію.

Безъ сомнѣнія, обращеніе съ Татарами имѣло вліяніе на характеръ народа. Присвоеніе восточныхъ обыкновеній измѣнило чистоту россійскихъ нравовъ. Заимствовались нечувствительнымъ образомъ обряды, одѣянія, увеселенія. Оттуда мо-

жно произвести сей недостатокъ уваженія высшаго состоянія людей къ низшему и трудолюбивому, сіи изъявленія рабскаго почтенія, унижающія человѣка, обращеніе къ правосудію съ приношеніемъ даровъ — черты, которыя, заглаждаясь въ послѣдующія времена, уничтожены совершенно преобразованіемъ Государя Петра I. Многія слова, вошедшія изъ татарскаго языка въ россійскій, пріобрѣли въ немъ право гражданства.

Можетъ быть, сіе самое народное бѣдствіе показало очевидно, сколь раздѣленіе государства вредно, между тѣмъ какъ съ другой стороны открыло оно счастливой предпріимчивости Россіянъ изобильныя долины, простирающіяся до Китая, и Сибирь, дотолѣ незнаемую часть вселенной.

Провидѣніе, ведя Народъ Россійскій жестокими испытаніями на чреду славы и величія, предоставило ему открыть вселенной сіи уединенныя страны, молчаніемъ толь многихъ вѣковъ отъ нея сокрываемыя. Россійское художество проникнетъ въ твердый нутръ Рифейскихъ Горъ, и, извлекая изъ него полезное желѣзо, найдетъ признаки древняго рудокопанія. Испытатели естества, Гмелины, Палласы, Лепехины, откроютъ сокровище новыхъ животныхъ и прозябеній и опишутъ грубые нравы странствующихъ поколѣній. Россійскіе мореплаватели, Берингъ, Чириковъ, пройдутъ дотолѣ непосѣщаемые проливы и дадутъ имена островамъ другого свѣта.

Между тѣмъ Татары, нынѣ полезные граждане, забывъ кровавые подвиги свои, умножаютъ

население России и упражняются въ миролюбивыхъ трудахъ земледѣлія и торговли. Послѣдняя отрасль ихъ, сохранившая до нашихъ дней свое народное существованіе, была Орда Крымская, которой послѣдній ханъ, Шагинъ-Гирей, потомокъ славнаго Чингисхана, уступилъ область свою Россіи, въ 1783 г. Такимъ образомъ народъ, не имѣющій просвѣщенія, законовъ, нравовъ, правленія и военнаго устройства, не можетъ быть увѣренъ въ долгомъ и славномъ существованіи, и рано или поздно долженъ обратиться въ область сосѣдственной державы, которой сила управляется мудрымъ политическимъ установленіемъ.

СОЕДИНЕНІЕ

УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЖЕСТВЪ

ВЪ ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО.

СОЕДИНЕНІЕ

УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЖЕСТВЪ

ВЪ ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО.

(Л. 1462).

Качества одного человѣка опредѣляютъ иногда судьбу народовъ, наипаче когда стеченіе обстоятельствъ благопріятствуетъ спасительному ихъ вліянію. Великій человѣкъ сообщаетъ верховную силу души своей народу, надъ коимъ онъ владычествуетъ, и оставляетъ послѣ себя зданіе твердое и величественное, которое тысячи лѣтъ процвѣтаетъ. Таково есть славное отличіе, возвышающее посреди великихъ князей россійскихъ Іоанна Васильевича І-го. Со времени восшествія его на отеческій престолъ московскій, новый свѣтъ разсѣваетъ тму, которая носилась столѣтія надъ пространствомъ Россіи; соединяются раздробленныя части ея во единое политическое тѣло; престаетъ междоусобіе; позорныя узы неволи на выю утѣснителей низвергаются; своевольный Новгородъ признаетъ сообщество свое съ Россіею, и сильное государство вступаетъ на первую степень будущаго своего величія.

Для наблюдателя, любящаго возводить происшествія государственныя до первыхъ причинъ нравственныхъ, пріятно видѣть въ самомъ умоначертаніи государя сего начало предпріятыхъ и совершенныхъ имъ дѣяній. Неутомимъ, терпѣливъ, проницателенъ, весь преданъ попеченію о государствѣ, устремляясь къ великимъ предпріятіямъ и всегда имъ равенъ, непріятель нѣги и роскоши, онъ жилъ единственно для совершенія великаго дѣла, для соединенія и освобожденія отечества.

Видно сквозь простоту нравовъ и грубость безхитростнаго выраженія лѣтописцевъ одно великое намѣреніе, исполненное въ тишинѣ безъ насильственнаго прекословія древнимъ обыкновеніямъ. Покровитель утѣсняемыхъ хановъ, сыновей Улу-Махмета, онъ посылаетъ ихъ съ воинствомъ на Казань.

Постепенно отторгаются отъ власти Ордынской иноплеменные и слабые народы, по рѣкамъ Волгѣ и Вяткѣ обитающіе. Происходятъ частыя сраженія съ различными успѣхами. Новые отряды изъ Россіи подкрѣпляютъ безпрестанно воинство осаждающихъ.

Братья великаго князя пріемлютъ начальство надъ онымъ, и, безсильный сопротивляться долѣе, Ибрагимъ, царь казанскій, признаетъ себя зависимымъ отъ Россіи. Условіе, худо наблюдаемое Народомъ Казанскимъ, и нарушеніе котораго послужитъ источникомъ возраждающихся браней.

Іоаннъ, смертію лишенный первой супруги, озирая кругомъ себя пространный театръ Европы, желалъ возвысить сіяніе рода своего выгоднымъ союзомъ брачнымъ. Выборъ его палъ на дщерь Палеологовъ. Константинополь принялъ уже иго мусульмановъ, и послѣдній изъ кесарей, Ѳома Палеологъ, властелинъ морейскій, искалъ убѣжища у первосвященниковъ римскихъ. Дщерь его, Софія, испрашивается посольствомъ въ супружество государю, съ которымъ она имѣла общую вѣру и древніе союзы. Отсюду присвоеніе Россіи двуглаваго орла Имперіи.

Случай бываетъ иногда поводомъ важныхъ приключеній. Такова была кончина святителя новгородскаго и постановленіе другого. Посольство республики сей проситъ о подтвержденіи онаго у Іоанна. Сей Государь присоединяетъ ласку къ позволенію, увѣряя Новгородцевъ, что онъ съ удовольствіемъ воспользуется всѣми случаями оказывать благоволеніе Новгороду, древней своей отчинѣ. Сіе слово — отчина, оскорбило честолюбіе гражданства. Составляется сильная крамола, которою начальствуетъ женщина, именемъ Марѳа, вдова главнаго посадника Борецкаго, подкрѣпляемая сыновьями, столь же дерзновенными, и возмутительнымъ краснорѣчіемъ чернеца Пимена и сношеніями съ Литвою. Изображаютъ честолюбіе Іоанна страшнымъ вольности новгородской; возглашаютъ, что лучше повергнуться въ покровительство Польши, нежели учиниться областью Великаго Княжества Московскаго:

Едва достигаютъ до Іоанна слухи о семъ волненіи, уже воинство его, обходя Княжество Тверское, тогда еще чуждое для Іоанна, съ трехъ сторонъ устремляется на отлагающійся градъ. Весьма жаркое лѣто способствовало предпріятію его и вязкія болота сдѣлало проходимыми для войскъ Іоанновыхъ.

Воеводы его, особенно князь Холмскій, распространяютъ ужасъ и разореніе по всему владычеству республики. Новгородъ готовъ укротить справедливый гнѣвъ Великаго Князя неограниченною покорностью. Но Великій Князь, не отъемля преимуществъ его, посылаетъ намѣстника; четыре года спустя, посѣщаетъ городъ, оказывая благосклонность свою знаменитѣйшимъ изъ гражданъ. Въ то же время рѣшитъ приговоромъ своимъ распри ихъ и суды, и виновныхъ перевозитъ въ Москву и въ прочія области.

Между тѣмъ безначаліе усиливалось въ Новѣгородѣ. Множество гражданъ, чиновниковъ и самъ архіепископъ пріѣзжаютъ просить въ обидахъ своихъ въ Москву: тѣмъ они сами отказывались отъ важнѣйшаго своего права быть судимыми только въ Новѣгородѣ. Посольство ихъ въ рѣчи своей называетъ Великаго Князя Государемъ. Іоаннъ посылаетъ съ своей стороны въ Новгородъ повѣренныхъ для принятія сего титла и для изъясненія, какія права присовокупляютъ они къ оному. Великое смятеніе въ Новѣгородѣ: безпорядокъ, убійства, отреченіе отъ зависимости, которой сами они подверглись.

Покровительство Польши кажется имъ теперь предпочтительнѣе власти Россійскаго Государя. Но сей, подкрѣпляя твердость свою дѣятельностію, подавляетъ Новгородъ силами цѣлаго государства. Воеводы его занимаютъ другъ за другомъ возвышенія и монастыри, окружающіе городъ, и стѣсняютъ его въ осадѣ. Переговоры жителей съ назначенными боярами производятся посреди самыхъ приготовленій къ приступу и между тѣмъ какъ художникъ Аристотель Болонскій переправляетъ артиллерію за Волховъ. Оставленные покровителемъ своимъ, Казиміромъ Польскимъ, Новгородцы низлагаютъ вольность, которой злоупотребленія были имъ столь драгоцѣнны, и сравненные съ остаткомъ Россіи, становятся первою ступенью къ приближавшемуся величеству оной.

Іоаннъ уничтожаетъ народное правленіе Новагорода, и переноситъ въ Москву сей страшный вѣчевый колоколъ, который возвѣщалъ строптивые совѣты сей республики. Псковъ, гражданство, зависѣвшее нѣкоторымъ образомъ отъ судьбы Новагорода, не защищаетъ столь упорно вольности своей, и прежде онаго подвергается Іоанну.

Покоритель вольнаго гражданства не могъ принимать закона варварскаго властителя: онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ басму, присланную отъ Ахмета.

Раздраженный оскорбленіемъ, ханъ мечтаетъ возобновить въ Россіи тѣ явленія ужаса и расхищенія, которыми знаменовали дотолѣ нашествія

свои Татары. Онъ устремляется къ берегамъ Оки, и, къ изумленію своему, видитъ ихъ огражденными стройнымъ воинствомъ Іоанновымъ. Запальчивость варвара по неволѣ уступаетъ очевидной опасности, и счастливый отпоръ возвѣщаетъ Россіи, что она можетъ быть страшна прежнимъ своимъ утѣснителямъ.

Слабость прибѣгаетъ къ союзамъ. Ахметъ располагаетъ съ большими предосторожностями вторичный походъ свой на Россію. Казиміръ IV, король Польскій, который искалъ непріятелей Іоанну даже и въ собственныхъ его братьяхъ, долженъ былъ соединиться съ нимъ для воеванія Россіи. Ханъ убѣгаетъ общаго дѣла, склоняясь къ Литвѣ для соединенія съ Казиміромъ, преслѣдуемый безпрестанно Іоанномъ. Каждый день видитъ новыя сраженія на брегахъ Угры. Казиміръ былъ занятъ войною съ Богемцами и не могъ подать помощи своему союзнику. Между тѣмъ Іоаннъ наноситъ рѣшительный ударъ Ахмету, посылая отрядъ воинства своего въ Орду. Ахметъ возвращается съ поспѣшностію для избавленія оной. Ногайцы встрѣчаютъ его; и разбитый совершенно, онъ умираетъ послѣднимъ ханомъ Золотой Орды, основанной Батыемъ.

Казиміръ, показавъ себя врагомъ Іоанну, заслужилъ праведную месть. Россія пріобрѣла выгодною войною честь побѣдъ и людей, которые переселены внутрь государства. Миръ заключенъ при сынѣ Казиміровомъ, Альбертѣ, коего братъ Александръ, Великій Князь Литовскій, женился

на дочери Іоанновой. Не менѣе счастливо войско новгородское дѣйствовало противъ рыцарей ливонскихъ, нанесшихъ разореніе Пскову.

Одинъ изъ великихъ удѣловъ, Тверь оставалась еще неподверженною единоначалію. Михаилъ Борисовичъ, котораго сестра была первою супругою Іоанновою, владѣлъ симъ сильнымъ княжествомъ. Вотще надѣялся онъ подкрѣпить себя помощію Казиміра. Храбрость его служила только къ продолженію войны, и покровительство Польши доставало ему одно убѣжище въ бѣгствѣ.

Собравъ раздробленныя части Россіи, Іоаннъ перенесъ предѣлы ея за черту прежнихъ владѣній. Онъ воздвигъ противъ Нарвы сей огромный и враждебный ей зàмокъ, Иванъ-городъ, памятникъ древняго искусства. При немъ проникъ Россіянинъ въ сіи безмѣрныя страны, отдѣленныя дотолѣ отъ свѣта хребтами горъ и неизвѣстностью незлобивыхъ обитателей своихъ, оскудѣвшихъ сильными преселеніями, которыя низринули Римскую Имперію. Покорились полководцамъ Іоанновымъ устрашенныя племена Вогуличей и Остяковъ. Съ удивленіемъ видѣли Россіяне цѣлые народы, странствующіе на оленяхъ.

Но сіе временное нашествіе не обратилось въ постоянное завоеваніе, и мы увидимъ въ послѣдующій періодъ полезное присовокупленіе Сибири къ Россіи.

Такимъ сіяніемъ окружена была жизнь Великаго Государя, возстановителя монархіи въ Россіи! Поставляя ее на высшую степень достоин-

ства, испытывалъ онъ украсить видъ ея пріятностію искусствъ, тогда возраждавшихся въ южныхъ предѣлахъ Европы. Москва видѣла возвышающіяся зданія и военное искусство обогатилось присвоеніемъ огнестрѣльныхъ орудій. Между тѣмъ частная жизнь его не была свободна отъ домашнихъ огорченій. Пристрастная мать, Великая Княгиня Софія, умѣла склонить супруга своего къ объявленію сына ея, Василія, наслѣдникомъ, мимо внука, именемъ Димитрія, коего отецъ, сынъ Іоанновъ перваго брака, уже скончался. Сей поступокъ былъ ей бѣдственъ, и происки Елены, матери Димитріевой, навлекли на нее и сына ея заточеніе. Выведенный изъ заблужденія, Государь спѣшилъ загладить погрѣшность свою торжественнымъ возвращеніемъ и возведеніемъ на престолъ Василія.

(Л. 1505) Преемникъ Іоанновъ, Василій, замѣнилъ осторожнымъ благоразуміемъ и сохраненіемъ полезныхъ союзовъ то, чего не доставало ему въ сіяющихъ качествахъ въ сравненіи съ его родителемъ. Первымъ предпріятіемъ его было обращеніе Казани въ область россійскую. Успѣхи замедлены погрѣшностями полководцевъ и неповиновеніемъ воинства. Махметъ-Аминь, пораженный смертельною болѣзнью, призналъ ее наказаніемъ своего вѣроломства, и самовольно поручилъ народъ свой власти Василія.

Король польскій Сигизмундъ нарушаетъ миръ, заключенный съ Россіею братомъ его и предшественникомъ Александромъ. Война сія, вмѣсто

ожидаемыхъ выгодъ, производитъ отложеніе отъ Польши сильныхъ князей Глинскихъ, Россіянъ породою, но которые въ несчастныя междоусобія принуждены были лишиться отечества.

Посреди сихъ внѣшнихъ предпріятій, Василій не престаетъ помышлять объ утвержденіи власти своей въ Новѣгородѣ; самъ ѣдетъ туда, исправляетъ гражданское его учрежденіе, отрѣшаетъ во Псковѣ послѣдніе остатки народнаго правленія, требуетъ къ себѣ на судъ Псковитянъ и намѣстника своего, князя Оболенскаго, и сіи граждане заслуживаютъ прощеніе уничтоженіемъ вѣча и снятіемъ колокола, возвѣстителя народныхъ волненій.

Сила россійская уже столь возрасла, или благоразуміе Василія было столь удачно, что постоянный и скрытый непріятель его, Сигизмундъ, принужденъ подкрѣплять вражду свою набѣгами Милдигирея, хана крымскаго. Не взирая на то, Смоленскъ, древній и отъ Россіи отторгнутый городъ, присоединенъ къ ней паки любовію имени россійскаго и храбростью князя Глинскаго, котораго честолюбіе питалось тщетною мечтою присвоить себѣ завоеваніе онаго. Раздраженный неисполненіемъ надеждъ своихъ, онъ помрачилъ славу свою измѣною. Переписка его съ королемъ польскимъ перехвачена, и долговременное заключеніе въ темницѣ было справедливымъ наказаніемъ вѣроломства. Между тѣмъ князь Острожскій, полководецъ польскій, разбиваетъ при Оршѣ превосходныя числомъ воинства россійскія,

и епископъ смоленскій вступаетъ въ согласіе съ Польшею; однако вѣрность жителей смоленскихъ и дѣятельность Василія отвращаютъ угрожающее бѣдствіе. Сигизмундъ повѣрялся болѣе хитростямъ, нежели оружію, стараясь повсюду воздвигать непріятелей Россіи. Побуждаемый общими нуждами, императоръ Максимиліанъ желалъ укрѣпиться дружбою Россіи противъ короля Польскаго. Уважая могущество оной, прилагалъ онъ въ грамотахъ своихъ къ Василію равное съ собою достоинство императора, поднесенное потомъ чинами государственными Петру Великому. Между тѣмъ Казань сносила нетерпѣливо зависимость отъ Россіи. Поставленный Василіемъ, ханъ Шигалей усугубилъ жестокостью ненависть, которую имѣли къ нему Казанцы. Будучи изгнанъ, странствовалъ онъ по берегамъ Волги. Немедленно заключивъ счастливый миръ съ Польшею, Великій Князь Василій Іоанновичъ обратилъ войско свое на отложившуюся Казань. Царевичъ крымскій, Сафа Гирей, былъ призванъ на престолъ ея. Два воинства россійскія, одно по Волгѣ съ снарядами, другое сухимъ путемъ отправленныя, должны были соединиться у Свіяги. Суда были потоплены Черемисами, которые, преградивъ тѣсные проходы Волги, пускали тучу стрѣлъ и низвергали бревна. Сухопутное войско, напротивъ того, разбило непріятелей на-голову; но лишенное осадныхъ снарядовъ, удовольствовалось разореніемъ страны Черемисовъ. Шестью годами спокойствія пріуготовляется Василій за-

гладить неудачу сего похода. Наконецъ воинство россійское, подъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго, осаждаетъ Казань. Сафа Гирей, не взирая на болѣзнь, удерживавшую его отъ сраженій, противополагаетъ осаждающимъ все то, что можетъ внушить мужество и искусство. Россіяне находятъ Казань снова укрѣпленною непроницаемымъ острогомъ; десять тысячъ Ногайцовъ присоединяется къ осажденнымъ. Все лѣто проходитъ въ безполезныхъ приступахъ, и сіе самое надѣяніе на силы свои приводитъ Татаръ въ оплошность.

Отборные юноши приближаются съ горячими веществами къ острогу въ глубокомъ молчаніи нощи, и воспламенивъ его, призываютъ воинство. Россіяне врываются въ горящій городъ. Ужасъ, безпорядокъ осажденныхъ, раздраженная храбрость, осаждающихъ угрожаютъ истребленіемъ Казани. Сафа Гирей, находя въ отчаяніи новыя силы, отверзаетъ путь оружіемъ себѣ и супругѣ своей, Сумбекѣ, которой бодрость и мужескій разумъ достойнѣе славной памяти. Побѣда, столь кровопролитная, не была употреблена въ пользу предводителемъ, непрозорливымъ или виновнымъ. Почти властелинъ города, князь Бѣльскій удовольствовался даніею и подвергся опалѣ государской. Обезсиленные Ногайцы сами просили Великаго Князя о принятіи ихъ въ покровительство. Василій Іоанновичъ, боясь отдалить сердца ихъ возвращеніемъ къ нимъ касимовскаго царя Шигалея, поставилъ на царство младшаго брата его

Еналея, несчастнаго юношу, у коего непостоянные Казанцы скоро и престолъ и жизнь похищаютъ, возвративъ Сафа Гирея изъ Крыма.

Таковые государственные подвиги исполняли жизнь безпрерывно дѣятельную Великаго Князя Василія Іоанновича, поставленнаго Провидѣніемъ между двумя великими характерами, родителя и сына, которые, не помрачая его правленія, озаряютъ большимъ сіяніемъ взоры потомства. Сей послѣдній, рожденный великимъ человѣкомъ, но унизившій величіе свое жестокостью, будучи тогда въ нѣжномъ младенчествѣ, возбуждалъ болѣе страха, нежели надежды въ сердцѣ умирающаго родителя. Младая Елена, супруга Василія, находясь еще сама въ семъ возрастѣ, въ которомъ очарованія страстей отвергаютъ совѣты разума, оставалась правительницею государства,—случай безпримѣрный въ Россіи отъ временъ Ольги; ибо вдовствующія княгини самовольно осуждали себя на неизвѣстность монашеской жизни. Наказанный честолюбіемъ, князь Глинскій, дядя правительницы, исходитъ изъ темницы своей для вспомоществованія совѣтами, которые скоро сдѣлаются неугодными, между тѣмъ какъ счастливѣйшій любимецъ, князь Оболенскій, прозваніемъ Овчина, угожденіями своими и происками присвоивалъ себѣ единственно правленіе государства. Безпокойное малолѣтство Іоанново ознаменовано клеветами и распрями вельможъ, тщетнымъ покушеніемъ братьевъ покойнаго Великаго Князя, Георгія и Андрея, возобновить древній образъ прав-

ленія, по коему старшій въ княжескомъ родѣ всегда наслѣдовалъ престолъ.

Обманутые хитростями мрачной политики, другъ за другомъ подвергаются они бѣдствіямъ неудачнаго заговора и оканчиваютъ жизнь свою въ темничномъ заключеніи. Жестокое отъ боязни правленіе вооружалось противу неудовольствія бояръ. Князь Глинскій, пострадавшій за свободу порицаній своихъ, возбуждаетъ себѣ мстителя въ особѣ князя Бѣльскаго. Сей раздраженный полководецъ удалился въ Польшу и всюду искалъ непріятелей Россіи. Нашествія татарскія и война съ Литвою увеличиваютъ несчастія сего смутнаго малолѣтства, котораго безпорядки первые оставили сильное впечатлѣніе въ душѣ младшаго Іоанна и, можетъ быть, способствовали ко внушенію ей суровости.

Лишась родительницы въ первыхъ отроческихъ лѣтахъ, онъ долго былъ свидѣтелемъ безначалія и распри вельможъ, тотъ, кто въ послѣдствіи оградитъ власть свою ужасомъ и заслужитъ именованіе Грознаго, толь противуположное имени Кроткаго, утѣшителя смертныхъ. Удручаемый силою Шуйскихъ, юный Государь видѣлъ и себя и государство въ ихъ зависимости; видѣлъ заточеніе тѣхъ, которые дерзали заслуживать его довѣренность. Одна внѣшняя опасность въ состояніи была соединять противныя стороны вельможъ: нашествіе Крымцевъ и Казанцевъ доставляло двору кратковременное спокойствіе. Возбужденный яростью Бѣльскаго, Саѳа Гирей всту-

пилъ въ Россію для того, чтобъ покрыть себя стыдомъ поспѣшнаго бѣгства.

Рѣдкій умъ Іоанна сократилъ обыкновенное время младенчества, и въ 14 лѣтъ сей Государь воспріялъ бремя правленія; но вмѣсто спокойной власти, которая должна была ознаменовать законнаго наслѣдника, удары мщенія сопровождали его восшествіе на тронъ. Низвергнуты Шуйскіе, и сердце у юнаго Государя упоилось прелестями самовластія. Низринувъ иго утѣснителей и не зная спасительнаго принужденія законовъ, онъ искалъ грубыхъ увеселеній и разсѣянія въ обществѣ молодыхъ развратниковъ, которые спѣшили овладѣть имъ.

Не взирая на то, великая душа его исторглась насильственно изъ глубокаго сна роскоши, въ которой ласкатели погрузить ее хотѣли.

Въ шестнадцать лѣтъ онъ вознамѣрился поразить мнѣніе людей увеличеніемъ своего сіянія. Окружая престолъ торжественными обрядами, Іоаннъ увѣнчевается діадимою и бармами, и первый воспріемлетъ наименованіе Царя всея Россіи.

Въ то же время онъ счастливо избираетъ супругу въ особѣ Анастасіи Романовны, дщери Окольничаго, Романа Юрьевича Захарьина. Любви достойныя добродѣтели ея смягчаютъ сердце Іоанново, и направляютъ все его рвеніе ко славѣ и благополучію государства.

Таково было предпріятіе его обезпечить Россію съ востока и совершить желаніе родителя и дѣда присовокупленіемъ Царства Казанскаго. Мно-

гіе походы оканчиваются безполезными сраженіями. Недостатки древняго воинскаго искусства препятствовали дѣйствію храбрости воиновъ и предпріимчивости полководцевъ. Далекое разстояніе, затрудненіе доставлять съѣстные припасы, нетерпѣливость воинства, собираемаго на случай похода: все сіе удерживаетъ паденіе Казани. Но выгодное возвышеніе на берегу рѣки Свіяги привлекаетъ вниманіе царское. Привозятся Волгою всѣ части деревяннаго города, и Казань, видя почти при вратахъ своихъ страшное укрѣпленіе россійское, сомнѣвается о своей безопасности. Вдова Сафа Гиреева, Сумбека, принуждена народомъ признать паки верховность Россіи и поручить престолъ и руку свою Шигалею.

Но сія хитрая и властолюбивая царица, уступая на время необходимости, умышляла расторгнуть принужденный союзъ свой съ Шигалеемъ. Устрашенный собственною опасностью и сильный оружіемъ россійскимъ, Шигалей отсылаетъ ее въ Москву за стражею.

Какъ трепещущій деспотъ, онъ мыслитъ удержаться кровопролитіемъ на колеблющемся своемъ престолѣ. Но будучи жертвою ненависти народной, и въ чреду свою обвиняемый передъ Государемъ коварствомъ Чабкуна, одного изъ князей казанскихъ, Шигалей отправляется въ Москву для оправданія и оставляетъ Казани воспоминаніе достойное тирана. Отчаянная Казань, заключая врата свои Россіянамъ, требуетъ защиты отъ Гедигера, царевича астраханскаго.

Сей несчастный покровитель Казани заслуживалъ гордымъ своимъ духомъ и безполезнымъ мужествомъ означить паденіе оной, и долженствовалъ уступить счастію Царя Іоанна Васильевича.

Крымскій ханъ нападалъ на Россію для отвлеченія силъ ея, идущихъ на пораженіе Казани. Сіе происшествіе, покореніе цѣлаго царства, есть одно изъ важнѣйшихъ, утвердившихъ единоначаліе въ Россіи и возвѣстившихъ славу ея внѣ предѣловъ оныя.

Многіе изъ бояръ россійскихъ имѣли случай показать въ войнѣ дарованіе полководцевъ. Исторія отличаетъ двоюроднаго брата царскаго, Владиміра Андреевича, князей Воротынскаго, Палецкаго, Курбскаго, Серебрянаго. Но первый, будучи близокъ ко степенямъ престола, возмутилъ спокойствіе свое наслѣдственнымъ честолюбіемъ и возобновленіемъ древнихъ притязаній, которыя давали преимущество старшинству. Тяжкая болѣзнь царская служила къ тому поводомъ, и печальная строгость помрачила сіяніе побѣды.

Между тѣмъ открывался Россіи новый способъ сообщенія съ Европою. Купечественный духъ Англичанъ порывался сыскать проходъ въ Америку на сѣверо-востокъ, открылъ нечаянно Бѣлое Море и устье Сѣверной Двины.

Начальникъ корабля, Рихардъ Чалоръ, пріявшій на себя въ присутствіи Государя званіе англійскаго посланника, положилъ начало торговли и сообщенія между обоими народами. Съ россій-

ской стороны отправленъ былъ посланникомъ въ Англію намѣстникъ вологодской, Осипъ Налеевъ. Спасшись въ кораблекрушеніи одинъ изъ всѣхъ своихъ сопутниковъ, онъ былъ представленъ королевѣ Маріи, и съ особливою почестью принятъ гражданствомъ лондонскимъ.

Едва покоривъ одно Татарское Царство, завоеватель Казани видѣлъ другое того же племени, добровольно поддавшееся его власти. Все теченіе Волги присоединилось ко владычеству Россіи. Астрахань, на устьяхъ ея воздвигнутая, знаменитая выгодами торговли и мореплаванія, предпочла покровительство великаго государства насильственному владѣнію собственныхъ хановъ.

Напрасно Ямтурчій, въ противность народнаго права, оскорбляетъ пословъ россійскихъ; онъ оставляетъ престолъ свой при слухѣ о приближеніи царскихъ войскъ подъ предводительствомъ князя Шимякина Бронскаго, и бѣжитъ въ Сибирь. Служивый царь касимовскій Дербишъ Алей пріемлетъ, по повелѣнію Государя, правленіе Астрахани. Такимъ образомъ страшное владычество Чингисхана упадаетъ по частямъ и становится само областью государства, котораго оно пріуготовляло погибель. Одно Ханство Крымское сохраняетъ еще остатокъ силы и покушается многократно отмстить Россіи за власть, которую воспріяла она надъ татарскими племенами. Но усиліе Делей Гиреевы оканчивались кратковременными набѣгами и безплодными сраженіями.

Обширный разумъ Іоанновъ предвидѣлъ поль-

зы, которыя Россія пріобрѣсти можетъ ближайшимъ соединеніемъ съ европейскими народами и оказаніемъ могущества своего на западѣ.

Ливонія представляла ему важную область, на которую Россія имѣла древнія права. Первый изъ Густавовъ, прославившій имя Вазы избавленіемъ отечества своего изъ-подъ ига Даніи, воспріялъ-было на себя защищеніе ливонскихъ рыцарей; но отраженный подъ Орѣшкомъ, и видя пламенникъ войны, внесенный въ Швецію отважнымъ Палецкимъ, оставилъ подвиги, несоразмѣрные старости его. Вотще, ослабленные внутренними несогласіями, рыцари ливонскіе ласкаются отвратить отъ себя посольствами угрожающую войну. Царь посылаетъ въ Лифляндію многочисленное войско подъ предводительствомъ бояръ своихъ и служивыхъ царей татарскихъ. Ливонія не можетъ воспротивиться успѣхамъ россійскаго оружія, и удары, нанесенные Ругодеву и прочимъ городамъ ея, наполняютъ ужасомъ Ригу и Колывань, между тѣмъ какъ короли Густавъ шведскій и Сигизмундъ польскій не пріемлютъ живаго участія въ судьбѣ рыцарей. Вождь Меченосцевъ Ливонскихъ, Фирстенбергъ, уклоняется отъ бремени правительства, препоручивъ оное коадъютору своему, Кетлеру. Сей новый начальникъ, по приговору рыцарскаго собранія, отправляетъ къ Царю пословъ о испрошеніи мира, между тѣмъ какъ нечаянное оскорбленіе, нанесенное Ивану-городу жителями Ругодевскими, отъемлетъ послѣднюю надежду къ полученію онаго. Съ одной сто-

роны Плещеевъ и Адашевъ входятъ побѣдителями въ Нарву; съ другой князь Шуйскій взятіемъ многихъ городовъ пріуготовляетъ себѣ дорогу къ осадѣ Дерпта, или Юрьева, втунѣ защищаемаго своимъ епископомъ.

Новый магистръ Ордена, Кетлеръ, соединяясь съ датскимъ княземъ Магнусомъ, не можетъ взять обратно сего города, и россійское воинство, прошедъ безпрепятственно весь округъ Лифляндіи, возвратилось къ предѣламъ государства.

Впаденіе крымскаго хана въ Россію доставило Кетлеру мгновенное отдохновеніе; оружіе россійское, страшное для бѣгущихъ Татаръ, обратилось съ вящшею силою на Ливонцевъ.

Феллинъ, защищаемый множествомъ огнестрѣльныхъ орудій, уступаетъ храбрости побѣдителей, и Фирстенбергъ, бывшій вождь рыцарей, становится плѣнникомъ. Безсильный противустоять Россіи, Кетлеръ, низложивъ санъ свой, отдаетъ право магистра и владѣнія Ливоніи Сигизмунду, королю польскому, довольствуясь для себя удѣломъ Курляндіи и Семигаліи, которыхъ онъ былъ первымъ герцогомъ. Въ то же самое время Ревель и Эстляндія мятутся въ выборѣ подданства между Даніи и Швеціи: столь владычество Россіи противорѣчило предразсужденіямъ ихъ и обычаямъ!

Принятіе Ливоніи въ покровительство Польши обратило оружіе Царя Іоанна Васильевича на Сигизмунда, который и безъ того нанесъ личное оскорбленіе Царю отказомъ ему дщери своей въ

супружество. Счастливый походъ, подъ начальствомъ самого Царя, покоряетъ ему знатную часть Литвы. Полоцкъ, древняя отчина россійскихъ государей, отверзаетъ ему врата свои.

Но въ слѣдующее лѣто измѣны счастія уничтожили надежды Іоанновы. Непріученному испытывать противности, ему казались неудачи преступленіями. Взаимныя обличенія полководцевъ; вражды россійскихъ съ иностранными, и, можетъ быть, нѣкоторыя виновныя ихъ сношенія съ непріятелемъ возбудили въ его душѣ опасныя бури, которыя доселѣ укрощались миролюбивымъ гласомъ супруги его, Анастасіи Романовны. Съ ея кончиною были отъяты спасительныя преграды насильственныхъ страстей Іоанновыхъ, и печальное удовольствіе мести, недостойное монарха, покрыло славныя дѣянія его мрачною тѣнью.

Можетъ быть, чувствованіе того, что онъ оскорбилъ жестокостью сердца народныя, заставило его повѣрить безопасность особы своей толпѣ тѣлохранителей, извѣстныхъ подъ именемъ Опричниковъ, такъ названныхъ по опричинѣ, или по собственнымъ маятностямъ государя, которыхъ главное мѣсто была Александрова Слобода. Сіи страшныя орудія непредвидимой мести составляли непроницаемую преграду между государя и подданныхъ. Бѣдственные удары постигаютъ людей отличныхъ заслугами и достоинствами. Князь Курбскій, полководецъ храбрый и искусный, предупреждаетъ жребій свой бѣгствомъ изъ отечества. Его писанія донынѣ об-

виняютъ предъ потомствомъ память царскую. Благоразумный Адашевъ видитъ себя и родъ свой пораженныхъ общею опалою. Первосвященникъ московскій Филиппъ, котораго память чтитъ Церковь россійская, платитъ жизнію за смѣлыя свои обличенія. Не одни частные люди испытываютъ тяжесть гнѣва Іоаннова: цвѣтущіе города приближаются къ погибели, возбудивъ его негодованіе. Новгородъ, возвращенный дѣдомъ его въ лоно Россіи толь кротко и осторожно, обвиняется въ тайномъ сношеніи съ Сигизмундомъ, и неизвѣстно еще, истина или клевета внушила сей доносъ. Въ самое то же мгновеніе пресѣкаются всѣ пути сообщенія между Москвы и Новагорода, и Царь прибытіемъ своимъ предупреждаетъ слухъ о его походѣ. Глава мнимаго заговора, архіепископъ Пименъ навлекаетъ на себя укоризны царскія и лишается свободы. Скоро цѣлый городъ становится позорищемъ свирѣпства опричниковъ; пять недѣль продолжаются казни, и Новгородъ, истощенный, изнемогающій, утратилъ буйное своеволіе вмѣстѣ со многолюдствомъ и богатствомъ. Псковъ и Тверь, города участвовавшіе въ судьбѣ Новагорода, поражаются тѣми же ударами; самая столица представляетъ виновныхъ разгнѣванному Государю, и возвращеніе его ознаменовано страхомъ, а не радостными восхищеніями народа.

Достойнѣе является Государь сей, когда поставляетъ силу Россіи выше оскорбленій со стороны иноземныхъ народовъ. Сынъ Густава Вазы,

Эрихъ XIV, низвергается съ престола братомъ своимъ, Іоанномъ, супругомъ Сигизмундовой дщери, бывшей невѣсты Іоанна Васильевича. Послы россійскіе заключены въ темницу; Царь имѣетъ справедливую причину возобновить завоеванія свои въ Эстляндіи, уже области шведской; но чтобъ ихъ сдѣлать надежнѣе, призываетъ Магнуса, царевича датскаго, который воевалъ прежде противъ него въ сообществѣ съ Кетлеромъ, и предлагаетъ его Эстляндіи въ государи подъ покровительствомъ Россіи. Успѣхи воинскіе, долженствовавшіе быть правомъ Магнуса, не подкрѣпляютъ надеждъ его, и едва не подвергается онъ гнѣву Царя Іоанна Васильевича.

Сигизмунда уже не было, и Генрихъ III Анжу, государь блестящій и роскошный, явился на престолѣ польскомъ, единственно для того, чтобы промѣнять его на знаменитѣйшій тронъ своего отечества, на которомъ ожидали его междоусобія и насильственная смерть. Между тѣмъ достойнѣйшій изъ гражданъ польскихъ, Стефанъ Баторій, приведенъ былъ заслугами къ правленію государства; его дѣятельность озаботила Царя Іоанна Васильевича гораздо болѣе, нежели безпокойный духъ Сигизмунда. Предводительствуя самолично, входитъ онъ паки въ Полоцкъ, и не смотря на упорное защищеніе Россіянъ, вступаетъ въ наши предѣлы, беретъ Великіе-Луки и осаждаетъ Смоленскъ, между тѣмъ какъ Шведы съ своей стороны усиливаются въ Эстляндіи и берутъ Кексгольмъ.

Трудность обстоятельствъ внушаетъ Царю Іоанну Васильевичу намѣреніе доставить себѣ посредство, необыкновенное для Россіи: ходатайство престола римскаго. Григорій XIII, занимавшій его въ то время, отправляетъ къ Государю посланника, іезуита Антонія Пассевина, съ порученіемъ миротворства между обоихъ государей, и другого предмета, важнѣйшаго для папъ, но котораго не могли они никогда достигнуть— преклоненія Россіи къ исповѣданію римскому. Имѣвъ прежде свиданіе съ Баторіемъ и отобравъ требованіе его для заключенія мира, посолъ папскій отправился къ Государю, который принялъ его въ Старицѣ великолѣпнѣйшимъ образомъ. Тамъ были производимы переговоры, и требованіямъ польскимъ противупоставлены другія. Съ отзывомъ царскимъ нашелъ Пассевинъ короля польскаго подъ стѣнами Пскова, имъ осажденнаго. Съ одной стороны, важные успѣхи возбуждали Баторія къ продолженію войны; съ другой, опасеніе доставить Шведамъ благопріятный случай пользоваться тѣми же выгодами, заставляло его желать мира. Подъ предводительствомъ Понтуса де-ла Гардія сіи послѣдніе взяли уже Нарву, Иванъ-городъ и угрожали Новугороду. Взаимныя выгоды побудили обѣ стороны приблизиться къ соглашенію: уступкою Лифляндіи и Полоцка Царь Іоаннъ Васильевичъ возвратилъ себѣ взятые Баторіемъ города россійскіе, и достигнулъ мира, котораго толь долго не знала Россія; ибо въ то же самое время Шведы, остав-

ленные Поляками, претерпѣли пораженіе подъ Орѣшкомъ, и заключили перемиріе.

Такимъ образомъ война, счастливо начатая на западѣ, не была увѣнчана успѣхами, какое оружіе россійское имѣло на востокѣ противъ Казани и Астрахани. Но какъ слава великихъ предпріятій не зависитъ отъ удачи, то потомство отдаетъ справедливость прозорливости Іоанна, который предвидѣлъ пользу присоединенія Лифляндіи къ Россіи.

Но между тѣмъ какъ подвиги, производимые силами цѣлаго государства, не достигали предполагаемой цѣли, дерзкое усиліе толпы изгнанниковъ совершаетъ дѣла неожидаемыя, и пріобрѣтаетъ Россіи неизмѣримыя области. Искавъ убѣжища отъ строгости законовъ, сонмъ Донскихъ казаковъ, виновныхъ въ грабительствѣ, подъ начальствомъ Ермака Тимоѳеева, скрывавшаго въ низкомъ состояніи дарованія полководца, протекаетъ рѣками Чусовою и Серебренкою за Уральскія Горы. Какъ побѣдители князей татарскихъ, они основываютъ въ Сибири владычество Россіи. Сему предпріятію способствовало бывшее на границахъ Сибири заведеніе знаменитаго богатствами своими торговагѳ человѣка, Аникія Строганова, который принужденъ былъ снабжать войско Ермаково оружіемъ и съѣстными припасами.

Не одни завоеванія поставляютъ имя Царя Іоанна Васильевича на сію высокую степень славы. Попеченіе его о собраніи законовъ россійскихъ даетъ ему мѣсто между законодателями.

Отягченный болѣе трудами правленія, нежели древностію лѣтъ, заключилъ онъ жизнь свою, сѣтуя о потерѣ старшаго сына, котораго кончину долженъ онъ былъ приписывать неукротимой своей запальчивости.

Оставляя преемникомъ престола второго сына своего, Ѳеодора Іоанновича, изъявилъ онъ, кажется, нѣкоторое недовѣріе къ неопытнымъ силамъ его, составивъ совѣтъ правленія изъ бояръ Мстиславскаго, Шуйскаго и Никиты Романовича Юрьева, которые долженствовали вспомоществовать юному государю. Но скоро дотолѣ сокрытая сила шурина царскаго, боярина и конюшаго Бориса Ѳеодоровича Годунова, превозмогла ихъ вліяніе, и оставляя монарху внѣшность могущества, присвоила себѣ правленіе государства. Сей вельможа, обширнаго, хитраго разума, могъ бы заслужить благодарность отечества, еслибъ честолюбіе его удовольствовалось второю степенью.

Безчадіе царя Ѳеодора служило основаніемъ виновныхъ надеждъ Годунова, и вовлекло его въ злодѣйства, къ которымъ онъ не былъ сроденъ. Издали готовилъ онъ уничтоженіе единственнаго препятствія, гибель царевича Димитрія, котораго, подъ видомъ чести, удалилъ отъ столицы съ родительницею въ удѣлъ его, Угличъ. Воспитатель Димитріевъ, Бѣльскій, мужъ твердый и предпріимчивый, въ первые дни новаго правленія былъ невинною причиною народнаго возмущенія, и принужденъ уклониться отъ угрожавшей бури

Собраніе вельможъ и земскихъ людей просило государя о воспріятіи на самого себя бремени правленія, желая, чтобы онъ освятилъ санъ свой торжественнымъ вѣнчаніемъ. Сіе не воспрепятствовало дѣйствію тайныхъ ухищреній Годунова. Безчисленныя помѣстья и отчины доставили ему великое богатство. Мало по малу всѣ государственные чиновники пришли въ его зависимость. Опытнѣйшіе вельможи предвидѣли опасность, которой Годуновъ подвергалъ правленіе, и вымышляли способъ унизить силу его, преклонивъ государя къ разводу съ безчадною супругою его, Ириною, сестрою Годунова. Но умыслъ ихъ предупрежденъ хитростью, и Годуновъ низвергъ противниковъ своихъ, Шуйскаго и митрополита московскаго Діонисія. Епископъ ростовскій Іовъ заступилъ мѣсто сего послѣдняго. Онъ первый возвеличенъ былъ патріаршескимъ саномъ. Утѣсненія со стороны Турокъ принудили патріарха константинопольскаго, Іеремію, искать защиты въ Россіи. Посѣщеніе сіе было поводомъ къ освобожденію Церкви Россійской отъ зависимости константинопольскаго престола.

Между тѣмъ приготовлялся во мракѣ злодѣйственный ударъ, который пораженіемъ невинности долженствовалъ открыть путь къ престолу властолюбивому Годунову. Съ умысломъ разсѣваются въ народѣ клеветы на младенчество Димитріево. Изъ забавъ онаго выводятъ заключенія о будущей его жестокости; между тѣмъ какъ несчастный царевичъ, преданный воспитательни-

цею своею, окруженный тайными врагами, которыми управлялъ Битяговскій, испускаетъ духъ свой подъ кинжаломъ убійцы, 15-го Мая 1591 года. Ужасенные Угличане отмщаютъ на мѣстѣ убійцамъ за ихъ злодѣйство; но сами, въ чреду свою, по строгомъ и несправедливомъ изысканіи, наказываются заточеніемъ въ Пелымъ за ревность, которая могла открыть подозрѣніе на Годунова. Ложныя донесенія успокоиваютъ царское болѣзнованіе. Царица, мать Димитріева, принуждается къ воспріятію монашескаго чина. Угрозы заглушаютъ роптанія народа. Между тѣмъ счастливыя происшествія внѣ государства, война со Шведами, выгодно произведенная и оконченная, отвлекаютъ общее вниманіе отъ сего ненавистнаго позорища. Въ ослабѣвающемъ здравіи царя Θеодора Іоанновича Годуновъ видѣлъ близкое совершеніе надеждъ своихъ. Наконецъ послѣдній изъ государей Рюрикова поколѣнія, которое обладало престоломъ россійскимъ семь столѣтій съ половиною, преставился бездѣтенъ 1598 г.

Царица Ирина Θеодоровна, которой любовь супруга ея завѣщала правленіе государства, предпочла спокойствіе благочестиваго уединенія трудамъ верховнаго сана. Честолюбіе брата ея воспользовалось симъ смиреніемъ, заимствовавъ личину онаго. Годуновъ желалъ, и дошелъ до того, что народъ утвердилъ законнымъ избраніемъ дальновидные его происки, и притворно уклонявшагося принудилъ слезами и увѣщаніями оста-

вить спокойную ограду монашеской обители. Свойственникъ государя по сестрѣ, онъ затмѣвалъ дарованіями своими достоинство прочихъ соперниковъ, которыхъ подобные союзы съ царскимъ домомъ приближали къ престолу. Княжескіе роды, сравненные съ прочими боярами, и представляя во множествѣ своемъ равное и неизвѣстное право къ наслѣдію, были удалены отъ онаго.

Романовы, возвышая древнее сіяніе заслугъ своихъ союзомъ съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, были постояннымъ предметомъ страховъ Годунова и гоненій; многіе изъ нихъ, заточенные въ дальнѣйшіе предѣлы государства подъ вымышленными предлогами, были жертвою злобы доносителей.

Θеодоръ Никитичъ, котораго дарованія сопровождены были любви достойными добродѣтелями, приневоленъ къ воспріятію священнаго чина подъ именемъ Филарета.

Но первые дни сомнительнаго царства ознаменованы притворствомъ благочестія и дѣятельными подвигами правительства. Сколько обрядъ вѣнчанія ни былъ полезенъ Годунову для освященія права его къ престолу, однако онъ почитаетъ себя обязаннымъ отразить прежде опасность отечества: предпоставивъ стройное ополченіе, удерживаетъ орды крымскія, готовыя учинить нападенія, и отпускаетъ устрашенными союзниками тѣхъ, которые пришли врагами. Однако жъ не всѣ происшествія были столь успѣшны. Великій

голодъ терзаетъ народъ, улицы московскія покрыты трупами умирающихъ, и честолюбивый Годуновъ видѣлъ горести неразлучныя съ верховнымъ саномъ. Собственныя намѣренія его, утвердить потомство свое на престолѣ бракомъ дщери его, Ксеніи, съ призываемыми одинъ послѣ другого иностранными князьями, шведскимъ и датскимъ, уничтожились охлажденіемъ къ одному и кончиною другого.

Чувствительный къ выгодамъ просвѣщенія, Царь Борисъ Ѳеодоровичъ послѣдовалъ примѣру Грознаго, стараясь вводить въ Россію европейскіе нравы и искусства. Еще существуютъ великолѣпныя зданія, имъ воздвигнутыя. Онъ поощрялъ купечество и сообщеніе съ другими народами; сохраняя благоустройство воинства, пекся о безопасности страны своей.

Между тѣмъ какъ Годуновъ наслаждался похищеніемъ, непріятель презрительный и неизвѣстный готовился низвести его съ престола. Молодой человѣкъ, воспитанный въ Чудовомъ Монастырѣ, соединявшій съ остротою разума опрометчивость на предпріятія самыя дерзкія, Григорій Отрепьевъ, былъ удаленъ сначала, но безъ должной осторожности, изъ Москвы, по причинѣ буйныхъ и нескромныхъ рѣчей, которыхъ поводомъ было чудесное сходство его съ убіеннымъ царевичемъ Димитріемъ. Странствуя изъ одного монастыря въ другой, проникъ онъ въ Польшу, и скинувъ черническое одѣяніе, вошелъ въ службу князя Вишневицкаго. Притвор-

ная болѣзнь служила ему поводомъ къ объявленію на исповѣди, что онъ сынъ Іоанновъ, спасенный отъ кинжала убійцы. Столь разительное приключеніе, споспѣшествуемое взаимною непріязнію двухъ сосѣдственныхъ народовъ, вооружило Поляковъ въ пользу мнимаго царевича. Честолюбивый воевода сендомирской Мнишекъ является дѣятельнѣе прочихъ въ возведеніи самозванца на престолъ, на которомъ ласкается увидѣть вмѣстѣ съ нимъ дочь свою, злополучіями знаменитую Марину. Тщетны старанія Годунова отвратить переговорами или оружіемъ угрожающую бурю. Духъ сомнѣнія и неудовольствія движетъ воинство и предѣлы россійскія. Трепещущій похититель низходитъ во гробъ скоропостижно отъ горести или отчаянія; сынъ его, юный Ѳеодоръ Борисовичъ, воспріемлетъ только для того имя царя, чтобъ подвергнуть главу свою мечу свирѣпыхъ предшественниковъ самозванца, которые среди самаго Кремля, пользуясь волненіемъ народа, превозмогаютъ увѣщанія вельможъ и патріарха, и возглашаютъ царя Димитрія Іоанновича. Сопровождаемый иностранною дружиною и необыкновеннымъ великолѣпіемъ, мнимый Димитрій заставляетъ послѣднюю супругу Царя Іоанна Васильевича признать себя за сына.

Природныя дарованія сего хитраго обманщика, изощренныя ученіемъ, приводятъ его въ состояніе поддерживать нѣкоторое время высокій санъ, имъ похищенный. Но просвѣщеннѣйшіе вельможи не могли сомнѣваться въ обманѣ. Пер-

вый изъ нихъ, Василій Ивановичъ Шуйскій, изыскатель царевичевá убіенія, становится главою заговора противъ самозванца; но умыслъ открытъ, и Шуйскій, осужденный на смерть, получаетъ прощеніе отъ осторожной политики самозванца. Опасность не менѣе существовала и по разрушеніи заговора, ибо народъ видѣлъ съ негодованіемъ предпочтеніе Поляковъ, уваженіе къ римскому исповѣданію и сообщеніе съ папскимъ престоломъ. Сіи неудовольствія, долго таясь въ молчаніи, съ насиліемъ воспылали во дни послѣдовавшіе браку самозванца съ дочерью Мнишка, Мариною. Кремль обступленъ народомъ; набатный колоколъ возвѣщалъ его мятежъ; стража истреблена; поверженъ Басмановъ, ея начальникъ, прежде защитникъ отечества, послѣ служитель самозванца. Лжедимитрій самъ, ища спасенія, низвергается изъ чертоговъ, и полумертвый пріемлетъ наказаніе за обманъ отъ народной ярости. Отмститель отечества, Шуйской провозглашается отъ сильнѣйшей и преданной ему части бояръ государемъ россійскимъ. Но престолъ надолго сдѣлался зрѣлищемъ знаменитыхъ несчастій. Вельможи, народъ, омрачены духомъ заблужденія и безпокойства, вооружаясь на растерзаніе отечества. Жестокіе сосѣды, Поляки и Шведы, подъ видомъ вспоможенія, пользуются колебаніями Россіи. Презрѣнные самозванцы возстаютъ отъ всѣхъ концовъ государства и устремляются къ столицѣ. Все царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго проходитъ въ сопротивле-

нія симъ возмутителямъ народа. Наконецъ вельможи, негодующіе на то, что видѣли себя подданными одного изъ своихъ равныхъ, восхотѣли лучше призвать иноплеменника, и подкрѣпленные Поляками, низвергнули государя своего, принудивъ его неволею воспріять монашескій чинъ. Отвезенный подъ стражею въ Польшу, онъ заключаетъ горестную жизнь свою.

Народъ сосѣдственный и однородный, Поляки были въ то время безжалостными творцами несчастій Россіи. Введенные однажды въ нѣдро ея обманомъ Лжедимитрія, они не хотѣли оставить ее, не отмстивъ ей за собственные страхи и уничиженія. Они не устыдились быть соучастниками и покровителями другого самозванца, который отъ пребыванія въ селѣ Тушинѣ получилъ именованіе Тушинскаго. Сей второй самозванецъ имѣлъ невѣроятные успѣхи противъ полководцевъ россійскихъ отъ легковѣрія народнаго и безстыдной своей дерзости. Наконецъ онъ принудилъ Щуйскаго выдать себѣ ту, которую ложно называлъ супругою, Марину, и отца ея Мнишка. Сіи несчастные имѣли подлость признать въ немъ убіеннаго Лжедимитрія. Столь беззаконное честолюбіе можетъ унизить человѣка! Между тѣмъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, одинъ изъ достопамятнѣйшихъ мужей того времени, отличается всѣми качествами сердца и разума. Принужденный боязливою хитростью Годунова войти въ уединеніе монашеской жизни, онъ находитъ случай показать все превосходство души,

рожденной для великихъ дѣлъ. Достигнувъ въ духовенствѣ сана первосвященника, онъ украшалъ собою ростовскую митрополію тогда, какъ Тушинскій самозванецъ готовился овладѣть беззащитнымъ градомъ. Филаретъ одинъ противополагаетъ свирѣпой наглости грабителей неодолимую твердость души, спокойно ожидая меча убійцы передъ жертвенникомъ, на которомъ служилъ онъ столь достойно. Не остановила грабителей святость мѣста: они похищаютъ первосвященника, совлекаютъ одѣяніе его и уводятъ съ собою въ заключеніе. Жизнь Филарета сохранена была для спокойнѣйшихъ дней, въ которыхъ увидитъ онъ юнаго сына своего, начинающаго новое поколѣніе государей и исправляющаго вредъ, нанесенный государству долгимъ междоусобіемъ. Разбитіе подъ Москвою Гетмана Ружинскаго храбрымъ полководцемъ Скопинымъ Шуйскимъ возвратило свободу достойному святителю. Скопинъ надѣялся очистить Россію отъ Поляковъ въ соединеніи съ шведскимъ полководцемъ Понтусомъ де-ла-Гардіемъ, который привелъ въ Россію вспомогательныя войска въ силу договора, заключеннаго съ Швеціею симъ самымъ Скопинымъ по указу царя, дяди его.

Но несчастный жребій Шуйскаго долженъ былъ совершиться. Собственныя ошибки его способствовали его паденію. Заговоръ Ляпуновыхъ низвергъ его, и гетманъ Жолкѣвскій сталъ властелиномъ Москвы. Сей полководецъ преклоняетъ вельможъ россійскихъ повергнуться въ зависи-

мость короля своего, Сигизмунда. Не взирая на обыкновенную ненависть людей къ чуждому владычеству, сословіе бояръ московскихъ призываетъ на престолъ Владислава, сына Сигизмундова. Наряжается посольство, и въономъ Филаретъ, для испрошенія королевича польскаго. Въ такомъ замѣшательствѣ дѣлъ, первый, воспріявшій оружіе противъ силы утѣснителей отечества, былъ тотъ же самый Ляпуновъ, который низложилъ царя Василія. Пораженный несчастіями отечества, собралъ онъ въ поспѣшности войско, двинулся отъ Казани, усиливая сторону свою взятіемъ городовъ, по пути лежащихъ, и явился предъ стѣнами Москвы, гдѣ Поляки проливали рѣки крови. Ляпуновъ и князь Трубецкой повелѣвали дворянствомъ; Заруцкой, свирѣпый покровитель Марины, предводительствовалъ войскомъ Донскихъ Казаковъ. Потеря Смоленска, которую храбрый воевода Шеинъ не могъ отвратить въ упорной осадѣ Сигизмундовой, едва была чувствуема Россіею, погруженною во всѣ бѣдствія междоусобія. Нѣкоторые изъ бояръ обратились къ Карлу IX, королю шведскому, и желая противопоставить его Сигизмунду, испрашивали на престолъ одного изъ сыновъ его. Понтусъ де-ла-Гардій, которому состояніе Россіи было извѣстно, побуждалъ государя своего похитить у Россіи Новгородъ. Исполненіе послѣдовало немедленно за умысломъ, и Шведы, введенные измѣною въ стѣны Новгорода, едва находятъ слабое сопротивленіе отъ безоружныхъ

[illegible]. [illegible] [illegible].. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] Нижняго Новгорода. Козьма Миничъ,
прозванный Сухорукій, [illegible]
[illegible]
[illegible] Пожарскій,
раненный въ [illegible] сраженій съ Поляками,
[illegible]
Нижняго Новгорода. Къ нему приходятъ [illegible]
[illegible]
[illegible] Заруцкій [illegible]
[illegible] Пожарскаго [illegible]
[illegible]. Тогда Заруцкій посылаетъ тай-
наго злодѣя для убіенія его. [illegible]
[illegible]
[illegible] Пожарскому — [illegible]
[illegible]

Въ это время польское войско, подъ предводи-
тельствомъ гетмана Ходкевича, приближалось
[illegible]

своихъ, заключенныхъ въ Москвѣ. Трубецкой призываетъ Пожарскаго, и онъ немедленно является на поляхъ московскихъ; но, вопреки желанію Трубецкого, уклоняется отъ соединенія обоихъ становъ: неспособный къ малодушію честолюбія, онъ боялся, чтобы наглость и неподчиненность не проникли въ войско его изъ стана его товарища. Опытъ оправдалъ предосторожность его, и жители московскіе, утѣсняемые гладомъ, препоручили человѣколюбію Пожарскаго, предпочтительно предъ Трубецкимъ, выпущенныхъ женъ и дѣтей своихъ. Упорное и достопамятное сраженіе, въ которомъ любовь отечества препиралась съ народною враждою, увѣнчало подвиги Пожарскаго,—сраженіе, продолжавшееся цѣлый день за нѣсколько шаговъ отъ улицъ московскихъ. Уже Трубецкой принужденъ былъ отступать къ стану своему. Пожарскій едва выдерживалъ стремленіе Ходкевича. Козьмѣ Минину принадлежитъ честь рѣшить сраженіе. Съ тремя стами дворянъ ударилъ онъ удачно въ непріятеля, и безпорядокъ, произведенный въ полкахъ польскихъ, былъ послѣдованъ совершеннымъ разбитіемъ и бѣгствомъ гетмана. Ограды стѣнъ, окружавшія столицу въ сіе воинственное время, одна за другою сдавались. Видя покушенія свои безполезными, Сигизмундъ принужденъ былъ дать отдохновеніе Россіи, и присланные изъ Новгорода отъ Понтуса де-ла-Гардія для переговоровъ получили въ Москвѣ отвѣтъ, достойный возобновляющейся силы государства. Вспо-

могательное войско англійское, пришедшее къ Архангельску, было возвращено съ благодарностью, какъ ненужное для избавленія государства. Тогда спасители отечества, которые дотолѣ служили ему оружіемъ, обратили мысли свои къ установленію въ немъ законной власти и правленія. Предупреждены поиски честолюбивыхъ приглашеніемъ въ Москву, на избраніе государя и властей, чиновниковъ и выборныхъ изъ городовъ всего государства. Избранъ отсутственный, ближайшій родственникъ послѣдняго государя, сынъ мудраго и твердаго Филарета Никитича Романова, Михаилъ Ѳеодоровичъ, шестнадцатилѣтній юноша, находившійся тогда при родительницѣ своей, инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ, въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ. Посланные съ извѣщеніемъ, архіепископъ Ѳеодоритъ и бояринъ Шереметевъ, приключили нѣжной родительницѣ болѣе страха, нежели радости. Въ ужасныя времена междоусобія воспріятіе престола было болѣе обреченіемъ себя на жертву отечества, нежели наслажденіемъ высочайшей чести. Къ счастію Россіи, 1613 годъ былъ эпохою возстановленія всеобщаго спокойствія и благополучія въ государствѣ.

Добродѣтели, которыя привлекли всеобщее почтеніе Филарету, способствовали, конечно, къ возведенію сына его на престолъ россійскій; онѣ подкрѣпили въ немъ право ближайшаго родства и ввѣрили государство совѣтамъ его, когда не могли поручить правленію, въ разсужденіи

монашескаго чина, къ которому осудила его недовѣрчивость Годунова. Лишенный нѣкоторое время родителя, содержавшагося въ плѣненiи польскомъ, младой государь, вспомоществуемый ревностью и мудростью вельможъ своихъ, приступилъ къ трудному дѣлу возстановленiя государства. Торжественныя посольства возвѣщаютъ Швецiи и Польшѣ возшествiе государя и предлагаютъ миръ. Но обѣ державы сiи не могутъ позабыть толь скоро властолюбивыхъ своихъ намѣренiй. Густавъ-Адольфъ основываетъ право свое господствовать въ похищенныхъ областяхъ на помощи, данной имъ Шуйскому; подкрѣпляетъ новыми войсками Понтуса де-ла-Гардiя и позволяетъ брату своему, Филиппу, ѣхать въ Выборгъ, чтобы вблизи онъ могъ удобнѣе удерживать въ зависимости Новгородъ. Обманутые граждане приглашаютъ его въ стѣны свои. Но остановленный надзирателями, данными ему отъ Густава, Филиппъ не прiемлетъ частнаго ихъ приглашенiя и требуетъ, чтобы все государство изъявило на то волю свою. Упущенiе сего случая спасло Новгородцевъ и разрушило всѣ надежды Шведовъ. Откинувъ притворство, они явнымъ образомъ начали воевать землю, взяли Иванъ-городъ, Порховъ, Орѣшекъ; грабили Новгородъ. Тогда отрядъ россiйскаго воинства, подъ предводительствомъ князя Трубецкого, хотѣлъ остановить хищенiе Шведовъ. Но первый успѣхъ его подъ Старою Русою былъ уничтоженъ пораженiемъ на Мстѣ. Владычество Шведовъ, удручая Новго-

родцевъ, обратило ихъ къ природному ихъ государю. По приглашеніи обѣихъ воюющихъ державъ, Англія и Голландія предложили между ними свое посредничество. Густавъ-Адольфъ посреди переговоровъ обложилъ осадою Псковъ. Храбрый Морозовъ имѣлъ славу защитить городъ и отразить всѣ Густавовы нападенія. Въ первой вылазкѣ убитъ былъ Ивергорнъ, одинъ изъ счастливѣйшихъ полководцевъ шведскихъ. Наконецъ англійскій посланникъ Меррикъ, вспомоществуемый голландскимъ, успѣлъ привести дѣло миротворства къ желаемому концу. Въ 1616 году заключенъ съ Швеціею Столбовскій мирный договоръ, которымъ Россія уступила Швеціи Ингерманландію и Карелію и возвратила все то, что захвачено было въ области новгородской.

Одна невозможность должна была положить преграды безсильнымъ предпріятіямъ Сигизмунда противъ Россіи. Имѣя Смоленскъ въ рукахъ своихъ, черезъ него проникалъ онъ въ нѣдра государства. Пожарскій, избавитель Россіи, противопоставляется вездѣ Владиславу и заставляетъ его снять осады Калуги и Можайска. Владиславъ испытываетъ рѣшительный ударъ, направивъ походъ свой на Москву. Но жители сего великаго града имѣли еще передъ глазами воспоминаніе неистовствъ, которыми Поляки ознаменовали ненавистное свое владычество. Оружіемъ свергли Россіяне иго, которое налагали на нихъ свирѣпые ихъ утѣснители. Истощенный потерями, Владиславъ принужденъ былъ оставить добычу,

которую пожиралъ очами, и отступленіе его было возмущено разбитіемъ при Бѣлѣ-Озерѣ. Сіи несчастія понудили его приступить къ предложенію мира, который и заключенъ съ обѣихъ сторонъ полномочными на четырнадцать лѣтъ. Силою онаго оставлены за Польшею Дорогобужъ и Смоленскъ. Въ Вязьмѣ производимъ размѣнъ военноплѣнныхъ, который, къ общей радости, присоединилъ для государя личное благополучіе видѣть родителя своего, освобожденнаго изъ жестокой неволи. Государь праздновалъ радость свою освобожденіемъ заключенныхъ и снятіемъ опалы съ виновныхъ. Духовные и бояре просили царя украсить патріаршескимъ саномъ того, который приносилъ столько чести симъ состояніямъ, и котораго всѣ дѣянія управляемы были чистѣйшею любовію отечества. Такимъ образомъ Филаретъ Никитичъ въ новомъ достоинствѣ своемъ пріобщенъ былъ къ попеченіямъ правленія, и совѣты его служили къ благополучію Россіи. Перемѣняющіяся пользы державъ внушили Густаву-Адольфу намѣреніе искать союза съ тою же Россіею, которую удручалъ онъ недавно, дабы общими силами завоевать Польшу; но царь не почиталъ еще силы Россіи довольно возстановленными и не хотѣлъ испытать ихъ новою войною. Въ спокойствіи, вводилъ онъ благоустройство въ воинства, и привлекая иностранныхъ чиновниковъ, надѣялся заимствовать со временемъ успѣхи воинскаго искусства европейскаго. Когда прошли лѣта, установленныя мир-

вымъ договоромъ, царь обратилъ намѣренія свои къ возвращенію Смоленска. Подъ предводительствомъ боярина Шеина, того самаго, который [illegible] защитѣ Смоленска [illegible] Са-[illegible], многочисленное войско обложило сей городъ осадою. Уже нѣкоторые успѣхи обѣщали счастливое совершеніе предпріятія. Несогласіе военачальниковъ, между природными и иностранными воинами, продлѣвали безполезно осаду, и дали время польскимъ войскамъ поспѣшить на освобожденіе города. Сіе бѣдственное приключеніе уничтожило намѣренія государя, а неудачные предводители долженствовали загладить смертію несчастія и позоръ, приключенные ими отечеству. Возобновленіе мира обратило [illegible] всѣ попеченія царскія къ внутреннему правленію государства.

Посольства даже до Персіи изыскивали новыя дороги торговлѣ россійской. Сооружалась цѣпь крѣпостей противъ нашествій крымскихъ. Съ удовольствіемъ видѣлъ государь дерзновеніе Донскихъ Казаковъ, вызвавшихъ на себя всю силу Оттоманской Порты удачнымъ взятіемъ Азова. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя упованія, — и въ такое время, когда Турки вселяли ужасъ въ сильнѣйшія монархіи европейскія. Войско Казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, незнающее въ искусствѣ производить осады, едва снабженное потребными снарядами, ниспровергло подкопомъ крѣпость и предало мечу отчаянный гарнизонъ. Оттуда, имѣя входъ въ Черное Море, казаки на-

полняли его страхомъ разъѣздовъ своихъ. По смерти великаго султана Амурата, визирь Ахметъ-Паша послалъ противъ нихъ многочисленный флотъ, подъ предводительствомъ славнаго мореходца Піяли. Утомленное сильнымъ отпоромъ и претерпѣвъ безчисленныя бѣдствія, сухопутное войско турецкое было терзаемо въ отступленіи своемъ болѣзнями, голодомъ и непріятелемъ. Флотъ прибило бурею къ устью Дона, гдѣ онъ достался въ добычу казакамъ. Слѣдующее лѣто, сильнѣйшій прежняго флотъ посланъ былъ изъ Константинополя для возвращенія Азова. Но казаки, изнуренные выдержанною осадою, не подверглись внезапнымъ случаямъ другой, и подорвавъ крѣпость, оставили Туркамъ обращенный въ пепелъ городъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича спокойствіе Россіи было только нарушено набѣгами Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ. Внутренность государства наслаждалась тишиною и выгодами мудраго правленія. Все обѣщало, казалось, продолженіе сего благополучія, когда преждевременная смерть, въ 1645 году, похитила у Россіи справедливо любимаго государя, который осторожнымъ правленіемъ своимъ умѣлъ возобновить силу истощеннаго государства. Преемникъ его, въ нѣжной младости оставшійся сынъ, царевичъ Алексѣй Михайловичъ, спокойно наслѣдовалъ утвержденный престолъ. Воспитатель его, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, мужъ отмѣнныхъ дарованій и проницаній, вспо-

моществовалъ ему своими совѣтами. Но онъ простеръ далеко предѣлы владычества своего, и желая основать его тверже, самъ испровергнулъ оное. Онъ возбудилъ недовѣрчивость вельможъ честолюбіемъ и негодованіе народа отягощеніемъ его налогами. Преклонивъ государя избрать въ супружество Марію Ильиничну Милославскую, взялъ за себя сестру ея. Подкрѣпленный такимъ образомъ, предался онъ внушеніямъ корыстолюбія. Важнѣйшіе чины и должности передалъ въ руки своихъ приближенныхъ. Особливыми служителями притѣсненій его были бояринъ Плещеевъ и Траханіотовъ. Скоро ненависть народная отличила ихъ, и царь Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ произнести судъ между бояръ и народа. Отдаливъ Морозова отъ управленія государственныхъ дѣлъ, онъ не уменьшилъ своего личнаго почтенія и благодарности. Сіе страшное происшествіе послужило только къ показанію во всемъ сіяніи добродѣтелей царскихъ. Онъ умѣлъ привлечь и заслужить довѣренность народную, утишить заговоры твердостью, и въ то же самое время предпріялъ великое дѣло утвердить законоположеніе на извѣстныхъ и непоколебимыхъ основаніяхъ.

По примѣру законодателя Грековъ, Юстиніана, собралъ онъ особливое сословіе бояръ, духовенства и выборныхъ людей изъ городовъ, которое, подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго, разсмотрѣло прежніе законы, отрѣшило учинившіеся отяготительными, исправило старые и поста-

новило новые. Сіе Уложеніе и донынѣ еще имѣетъ силу законовъ въ тѣхъ статьяхъ, которыя не отрѣшены новѣйшими указами. Между тѣмъ возмущеніе, утушенное въ столицѣ, возраждалось въ отдаленныхъ городахъ, Псковѣ и Новгородѣ. Чрезвычайный выпускъ хлѣба въ Швецію, которая жаловалась тогда на переселеніе своихъ выходцевъ въ Россію, служилъ предлогомъ злоумышленникамъ. Особливо купецъ новгородскій, именемъ Волкъ, обратилъ хитрымъ образомъ злобу народа на иностранныхъ торговыхъ людей, которыхъ представилъ согласными съ правленіемъ въ изнуреніи народа. Уже власти были безъ уваженія, собственность предана грабительству. Намѣстникъ, князь Хилковъ, искалъ убѣжища въ домѣ митрополита. Славный Никонъ занималъ тогда святительское мѣсто. Болѣе государственный человѣкъ, нежели первосвященникъ, онъ не медлитъ ни мгновенія объявить себя защитникомъ правителя; безъ опасенія входитъ въ толпы народныя и возноситъ гласъ свой въ пользу тишины и порядка. Чернь къ ругательствамъ присоединяетъ оскорбленія, и безстрашный первосвященникъ, приготовясь, по сану своему, священною помощью ко вкушенію смерти за отечество, обращаетъ паки увѣщанія свои къ народу. Сей твердый поступокъ имѣлъ все свое дѣйствіе и былъ поводомъ, открывшимъ царю Алексѣю Михайловичу великаго государственнаго человѣка въ отшельникѣ Никонѣ. Сіе служило ему степенью къ возшествію на патріаршескій престолъ,—

честь опасная и послѣдованная паденіемъ, когда сильное честолюбіе Никоново простерло къ подвигамъ правленія руку, посвященную кадильницѣ. Воспоминанія самозванцевъ не были заглажены столько, чтобъ не побудить еще одного несчастнаго стремиться къ своей погибели. Хотя обстоятельства въ Россіи совершенно перемѣнились, однако слухъ о пребываніи новаго самозванца въ Польшѣ привлекалъ вниманіе государя. Тщетно требовалъ онъ выдачи сего подложнаго сына Марины; Владиславъ не могъ позабыть, что онъ льстился быть нѣкогда на престолѣ россійскомъ, и благопріятствовалъ всему тому, что угрожало Россіи опасностью. Но братъ его, Казиміръ, который, получивъ разрѣшеніе духовныхъ своихъ обѣтовъ, возшелъ на престолъ польскій, не имѣлъ тѣхъ же причинъ къ защищенію самозванца. Обманщикъ сей, странствуя изъ государства въ другое, не избѣжалъ заслуженной казни, будучи выданъ Россіи герцогомъ голштинскимъ, который имѣлъ купеческія связи съ Россіею и посылалъ чрезъ предѣлы ея особливое посольство въ Персію съ извѣстнымъ путешественникомъ Олеаріемъ. Между тѣмъ приспѣло время, что Польша, долго разорявшая Россію, долженствовала возвратить ей давно похищенныя области. Казиміръ не могъ воспротивиться удачнымъ предпріятіямъ казаковъ, оскорбляемыхъ въ вольности исповѣданія Вѣры и нарушеніемъ прежде данныхъ преимуществъ. Ихъ мужественныя усилія нашли сильное подкрѣпле-

ніе въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Такимъ образомъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ продолжавшееся отдѣленіе Кіева, Чернигова и Новгорода-Сѣверскаго уничтожено произвольнымъ возвращеніемъ Малороссійскаго Народа и подтвержденіемъ государя, въ 1654 году Января въ 6 день. Предпріимчивый Хмѣльницкій, гетманъ Малороссіи, привелъ въ нѣдро древняго своего отечества давно отчужденный народъ. Царь употребилъ всю дѣятельность духа своего для удержанія за Россіею сего важнаго пріобрѣтенія. Отмщевая оружіемъ древнія оскорбленія Россіи, входитъ онъ въ предѣлы польскія съ многочисленнымъ воинствомъ, предпріемлетъ и совершаетъ самолично осаду Смоленска. Повсюду успѣхи соотвѣтствуютъ желаніямъ. Уже Витебскъ, Могилевъ и Полоцкъ подвергаются его власти. Завоеванія его распростираются по всей Литвѣ, и Польша желаетъ пріобрѣсти отдохновеніе отъ несчастій войны признаніемъ правъ Россіи на возвращенныя ей страны. Но въ то же самое время восколебанная Польша увидѣла новаго непріятеля, на нее возстающаго. Честолюбивый преемникъ Христины, Карлъ-Густавъ, король шведскій, употребляетъ изнеможеніе ея въ пользу, дабы напасть на близлежащія къ нему области. Сіе обстоятельство долженствовало возбудить вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который не хотѣлъ служить орудіемъ для возвышенія Швеціи и могъ всего опасаться отъ сего предпріимчиваго и враждебнаго народа. Россія должна была

возвратить отъ него вынужденныя свои уступленія. Исполняя свои важныя намѣренія, царь Алексѣй Михайловичъ входитъ въ Карелію, Ингрію и Лифляндію: Ніеншанцъ, Дерптъ, Нарва и другіе города обѣщали своею сдачею счастливѣйшіе успѣхи оружію россійскому. Но геройскій отпоръ Магнуса де-ла-Гардія, которымъ онъ отразилъ Россіянъ отъ Риги, сдѣлалъ безполезнымъ все счастіе сего похода, и временное перемиріе пріуготовило заключеніе настоящаго мира, во всемъ сообразнаго съ постановленіями Столбовскаго.

Но между тѣмъ какъ оружіе россійское имѣло сіяющіе успѣхи, благоденствіе государства было нарушено въ самой столицѣ его перенесеніемъ язвы изъ пріобрѣтенныхъ южныхъ областей, которыя имѣли всегдашнее сообщеніе съ Турціею. Къ тому же государственные доходы, истощенные военными предпріятіями, принудили государя прибѣгнуть къ средству всегда опасному—къ умаленію внутренняго вѣса монеты. Сыскались корыстолюбивые, которые собрали старыя полновѣсныя деньги, и общество имѣло въ рукахъ своихъ единственно такія, къ коимъ оно потеряло довѣренность. Народъ обвинялъ въ семъ даже тестя государскаго, боярина Илію Милославскаго. Сіе возмущеніе не нашло государя, непріуготовленнаго противустоять ему мѣрами мудрости и спасительной умѣренности. Онѣ избавили столицу отъ неистовства черни, которая всегда готова отмщать за свои несчастія бога-

тымъ. Приступленіе Оттоманской Порты къ дѣламъ безпокойныхъ казаковъ, волнуемыхъ наущеніями гетмана Дорожинскаго, навлекло на Россію нашествія Крымскихъ Татаръ, которые даже до Астрахани распространились. Соединеніе столь многихъ обстоятельствъ требовало всѣхъ попеченій царя Алексѣя Михайловича. Пожертвовавъ частью своихъ завоеваній, склонился онъ къ заключенію мира съ Польшею, который и приведенъ къ окончанію въ 1667 году въ деревнѣ Андрусовой. По силѣ онаго, остались за Россіею Смоленскъ, Кіевъ, Сѣверская Область и вся Украйна по сю сторону Днѣпра. Сіе царствованіе ознаменовано также важнымъ происшествіемъ Церковной Исторіи Россійской. По предложенію патріарха Никона, созванъ былъ соборъ въ Москвѣ, предсѣдательствуемый царемъ, по примѣру восточныхъ государей.

РАЗСѢЯННЫЯ ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ РОССІЙСКАГО.

РАЗСѢЯННЫЯ ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ РОССІЙСКАГО.

—

Нѣтъ зрѣлища величественнѣе того, которое представляетъ спокойному наблюдателю пространное государство, орошаемое во всѣ стороны великими рѣками и питающее изобиліемъ произведеній своихъ безчисленныя племена, различествующія между собою нравами, просвѣщеніемъ, промыслами, языками, соединенныя узломъ великаго политическаго общества. Нѣкоторое общее сродство сближаетъ сіи народы, происхожденіемъ своимъ столь отдаленные другъ отъ друга — и знаніе человѣческаго рода пріобрѣтаетъ новыя пособія и успѣхи сею удобностью сравнивать различныя обыкновенія народовъ, составляющихъ единое тѣло. Таковыя средства доставляетъ просвѣщенному наблюденію необъятное пространство Россійской Имперіи, гдѣ можно видѣть ощутительно всѣ степени, которыми проходитъ человѣкъ отъ состоянія первобытной дикости до тончайшаго просвѣщенія. На поверхности Россіи представляется поражающее противоположеніе искусствъ, роскоши, успѣховъ, вѣжли-

вости и общества въ сіяющихъ ея столицахъ, съ воинственными и пастырскими упражненіями странствующихъ ордъ, которыя не могутъ еще отстать отъ кочующей жизни. Между тѣмъ какъ коренной Россіянинъ на берегахъ Днѣпра, Ильменя, Волги, ознакомленный цѣлыми столѣтіями съ искуствами общественной жизни, возвышается дарованіями духа надъ окружающими Финнами и Татарами, слабый Самоѣдъ питается еще своими оленями на влажныхъ берегахъ Бѣлаго Моря; Тунгусы въ уединенныхъ лѣсахъ своихъ удивляются тѣлодвиженіямъ коварнаго шамана; и множество другихъ племенъ разныхъ именованій служатъ цѣпью соединенія съ разсѣянными Камчадалами, которые на краю земли, между двухъ бурныхъ морей, сокрываются въ юртахъ своихъ отъ строгости зимы, или, качаясь на вѣтвяхъ высокихъ деревъ, наслаждаются краткимъ вліяніемъ лѣтняго солнца.

Сія удобность наблюдать толь многія земли и народы была причиною, что какъ скоро Петръ Великій призвалъ науки въ Россію, такъ скоро поспѣшили онѣ овладѣть симъ богатымъ предметомъ и открыть любопытству вселенной мѣста, дотолѣ неприступныя для миролюбиваго наблюдателя. Тогда испытатели естества и звѣздочеты, въ сообществѣ отважныхъ мореплавателей нашихъ, Беринга и Чирикова, пустились на валы Тихаго Моря отыскивать берега чаемой Америки и давать имена незнаемымъ островамъ. Отставшій отъ нихъ въ Сибири, тщательный Мил-

леръ описывалъ нравы народовъ и собиралъ въ архивахъ сибирскихъ городовъ доказательства Россійской Исторіи. Крашенинниковъ впервые разсматривалъ Камчатку учеными глазами испытателя естества. Старшій Гмелинъ и другіе внесли въ подробную опись всѣ естественныя сокровища Сибири. Но никогда не было предпринимаемо столь многихъ и столь полезныхъ ученыхъ путешествій, какъ въ настоящее царствованіе. Берега Бѣлаго, Чернаго Морей, предѣлы Персіи и Китая были изслѣдованы Палласомъ, Гмелинымъ, Лепехинымъ и сотоварищами, ихъ достойными. Записки ихъ составляютъ сокровище свѣдѣній о состояніи природы и общества въ Россіи. Посредствомъ оныхъ, любопытные и мыслящіе иностранцы переносятся на берега Волги и Дона и обозрѣваютъ огромные способы силы и богатства, которыя заключаетъ въ себѣ Россія. Отъ Морей Балтійскаго и Чернаго простирается она до тѣхъ мѣстъ, гдѣ Ледовитый Океанъ и Тихое Море, сливаясь между собою, поставляютъ предѣлъ Россіи вмѣстѣ съ большимъ материкомъ, заключающимъ три древнія части Свѣта.

Пространная и ровная поверхность Россіи не поражаетъ взоровъ сими ужасающими горами, которыя привлекаютъ романическое воображеніе праздныхъ путешествователей. Но въ великомъ удаленіи отъ окружающихъ морей, она воздымается нечувствительною и огромною высотою, унижающеюся со всѣхъ сторонъ безмѣрными по-

катами, ознаменованными теченіемъ великихъ рѣкъ. Такимъ образомъ Волга, имѣя источники свои въ Тверскомъ Намѣстничествѣ, въ мѣстахъ, поражающихъ своею уединенною дикостью, прилежащихъ къ озеру Селигеру, въ Осташковскомъ Уѣздѣ, проходитъ оттуда всю Россію даже до Каспійскаго Моря, въ которое впадаетъ болѣе, нежели шестидесятью рукавами, у славнаго и древняго города Астрахани. Пользы, теченіемъ ея приносимыя государству, безчисленны. Многія тысячи людей получаютъ пропитаніе свое, упражняясь на водахъ ея въ плаваніи и рыбной ловлѣ. Вкусныя рыбы, ей одной свойственныя,— осетры, огромныя бѣлуги и стерляди, всходятъ по ней изъ Каспійскаго Моря и нигдѣ не находятъ толь полезнаго для себя пребыванія, какъ въ водахъ волжскихъ. Промыселъ астраханскихъ жителей рыбою одинъ въ состояніи обогатить ихъ. Во все государство развозится рыба, а икра отпускается и въ чужіе краи, гдѣ ее почитаютъ за рѣдкость. Города, самые многолюдные и торговые, Тверь, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ и Астрахань, стоятъ по берегамъ ея. Рѣки большія, судоходныя и сами напояющія плодоносныя области, въ нее изливаются и приносятъ къ ней изобиліе отдаленнѣйшихъ странъ. Такимъ образомъ, не упоминая менѣе важныхъ рѣкъ, Ока, орошая почти всю Украйну, столь извѣстную плодородіемъ своимъ, впадаетъ въ Волгу съ правой стороны при Нижнемъ-Новѣгородѣ; съ лѣвой, нѣсколько ниже Ка-

зани, Кама, послѣ тысячи верстъ теченія, омывающаго подошву Уральскихъ Горъ, соединяетъ изобильныя воды свои съ Волгою. Столько естественныхъ выгодъ умножено еще искусствомъ, которое Государь Петръ I призвалъ на помощь природѣ. Пробѣгая взорами своими пространную поверхность Россіи, увидѣлъ Онъ способы соединить Волгу съ Невою и посредствомъ ихъ Каспійское Море съ Балтійскимъ. Каналами соединилъ Онъ при Вышнемъ-Волочкѣ рѣку Тверцу, впадающую при Твери въ Волгу, съ рѣкою Мстою, которая находитъ себѣ дорогу сквозь унижающіеся холмы Валдайскихъ Горъ, и впадая порогами, продолжающимися 30 верстъ, но которые искусство дѣлаетъ судоходными, изливается въ озеро Ильмень, гдѣ, въ близкомъ разстояніи, выходитъ изъ того же озера рѣка Волховъ, соединенная съ Невою славнымъ Ладожскимъ Каналомъ. Такимъ образомъ товары, выгруженные въ Казани, въ Астрахани, можетъ быть, въ самой Персіи, но особливо драгоцѣнныя и необходимыя произведенія земледѣлія плодоносныхъ низовыхъ странъ (такъ называются земли, лежащія внизъ по теченію Волги, отъ Нижняго-Новгорода), металлы, привозимые изъ Перміи Камою, соединяясь съ изобиліемъ, которое Ока доставляетъ изъ Украйны, подымаясь вверхъ по Волгѣ и проходя чрезъ весь лабиринтъ каналовъ и рѣкъ, составляютъ довольство и сіяніе Санктпетербурга, гдѣ вмѣстѣ видимъ пребываніе правленія, иностранной торговли, военнаго морепла-

ванія, искусствъ и точку сообщенія съ Европою. Отсюда отправляется избытокъ нашего хлѣба, пеньки, желѣза въ Англію, Голландію и Германію. Какъ произведенія первой нужды, они никогда не теряютъ цѣны своей, и подъ другими небесами служатъ пользѣ отдаленныхъ и сильныхъ народовъ, доставляя намъ на обмѣнъ сіяющія и непрочныя произведенія роскоши и искусствъ европейскихъ, — сукна, шелковыя ткани, парчи, уборы и множество бездѣлицъ, которыя мода дѣлаетъ важными. Но, можетъ быть, флоты англійской и другихъ западныхъ державъ не могли бы существовать безъ нашихъ лѣсовъ, пеньки и желѣза. Природа, назначивъ каждой землѣ особливыя произведенія, соединила народы взаимными нуждами и основала необходимость торговли. Еще недавно приходили въ Ригу и Кронштадтъ эскадры фрегатовъ изъ Франціи и Испаніи, чтобъ нагрузиться лѣсомъ, потребнымъ для строенія кораблей. Въ Лондонѣ есть особливое общество богатыхъ купцовъ, извѣстное подъ именемъ Россійскаго Общества, которое имѣетъ исключительное право торговать въ Балтійскомъ Морѣ. Англичане были всегда почитаемы въ Россіи преимущественною торговою націею, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ, въ 1554 году, открыли они мореплаваніе въ городъ Архангельскъ, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Сему государю принадлежитъ та слава, что онъ покорилъ Россіи все теченіе Волги до Каспійскаго Моря, взявъ Казань самолично, въ 1552 году, и завое-

[illegible] Россiю, [illegible] Чингисъ-Хана [illegible] Золотой Орды [illegible] берегахъ Волги [illegible] Россiи [illegible] Батый [illegible] Россiйскаго [illegible] Татарами [illegible] россiйскихъ [illegible] Волги и Камы, на берегахъ Ветлуги, Суры и Урала, [illegible] россiйскихъ [illegible] Сибири, [illegible] Ермака Тимоѳеевича, [illegible] Iоанна Васильевича. [illegible] съ Россiянами, [illegible] Татары не были [illegible] Прежде [illegible] Болгаровъ, населявъ берега Волги и Камы,

велъ многія войны съ россійскими князьями, имѣлъ у себя промыслы и торговлю, и совершенно истребленъ превосходною силою Татаръ. Еще теперь видны развалины городовъ ихъ, покрытые травою высокіе раскаты и глубокіе рвы. Нѣкоторые слѣды великолѣпія представляются еще въ сохранившихся ихъ палатахъ и гробницахъ, на которыхъ арапскія надписи свидѣтельствуютъ память народа, который не существуетъ болѣе. Отрасль онаго отдалилась къ Дунаю, и участвовавъ въ ниспроверженіи Греческой Имперіи, оставила имя свое особливой области, Булгаріи. Въ сосѣдствѣ Татаръ живутъ народы Финскаго происхожденія, Чуваши, Мордва и Черемисы. Ихъ нравы отстоятъ еще недалеко отъ естественной простоты дикого человѣка. Въ дремучихъ лѣсахъ своихъ избираютъ они пріятный лужокъ на берегахъ чистаго источника; цѣлыми селеніями приносятъ жертвы и моленія Вышнему Существу, Которому, по ихъ мнѣнію, служатъ многія подчиненныя божества.

Число россійскихъ поселенцевъ въ сихъ низовыхъ странахъ, со времени завоеванія, чрезвычайно умножилось. Нашедъ благопріятный климатъ и множество земель изобильныхъ, лежащихъ впраздиѣ, земледѣльцы стремились толпами изъ внутренности Россіи въ сіи новопріобрѣтенныя земли. Сіе переселеніе привлекло на себя взоры правительства, и, по совѣту славнаго Годунова, царь Өеодоръ Іоанновичъ увидѣлъ себя принужденнымъ положить преграды сему безпокойно-

му духу, который, обѣщая воображенію лучшія земли, изгоняетъ земледѣльца изъ древняго его наслѣдія и угрожаетъ опустѣніемъ мѣстамъ, уже издавна плодороднымъ. Въ толь пространномъ государствѣ нужда населенія всегда была живо чувствуема. Но правленіе лучше хотѣло способствовать оному выходцами изъ чужихъ земель, нежели переселенцами изъ собственныхъ областей своихъ. Уже царь Алексѣй Михайловичъ пользовался правомъ побѣды для населенія нѣкоторыхъ пустыхъ мѣстъ Россіи Карелами и Поляками. Несравненно пространнѣе былъ планъ населенія, произведенный въ дѣйство въ настоящее царствованіе. Употреблено великое иждивеніе для вывоза изъ Нѣмецкой Земли поселянъ, желающихъ найти покровительство и всѣ выгоды жизни въ новомъ отечествѣ. Теченіе Волги, которое государыня изволила осчастливить шествіемъ своимъ отъ Твери до Казани, въ 1767 году, представляло вблизости къ устью своему пространныя и плодоносныя земли, ожидающія руки земледѣльца. Тысячи семействъ, которыхъ существованіе на родинѣ было угнетаемо недостаткомъ земель, съ радостію пріѣхавъ въ Россію, основали колоніи на отведенныхъ мѣстахъ въ Саратовскомъ Намѣстничествѣ. Между прочими колонистами, особливо отмѣнны трудолюбіемъ своимъ, искусствомъ въ хозяйствѣ, рукодѣліяхъ и торговлѣ Гернгутеры. Они основали близъ Царицына селеніе на рѣкѣ Сарпѣ, извѣстное подъ именемъ Сарепты. Болѣе ста другихъ за-

веденій разсѣяно между Саратова и Царицына отъ рѣки Медвѣдицы до Илавли. Соединивъ сію послѣднюю рѣку съ рѣкою Камышенкою, Государь Петръ Великій имѣлъ намѣреніе сдѣлать сообщеніе Волги съ Дономъ, другою великою рѣкою, впадающею въ Азовское Море. Симъ способомъ была бы открыта новая дорога изъ Чернаго Моря въ Каспійское. Но важныя естественныя препятствія, встрѣтившіяся въ исполненіи сего намѣренія, остановили успѣхъ предпріятія. Теченіе Дона нѣсколько десятковъ саженъ выше Волги: искусству надобно положить преграды чрезвычайному стремленію, съ которымъ толь великая рѣка обратитъ воды свои на открытую передъ нею покатость.

Сей способъ сообщенія съ Азіею не былъ совсѣмъ неизвѣстенъ древнимъ: и въ то время, когда упадающая Восточная Имперія, безпрестанно угнетаемая Турками, ограничивала все свое владычество стѣнами Константинополя, Греки, привыкшіе къ дорогимъ произведеніямъ Индіи, доставали ихъ Волгою и Дономъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣ рѣки сіи подходятъ другъ къ другу на самое ближайшее разстояніе, товары были перевозимы сухимъ путемъ съ Волги и нагружались на другія суда, которыя ожидали ихъ на Дону. Сею рѣкою сплавливали ихъ въ Азовское Море, и такъ далѣе Чернымъ Моремъ доставляли въ Босфоръ и въ самую пристань Константинополя.

Къ особливымъ благодѣяніямъ природы дол-

жно причислить теплыя воды, которыя находится близъ Сарепты и каждое лѣто посѣщаемы бываютъ великимъ множествомъ больныхъ, привлекаемыхъ надеждою исцѣленія. Нѣдро земли во всѣхъ окрестностяхъ показываетъ явные признаки минераловъ, которые въ себѣ сокрываетъ. Берега, составленные изъ мѣлу и извести, хранятъ въ пещерахъ своихъ изобиліе сѣры и селитры. Земля, насыщенная солью, одѣвается всею роскошью весенняго прозябенія. Поля, усѣянныя табакомъ, награждаютъ съ излишествомъ труды прилежнаго колониста. На Дону созрѣваетъ виноградъ, и шелковичное дерево находится въ своемъ отечествѣ. Благорастворение воздуха и плодородіе земли удовлетворяютъ легко всѣмъ нуждамъ человѣка. Но сіи прекрасныя мѣста, орошаемыя Дономъ и одаренныя всѣми благодѣяніями природы, были долго пусты и необработаны. Нѣсколько вѣковъ кочующіе и дикіе народы, свирѣпые Половцы и Печенѣги, имѣя предъ собою неизмѣримыя степи, скитались на берегахъ Волги и Дона, которыя представляли стадамъ ихъ цвѣтущія паствы. Отсюда проникали они въ Россію; тогда слабую и раздѣленную, и на быстрыхъ коняхъ своихъ, не зная препятствій, которыя могли бы остановить ихъ, являлись неожидаемо подъ стѣнами Кіева, или Рязани. Когда имена ихъ исчезли въ исторіи, варвары, не менѣе страшные, Монголы или Татары, послѣдовали имъ во владѣніи окружающихъ земель. Разрушительное ихъ правленіе мѣшало зем-

ледѣлію установиться на берегахъ Дона. Отъ него получилъ прозвание Великій Князь Димитрій Донскій, который въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ разбилъ Мамая, и, открывъ Россіянамъ собственную ихъ силу и близкое изнеможеніе Татаръ, приготовилъ способъ Великому Князю Іоанну Васильевичу свергнуть совершенно иго татарское и соединить всѣ удѣльныя княжества въ одно сильное государство. Въ послѣдующія времена, когда берега Дона представляли безопасное убѣжище, составилось нечувствительно и возрасло въ великій народъ особливое военное поселеніе, извѣстное подъ именемъ Донскихъ Казаковъ: Земледѣльцы и воины, равно искусно дѣйствуютъ они сохою и копьемъ. Часто изъ среды ихъ выходили толпы молодыхъ и безпокойныхъ людей, которые совершали въ отдаленныхъ краяхъ отважныя и едва вѣроятныя предпріятія. Такимъ образомъ взяли они Азовъ у Турокъ однѣми своими силами, и много способствовали къ открытію Сибири и Камчатки. Жилища Донскихъ Казаковъ не принадлежатъ ни къ которому намѣстничеству и управляются древними обыкновеніями, подъ начальствомъ войсковаго атамана. Главное мѣсто Черкаскъ. Тамъ происходятъ совѣтованія народа о дѣлахъ общественныхъ, и согласіе или несогласіе множества утверждаетъ или отвергаетъ предложенія атамана. Свобода жизни и благорастворение климата располагаютъ нравы ихъ къ веселости. Съ младенчества на конѣ, становятся они безстрашны-

ми всадниками. Они составляютъ превосходное легкое войско, употребляемое толь часто и толь выгодно для безопасности нашихъ большихъ армій. Почти природнымъ побужденіемъ узнаютъ они непріятеля, переплываютъ на коняхъ рѣки и озера, и не заблуждаются въ неизвѣстныхъ и дремучихъ лѣсахъ. Ни въ чемъ не уступаютъ наѣздники ихъ сосѣдственнымъ Черкесамъ, которые съ вершинъ Кавказа устремляются внезапу на добычу свою и смѣшиваютъ разбойничество съ войною. Россіи оставлено было въ наши времена укротить сію свирѣпость и довести предѣлы свои до величественныхъ утесовъ Кавказа, который баснословные Греки украсили своими вымыслами. На вершинахъ его приковали они Прометея за то, что онъ дерзнулъ похитить огонь съ неба и даровать искусства слабымъ смертнымъ. Сюда заставили они путешествовать Аргонавтовъ и предводительствовавшаго ими Язона, витязя столь же храбраго, сколь непостояннаго, для котораго страшная волшебствами своими Медея должна была усыпить дракона, стрегущаго золотое руно. Отечество ея, древняя Колхида, или нынѣшняя Мингрелія, такъ, какъ и вся Грузія вообще, признаетъ надъ собою властъ Россіи.

Не однѣ сіи баснями и походами Грековъ знаменитыя земли, но и Херсонесъ-Таврическій возобновилъ древнее имя свое, присоединенъ будучи къ царствамъ россійскимъ. Отмѣннымъ благораствореніемъ воздуха и изобиліемъ земли на-

слаждается онъ такъ, какъ и островъ Таманъ, отдѣляемый рѣкою Кубанью, на которомъ основанъ городъ Фанагорія. Вблизости онаго произошло недавно сіе явленіе природы, родившее новую огнедышащую гору. На семъ островѣ поселены вѣрные Черноморскіе Казаки, остатокъ сего безпокойнаго и страшнаго воинства, извѣстнаго подъ именемъ Запорожскихъ Казаковъ, потому что они жили за порогами Днѣпра. Долго служили они оградою Россіи противъ разбойничества Крымскихъ Татаръ и производили ужасъ въ Польшѣ своими грабительствами. Отчаянная храбрость, укрѣпленная безпечностью, невѣжествомъ и суевѣріемъ, безпрестанно возбуждала сихъ дикихъ рыцарей къ новымъ предпріятіямъ. Они жили обществомъ, въ строжайшей зависимости отъ нравовъ своихъ и учрежденій. Малѣйшее воровство было безщадно наказываемо дома, между тѣмъ какъ разбойничество, хищеніе, убійство, совершаемыя противъ иноплеменниковъ, вмѣнялись въ заслуги. Одному писарю позволено было знать грамотѣ; для другихъ и сіе маловажное знаніе было бы преступленіемъ. Войско было составлено изъ сброда всѣхъ народовъ. Каждый могъ быть принятъ въ Запорожцы, только бы подвергся установленіямъ, былъ холостъ и ходилъ въ церковь. Невѣрные и Жиды были главными предметами злобы ихъ. Легковѣрный и глупый народъ, ужасаемый ихъ свирѣпствами, думалъ, что они умѣютъ заговаривать ружье и что пуля ихъ не беретъ. Возвра-

щаясь съ разбоевъ своихъ, расточали въ городахъ малороссійскихъ все то, что пріобрѣли грабительствомъ и становились такъ же бѣдны, какъ прежде. Свирѣпые нравы сіи, столь мало сообразующіеся съ установленіями просвѣщенныхъ народовъ, побудили правленіе приступить къ уничтоженію сего общества. Близъ крѣпости ихъ назначено было заложить главный городъ новой губерніи, которая, подъ именемъ Екатеринославской, открыла многимъ тысячамъ людей тучныя земли и новыя заведенія. Такимъ образомъ въ теченіе времени степи, нынѣ необитаемыя прежде, обращаются въ ни голодныя области. Россія имѣла тому болѣе одного примѣра: и берега волжскіе между Саратова и Царицына недавно еще видѣли на лугахъ своихъ кочующую орду Калмыковъ, которая удалилась изъ предѣловъ Китая, чтобъ искать убѣжища въ Россіи, но увлекаемая природнымъ безпокойствомъ и своенравіемъ, ушла опять въ покровительство древняго своего отечества. Ихъ странствующая жизнь не сообразовалась съ зрѣлищемъ постоянныхъ жилищъ, которыя они кругомъ себя видѣли. Пустыни, имъ необходимыя, сдѣлаются, можетъ быть, удобными для поселенія полезнѣйшихъ жителей. Пространство, въ предѣлахъ коего производили они свое странствованіе, чрезвычайно велико, будучи заключено между береговъ Волги и Урала, Великой Рѣки, переименованной такъ изъ Яика, по славнымъ Уральскимъ Горамъ, при подошвѣ которыхъ съ западной сто-

роны она истекаетъ, и пересѣкая горы при Орской Крѣпости, поспѣшаетъ въ Каспійское Море. Уралъ, протекая около трехъ тысячъ верстъ, всегда составлялъ границу между кочующими Киргизцами и болѣе трудолюбивыми Башкирцами. Киргизцы не знаютъ постоянныхъ жилищъ, и теперь еще представляютъ живое изображеніе скиѳскихъ народовъ и вообще того состоянія обществъ, въ которомъ города еще не основаны, земледѣліе не составляетъ упражненія народнаго и безпредѣльная вольность плѣняетъ въ пустыняхъ дикаго и вооруженнаго пастыря. Народъ Киргизъ-Кайсаковъ раздѣляется на три орды, изъ которыхъ Средняя и Малая признаютъ зависимость свою отъ Россіи. Сіе не мѣшаетъ имъ похищать и отводить въ неволю неосторожныхъ путешественниковъ, которые отваживаются въ маломъ числѣ отдаляться отъ жилищъ въ степи. Для обузданія ихъ построено множество крѣпостей и торговый и военный городъ Оренбургъ, основаніе котораго составляетъ одно изъ достопамятныхъ происшествій царствованія Государыни Анны Іоанновны. Оно послужило чрезвычайно къ населенію и открытію сего края, весьма важнаго какъ въ разсужденіи богатства рудъ, сохраняющагося въ нѣдрахъ Уральскихъ Горъ, такъ и для защищенія государства и для содержанія купечественныхъ связей съ Бухаріею и Индіею. При устьѣ Урала, гдѣ онъ вливается въ Каспійское Море, поставленъ городъ Гурьевъ, главное мѣсто Уральскаго Казацкаго Войска. Такъ

какъ всѣ военныя селенія, оно отличается особыми нравами, обычаями и неправильнымъ толкомъ мнѣній, касающихся до богослуженія, извѣстнымъ подъ именемъ раскола. Богатая рыбная ловля составляетъ промыселъ его. Особенныя времена года назначены для оной, когда осетры стремятся во множествѣ изъ моря и покрываютъ всю рѣку. День ловли сопровождается у казаковъ всѣми веселостями народнаго праздника. Цѣлое селеніе, мужчины и женщины, занимаютъ по жеребью мѣсто на рѣкѣ, льдомъ покрытой, и прорубаютъ каждый передъ собою отверстіе, въ которомъ ловятъ приходящую рыбу. Татарскія селенія, разсѣянныя около Оренбурга, соединяютъ торговлю съ земледѣліемъ и сохраняютъ еще нѣкоторое изображеніе военной службы, примѣняясь во всемъ къ обыкновеніямъ казаковъ. Башкирцы, которые искусны въ пчеловодствѣ и которыхъ предки доставали руду въ сосѣдственныхъ холмахъ Уральскихъ Горъ, имѣютъ еще болѣе воинственнаго духа и употребляются иногда на войнѣ. При основаніи Оренбурга безпокойство ихъ ознаменовано было бунтомъ, для укрощенія коего требовалось дѣйствіе регулярныхъ войскъ. Но сіе временное безпокойство, въ свое время усмиренное, послужило къ утвержденію безопасности государства съ сего края, которымъ прилегаетъ оно къ неизмѣримымъ степямъ независимой Татаріи.

Дальнѣйшія происшествія оправдали мѣры, воспріятыя для построенія Оренбурга и въ кото-

рыхъ г-нъ Кириловъ, человѣкъ истиннаго и кроткаго достоинства, имѣлъ великое участіе. Географія россійская многимъ ему обязана. Все время, которое оставалось ему отъ должностей, возлагаемыхъ службою, употреблялъ онъ на собраніе и изданіе перваго атласа Россійской Имперіи. Частные чертежи различныхъ областей россійскихъ получили болѣе точности трудами Академіи Наукъ, астрономическими наблюденіями, которыми путешествующіе академики имѣли случай на самыхъ мѣстахъ опредѣлить положеніе городовъ. Успѣхамъ Россійскаго Народа обязанъ любопытный землеописатель тѣмъ, что снята завѣса, которая нѣкогда закрывала отъ него отдаленный Сѣверъ, берега и мысы сибирскіе и сосѣдство Азіи съ Америкою. Свирѣпые Чукчи, крайніе обитатели древняго міра, не въ состояніи положить препятствій изслѣдованіямъ Россіянъ. Отважные промышленики наши восходятъ высоко по Куковой Рѣкѣ, между туманомъ и плавающихъ льдовъ, во внутренность Сѣверной Америки, на берега которой первый изъ европейцевъ сошелъ соотечественникъ нашъ, геодезистъ Гвоздевъ. Корабли, построенные въ Камчаткѣ, отправляются изъ Петропавловской Гавани и посѣщаютъ Алеутскіе Острова, служащіе цѣпью соединенія съ Америкою, или встрѣчаются около Курильскихъ съ торговыми судами Японскими. Отважный духъ купечества и открованія порываютъ промышлениковъ нашихъ въ сіи негостепріимныя моря и предѣлы, гдѣ при-

рода признака, но не менѣе сильнаго, держать еще примѣрнѣе слабыхъ азіатскихъ державъ. [illegible], который решительно блюдетъ предѣлы свои отъ нападенія иностранныхъ, уважая сосѣдственныя связи свои съ Россіею, [illegible] отъ нея [illegible], и самъ отвѣтствовалъ тѣмъ же. Особливые [illegible], посреди Пекина, определены для [illegible] пріѣзжихъ купцовъ россійскихъ и для торговаго обращенія съ ихъ чиновниками. Съ другой стороны, отечество древнихъ Персовъ, раздробленное на множество независимыхъ удѣловъ въ то время, когда нынѣшнее жилище его [illegible] въ упадокъ, повергло себя въ покровительство Петра Великаго, и желало быть защищено Его оружіемъ отъ разоренія похитителей. Цѣлыя области Персіи, присоединенныя къ Россіи и ею возвращенныя, служили нѣкоторое время изобильнымъ источникомъ дохода и удовлетворенія за издержки, которыхъ онѣ стоили. Каспійское Море, мало извѣстное донынѣ, было описано искусными [illegible] офицерами Соймоновымъ, [illegible] потомъ въ знаменитѣйшихъ званіяхъ государственныхъ. Петръ Великій, самъ будучи въ засѣданіи славной Академіи [illegible], исправилъ своею рукою худо означенные на чертежѣ берега сего моря. Просвѣщенные чиновники, военные и гражданскіе, много способствовали въ собраніи на мѣстахъ точныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о положеніи различныхъ странъ государства, о правахъ и обыкновеніяхъ жителей. [illegible]

вѣстно патріотическое рвеніе собирателей исторіи нашей, Татищева, князя Щербатова, Рычкова, Болтина? Или сіи сочиненія, которыя опровергаютъ совершенно клеветы и неосновательныя разглашенія иностранныхъ, и которыя, будучи внушены любовію отечества, служатъ сами хранилищемъ сего священнаго огня?

Нѣтъ ничего приличнѣе гражданину, какъ любопытное вниманіе къ славнымъ происшествіямъ, къ древностямъ, къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и обыкновеніямъ своего отечества. Не знать сихъ особенностей народныхъ, которыя отличаютъ одну землю отъ другой, есть то̀ же, что̀ быть иностранцемъ. Пожелаемъ ли вѣдать подробно о положеніи чужихъ земель, о сіяніи пышныхъ столицъ европейскихъ, смотря безъ примѣчанія на многочисленныя и общеполезныя заведенія Санктпетербурга, или на почтенныя древностью зданія Москвы, гдѣ видны еще слѣды толь многихъ поколѣній, которыя были свидѣтелями славы или несчастія минувшихъ столѣтій; гдѣ еще теперь безчисленное множество народа живетъ для наслажденія и злоупотребленія всѣхъ выгодъ спокойствія, богатства и праздности?

Что̀ болѣе заслуживаетъ наше вниманіе: Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, нѣкогда столицы Россійскаго Государства, или неизвѣстныя развалины, разбросанныя въ пустынѣ, которыя время разрушаетъ въ молчаніи? Нѣтъ ни одного изъ нашихъ древнихъ городовъ, который бы не былъ ознаменованъ какимъ нибудь важнымъ происше-

[illegible] россійской исторіи: который бы не могъ [illegible] [illegible] содержанія особенной исторіи. Мы ходимъ по землѣ, [illegible] [illegible] пред-[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] пред-[illegible] и [illegible] [illegible] и [illegible], которыя только для того [illegible] глубокаго по-[illegible] [illegible], что не [illegible] [illegible] [illegible] самыхъ себя. [illegible] [illegible] [illegible] къ [illegible] [illegible], по [illegible] [illegible], къ [illegible] и добро-[illegible], которыя суть [illegible] [illegible] [illegible]!

Древнія области [illegible]

[illegible]

Сѣверные народы называли область славянскую Острогардомъ и Гардорикомъ,—слова, въ которыхъ ощутительно кроется наименованіе Града. Принужденные уступить разлитію Гунновъ, Славяне оставили отечество свое и за Дунаемъ искали новаго жилища. Въ половинѣ V столѣтія, возвратились они на берега Ильменя и возобновили Славенскъ подъ именемъ Новаграда. Въ немъ воспріяла свое начало сильная династія государей россійскихъ, которая отъ родоначальника своего, Рюрика, раздѣлясь на области россійскія и вникнувъ далеко въ предѣлы польскіе, потомъ соединена въ одной главѣ, черезъ 700 лѣтъ владычествовала и пресѣклась въ особѣ послѣдняго царя Θеодора Іоанновича и въ убіенномъ царевичѣ Димитріи. По пренесеніи великокняжескаго престола въ Кіевъ, Новгородъ, чувствуя силу свою и уполномоченъ вольностями Ярослава, составлялъ особую и почти независимую область въ государствѣ, производя особенныя войны и дѣлая завоеванія. Городъ пользовался правомъ государствованія надъ подвластными землями, которыя съ одной стороны съ Ливоніею граничили, съ другой по Двинѣ Сѣверной даже до Каменнаго Пояса простирались. И нынѣ еще чувствительны въ нарѣчіи архангельскихъ жителей слѣды новгородскаго владычества. Городъ имѣлъ степенныхъ посадниковъ, которые съ чиновниками пятинъ и старыми посадниками составляли выборный совѣтъ. На Ярославлѣ дворѣ были большія совѣтованія народа

по звону колокола, называемаго вѣчьемъ, — обычай и право, уничтоженные Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, который искусствомъ образомъ присоединилъ Новгородъ, удалившійся отъ Россіи, къ польскому покровительству посредствомъ Марѳы Посадницы. Городъ раздѣляется на [illegible]

[illegible]

также вѣче. Великій Князь Василій Іоанновичъ уничтожилъ въ немъ совершенно древній образъ правленія. Сей городъ во всемъ увлеченъ судьбою Новгорода. Въ близкомъ отъ него разстояніи Изборскъ, который былъ удѣломъ Трувора, брата Рюрикова. Великая Княгиня Ольга была Псковитянка и родилась въ селѣ Выбутскѣ. Между князьями псковскими особливо достопамятенъ Довмантъ, литовскій князь, который во время народнаго несчастія пришелъ защищать Псковъ, оставленный безъ помощи, и упрошенъ будучи жителями, принялъ правленіе и оставилъ по себѣ память добродѣтели и благодарность гражданъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ РОССІИ ВЪ VII ВѢКѢ.

I.

I. Отдѣлена отъ востока Европы, происхожденіемъ народовъ своихъ, разностію языка и еще болѣе нравами, мнѣніями и вѣрою, и заключена, такъ сказать, безъисходно въ собственныхъ предѣлахъ своихъ или производя давленіе на сѣверо-восточныя страны Азіи, Россія пріуготовлялась медлительно къ будущему соучаствованію во

всѣхъ выгодахъ просвѣщенія и государственной силы, которыя, нѣсколько вѣковъ назадъ, уже составляли преимущество Европы. Послѣ иногихъ препятствій, которыми шествіе Россіи къ просвѣщенію было останавливаемо, въ концѣ прошедшаго вѣка Петръ, Государь верховнаго и непоколебимаго духа, вспомоществуемый единственною силою природы своей, употребилъ власть, которую нашелъ въ рукахъ своихъ, для исторженія отечества своего изъ владычества древнихъ обычаевъ и невѣжества, и поставилъ его вдругъ на высотѣ политическаго существованія. Государи великихъ дарованій предшествовали Ему въ томъ же намѣреніи; но никто изъ нихъ не осмѣлился столь явно противоборствовать предразсужденіямъ и не почувствовалъ въ душѣ своей толикой силы, чтобъ привести многочисленный народъ собственнымъ примѣромъ и неизмѣняющимися трудолюбіемъ и постоянствомъ къ такому образу существованія, о коемъ Онъ одинъ имѣлъ понятіе.

Продолжительная борьба государства съ полудикими утѣснителями Его, которые, и по сокрушеніи ига ихъ, обезпокоивали набѣгами предѣлы Россіи, не давали Россіянамъ ни времени, ни склонности прилежать къ искусствамъ, которые услаждаютъ разумъ и служатъ украшеніемъ спокойнаго общества. Пресѣченіе сношеній съ западными государствами, разность обрядовъ, одѣяній, общежитія, недостатокъ любопытства, опровдываемый въ глазахъ ихъ привязанностью къ

отеческимъ обрядамъ и ревностью къ Вѣрѣ, простота нравовъ, которая прилична народу воиновъ и земледѣльцовъ,—всѣ сіи обстоятельства соединялись для отчужденія Россіи отъ прочихъ державъ европейскихъ, которыя имѣли самыя несправедливыя и невыгодныя мнѣнія о силѣ и способности ея народовъ.

Между тѣмъ Россія не имѣла недостатка ни въ предпріимчивости, ни въ благоразуміи. Великія войны были предпріяты и окончены; неизвѣстные народы открыты и покорены; предѣлы государства распростерты до Персіи и Китая. Москва процвѣла огромнымъ населеніемъ, и Дворъ государей поражалъ очи путешественниковъ азіатическою пышностью. Дѣятельные государи, сопровождаемые князьями рода своего и знаменитыми боярами, срѣтали самолично непріятелей отечества, между тѣмъ какъ при Дворѣ ихъ образовалось мужественное дворянство и заслуживало кровію своею сіи помѣстья, которыхъ владѣніе сдѣлалось отличіемъ состоянія ихъ.

Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, въ XV-мъ вѣкѣ, былъ первый творецъ величія и могущества Россіи. Соединивъ всѣ части государства, дотолѣ отдѣльныя, въ единое политическое тѣло и отрѣшивъ навсегда сіе пагубное правило раздѣленія, онъ поставилъ Россію въ состояніе низвергнуть уничижающее иго татарскаго рабства и дать почувствовать избыточествующія силы свои на Сѣверѣ и Западѣ. Едва свободна отъ порабощенія, Россія была уже опасна Швеціи и

Польшѣ. Объемля единымъ взоромъ пространный округъ должностей своихъ, Іоаннъ желалъ уже приближить отечество свое къ просвѣщенію и искусствамъ европейскимъ и устремлялся къ пріобрѣтенію пристани на Балтійскомъ Морѣ.

Сімощія предпріятія Іоанновы не были оставлены втуне преемникомъ и сыномъ его, Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, который удачно боролся съ Польшею и преслѣдовалъ Татаръ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ. Но ничто не можетъ сравниться съ силою, которою окружалъ себя первый царь россійскій, Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Страшенъ внѣ и внутри государства, но не имѣя владычества надъ собою, онъ похитилъ самъ у себя исполненіе предпріятій своихъ насиліемъ способовъ. Получивъ отъ природы опасный даръ страстей,—отличіе великаго человѣка, онъ не имѣлъ счастія пользоваться выгодами добраго воспитанія, которое умѣрило бы вредное ихъ излишество и привело бы ихъ въ настоящіе предѣлы. Отъ нѣжнѣйшей юности преданъ самъ себѣ, и нашедъ себя властелиномъ государства, онъ хотѣлъ преслѣдовать всѣ препятствія силою и не оставлялъ ничего терпѣнію. Его отмщенія были ужасны и увлекали его за предѣлъ общественнаго блага. Всѣ сопротивленія уничтожались передъ нимъ. Новгородъ, вельможи и Татары были равно имъ уничижены и обезсилены. Учрежденіе постояннаго воинства Стрѣлецкаго дѣлало удары его неизбѣжными и придавало болѣе удобности исполненію военныхъ

предпріятій его. Побочныя произшествія, случившіяся во время царствованія его — открытіе Сибири Ермакомъ Тимоѳѣевымъ и приходъ Англичанъ на Двину, служатъ также къ возвеличенію онаго. И самое неудачное предпріятіе царя — покорить Россіи древнія чудскія области, Эстляндію и Лифляндію, поставляетъ въ знаменитѣйшемъ свѣтѣ политическіе его замыслы, послѣ произведенные въ дѣйствіе Петромъ Великимъ. Преобразователь Россіи удивлялся дарованіямъ своего предшественника; но безпристрастный судъ Исторіи налагаетъ на него неизгладимое порицаніе жестокости и вопіющихъ злоупотребленій самовластія. Ему не суждено было разсѣять въ отечествѣ тму варварства, и сынъ его, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, котораго кротость приближалась къ слабости, проведя недолгое царствованіе въ зависимости хитраго и честолюбиваго любимца своего, Бориса Ѳеодоровича Годунова, уступилъ мѣсто похитителю престола и заключилъ собою долгій порядокъ государей Рюрикова рода (1598). Годуновъ не страшился злодѣянія, если должно было совершить его для пріобрѣтенія короны, и малолѣтный братъ Ѳеодоровъ, царевичъ Димитрій, удаленный въ Угличъ, долженствовалъ кончиною своею очистить ему путь къ престолу.

II. Состояніе общества въ Европѣ въ XVII-мъ вѣкѣ возвышено было успѣхами искусствъ и сіяніемъ вѣжливости. Франція, успокоенная Генрихомъ IV, скоро долженствовала взойти на первенствующее мѣсто державъ, дальновидными за-

мыслями кардинала Ришлье и приуготовить блистательные дни Лудовика XIV. Зданіе Германской Имперіи оживило оружіе Густава-Адольфа, для полученія твердѣйшихъ основаній, между тѣмъ какъ Голландія воздвигалась первыми плодами независимости своей, и Великобританія, возвеличенная славнымъ царствованіемъ Елисаветы, выходила изъ послушанія менѣе искусныхъ правителей. Испанія, истощенная подвигами своими въ Америкѣ и Европѣ, теряла сокровища свои и населеніе, и нисходила съ сіяющей среды своей подъ управленіемъ слабыхъ потомковъ Карла V, между тѣмъ какъ Португалія низвергала иго чуждаго владычества и становилась снова отдѣльнымъ государствомъ. Одна Италія, раздробленная на многія части, не могла возстать отъ ударовъ, нанесенныхъ ей иноплеменниками, и видѣла исчезавшіе слѣды дарованій и вкуса, которые ознаменовали достопамятное первосвященство Льва X, когда Рассоли и Берредини одушевляли живопись, а Тассъ и Аріостъ возвышали славу Италіи къ превосходству классическихъ.

Сѣверъ Европы менѣе участвовалъ въ сей важной перемѣнѣ нравовъ и въ превосходствѣ искусствъ, служащихъ къ роскоши, которая такъ близка къ развращенію. Швеція, низвергшая за сто лѣтъ назадъ утѣснительное иго Даніи, подъ счастливымъ руководствомъ Густава Васы, видѣла короля своего, Сигизмунда, на престолѣ Польши и государственнаго правителя, дядю его Кар-

ла, герцога зюдерманландскаго, похищающаго верховную власть всѣми силами политики.

Въ сей періодъ, довольно знаменитый движеніями и предпріятіями, ознаменовавшими прочія страны европейскія, Россія поставлена была вторично на край погибели, не раздѣленіемъ и не нашествіемъ варваровъ, какъ прежде, но пресѣченіемъ царскаго рода, которое грозило ей безначаліемъ и возбудило на нее алчное властолюбіе сосѣдственныхъ державъ. Всегда злодѣйство влечетъ послѣ себя другое злодѣйство и имъ наказуется. Хитрый Годуновъ, преступникъ счастливый на единое мгновеніе, съ изумленіемъ видитъ тѣнь царя, возставшую изъ гроба, и теряя всю силу разума своего, впрочемъ обильнаго и пространнаго, ужасомъ и угрызеніями совѣсти низводится съ похищеннаго престола. Не долго онъ наслаждался плодами обмана и честолюбивыми предпріятіями для славы своей и славы государства, въ которое мечталъ ввести европейскіе нравы. Непріятель презрительный и неизвѣстный пріуготовляется во мракѣ нанести ему погибельный ударъ. Молодой человѣкъ, низкой породы, воспитанный въ Чудовомъ Монастырѣ, соединявшій съ остротою разума опрометчивость на предпріятія самыя дерзкія, Григорій Отрепьевъ былъ удаленъ сначала, но безъ должной осторожности, изъ Москвы, по причинѣ буйныхъ и нескромныхъ рѣчей, которыхъ поводомъ было чудесное сходство съ убіеннымъ царевичемъ Димитріемъ.

II.

[illegible]

народа. Молодость Михаила Θеодоровича не представляетъ намъ сихъ колебаній и несогласій, которыми младолѣтства другихъ означаются. Буря, свирѣпствовавшая толь долго въ государствѣ, не оставила ни въ комъ другого желанія, кромѣ желанія мира. Собственныя добродѣтели и дарованія царя были способствуемы, еще до возвращенія родителя его, Филарета, благоразумнымъ вліяніемъ сродственника его, боярина Шереметева. Но первые годы правленія царя Алексѣя Михайловича не нашли въ особѣ ближняго боярина его, Морозова, помощника мудраго и безпристрастнаго. Имѣя въ виду своемъ не одно только общее благо, онъ старался захватить всѣ пути къ власти. Выбравъ въ семействѣ Милославскаго супругу государю и себѣ, онъ отдалилъ отъ Двора бояръ подозрительныхъ для его властолюбія, и отяготилъ народъ налогами. Два любимца его, Плещеевъ и Трахоніотовъ, были участниками притѣсненій его. Онѣ были столь велики, что утомили терпѣливость народа. Царь Алексѣй Михайловичъ, возвращаясь изъ путешествія въ Троицкій Монастырь, встрѣченъ былъ волнующимся народомъ московскимъ, который требовалъ воплями своими выдачи вельможъ, утѣсняющихъ его откупами и налогами. Смерть Плещеева не могла удовольствовать ярости ихъ: разлилось по городамъ возмущеніе. Псковъ и Новгородъ особливо, по причинѣ выпуска хлѣба въ Швецію, опустошаемую тогда выходцами въ Россію, потерпѣли наиболѣе отъ разсѣяннаго духа

неудовольствія. Въ Новгородѣ, одинъ зломыслящій купецъ, именемъ Волкъ, обратилъ хитрымъ образомъ злобу народа на иностранныхъ торговыхъ людей, которыхъ представилъ онъ въ согласіи съ правленіемъ, изнуряющимъ народное имущество. Уже власти были безъ уваженія. Намѣстникъ, князь Хилковъ, искалъ убѣжища въ домѣ митрополита. Славный Никонъ занималъ тогда святительское мѣсто. Государственный человѣкъ болѣе нежели первосвященникъ, онъ не медлитъ объявить себя защитникомъ правителя. Безъ опасенія входитъ онъ въ толпы народныя и возноситъ гласъ свой въ пользу тишины и порядка. Слѣпыя страсти народныя не знаютъ обузданія: возглашаютъ измѣнникомъ, защитникомъ измѣнниковъ того, въ комъ привыкли признавать верховность сана и мудрости. Къ словамъ присоединяются дѣла, и безстрашный первосвященникъ, приготовясь по сану своему священною помощію ко вкушенію смерти за отечество, простираетъ паки увѣщанія свои къ народу. Сей твердый поступокъ имѣлъ все свое дѣйствіе и былъ поводомъ, открывшимъ царю Алексѣю Михайловичу великаго государственнаго человѣка, въ отшельникѣ Никонѣ. Сіе служило ему степенью къ возвышенію на патріаршескій престолъ, — честь опасная и послѣдованная паденіемъ, когда сильное честолюбіе Никоново простерло къ подвигамъ правленія руку, посвященную кадильницѣ. Сіи возмущенія были достойнымъ образомъ прекращены мужествомъ и правосудіемъ

царя Алексѣя Михайловича. Посреди ихъ издалъ онъ Уложеніе, извлеченное изъ древнихъ законовъ государства, исправленное и разсмотрѣнное особливымъ собраніемъ бояръ, духовныхъ и выборныхъ изъ городовъ. Имъ назначались всѣмъ состояніямъ ихъ права, утверждены собственности и разныя потребности государственныя, и дѣла гражданскія и уголовныя установлены. Имѣя разумъ твердый, предпріимчивый, онъ заставилъ уважать достоинство свое внѣ и внутри государства. Покровитель казаковъ, отдѣленныхъ такъ давно отъ единокровной имъ Россіи, онъ принимаетъ въ подданство Малороссію, которой гетманъ Хмѣльницкій, защищая прежде вольности и вѣру свою оружіемъ отъ притѣснителей польскаго двора, повергается наконецъ въ зависимость Россіи. Воспріявъ оружіе, царь Алексѣй Михайловичъ покоряетъ себѣ Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ. Оскорбленъ предпріятіями шведскаго короля Карла-Густава, который, пользуясь побѣдами россійскими, безъ сообщенія съ царемъ вошелъ со стороны своей въ Польшу, государь обращаетъ оружія свои на города ижерскіе и ливонскіе. Отпоръ, претерпѣнный подъ Ригою, постановилъ предѣлъ его успѣхамъ и умедлилъ уничиженіе Шведовъ, которое предоставлено было Петру Великому. Никогда начало правленія не было угрожаемо такими бѣдствіями, какъ младолѣтство сего великаго государя, который единымъ мановеніемъ извелъ Россію изъ того состоянія не-

невѣжества и дикости, въ которомъ оставляли ее прочіе европейскіе народы. Несогласія и вражды дѣтей, которыхъ царь Алексѣй Михайловичь оставилъ отъ двухъ супружествъ своихъ, подавали честолюбивымъ и мятежному войску Стрѣльцовъ удобные случаи возмутить спокойствіе и располагать правленіемъ. Первый сынъ царя Алексѣя Михайловича, Ѳеодоръ Алексѣевичь, скончался бездѣтенъ послѣ недолгаго царствованія. Любитель просвѣщенія, сохранитель родительскихъ добродѣтелей, онъ не имѣлъ тѣлесныхъ силъ и здравія, соотвѣтствующихъ душевнымъ дарованіямъ. Единоутробный братъ его, Іоаннъ Алексѣевичь, въ тѣлѣ слабомъ и немощномъ, не обѣщалъ способностей, соразмѣрныхъ бремени правленія. Сынъ второго брака, отъ Наталіи Кирилловны Нарышкиной, предметъ ревности и страховъ семейства Милославскихъ, возвѣщалъ въ младенчествѣ своемъ необыкновенную бодрость духа. Такимъ образомъ два брата представляли двухъ соперниковъ къ престолу. Соперница, болѣе страшная, царевна Софія Алексѣевна, отвергла отъ себя заключеніе монашеской жизни и умышляла похитить праздное кормило государства. Нѣкто князь Хованскій, начальникъ Стрѣльцовъ, возбуждаемъ отчаяннымъ честолюбіемъ, предалъ Москву и бояръ грабительству, желая сими окровавленными ступенями приблизиться къ верховной власти. Ослѣпленъ своими предпріятіями и хитрою политикою царевны Софіи, заплатилъ онъ смертію, тайно на-

несенною за всѣ злодѣйства противъ отечества. Князь В. В. Голицынъ, достойный своими дарованіями быть лучшей стороны, пользовался всею довѣренностію царевны. Государственный человѣкъ, выше согражданъ своихъ просвѣщеніемъ, онъ былъ несчастливъ избраніемъ стороны царевны Софіи, и тѣмъ, что въ особѣ юнаго государя не узнавалъ пріуготовляющагося законодателя и военнаго человѣка. Соединясь съ императоромъ Леопольдомъ, онъ обратилъ силы россійскія на страшную тогда державу Оттоманскую. Къ предпріятіямъ министра хотѣлъ онъ присоединить славу предводителя; но воинскія дарованія его не равнялись съ политическими. Трудныя странствованія воинства въ степяхъ крымскихъ, осада Чигирина, трудъ возвести цѣлый городъ для продовольствованія воинства—заняли все время безплодныхъ походовъ. Между тѣмъ какъ Петръ Алексѣевичъ, посвящалъ младенчество и юность свою изученію теоріи и практики военнаго искусства, любовь мореплаванія заставила Его искать озеръ и берега морей. Въ разсѣяніяхъ младости, самой себѣ оставленной, Онъ созрѣвалъ въ героя и предводителя. Скоро властолюбіе Софіи, умыслы ея отдалить Его отъ правленія, и нѣкоторыя небреженія, оскорбили благородный духъ Петровъ и свергли царевну Софію въ монастырь съ престола, который она наполняла дѣйствительно подъ тѣнью слабаго Іоанна. Властитель государства, Петръ Первый нашелъ пріятное упражненіе дѣятельности своей,

[illegible] неудачные походы Голицына. Въ 1696 году отправляетъ Онъ войско подъ Азовъ, подъ предводительствомъ боярина Шереметева и генерала Шеина. Самъ съ любимымъ своимъ Лефортомъ [illegible] флотъ, который выходитъ изъ подъ [illegible].

II.

[illegible]

[illegible] Россіи [illegible] Карла XII-го [illegible] подъ Полтавою. Государь Петръ Первый [illegible] Петербургомъ. [illegible] Петербургъ. [illegible]

женій. Шведы обезпокоивали часто первыя строенія Петербурга, которыхъ рука работниковъ еще не совершила. Здѣсь надлежало все сотворить, надлежало бороться съ природою. Густые лѣса, непроходимыя болота, были печальнымъ убѣжищемъ дикихъ звѣрей и казались неспособными къ обитанію человѣка. Нева совершала въ пространномъ уединеніи величественное свое теченіе. Выгоды сего мѣстоположенія были полезны для человѣческаго рода, пока Петръ Первый не открылъ здѣсь новой дороги богатствамъ.

Чего не можетъ произвести постоянство мудраго государя, который жилъ весь свой вѣкъ для отечества? Онъ хотѣлъ видѣть своими собственными глазами нравы, искусства и заведенія европейскія, чтобъ дать Россіи то̀, чего ей не доставало; хотѣлъ учиться самъ, чтобъ выучить своихъ подданныхъ. Государь многихъ народовъ, оставилъ государство свое, чтобъ быть простымъ путешественникомъ въ чужихъ земляхъ. Онъ не искалъ забавъ, сіянія Дворовъ, почестей, которыми всѣ были обязаны высокому его сану; но хотѣлъ видѣть: какъ живетъ земледѣлецъ въ хижинѣ своей; какъ торгуетъ купецъ: чѣмъ занимается мѣщанинъ; что̀ сдѣлали законы въ пользу всѣхъ; какъ ободряется трудолюбіе; гдѣ находятся сокровища для нуждъ государственныхъ. Разумъ Его обнялъ всѣ части правленія и не былъ утомленъ ими. Не довольно было для Него пріобрѣсти столько знаній: Онъ предпріялъ про-

[illegible] въ дѣйствіе все то, что имѣлъ полезнаго и нужнаго. Трудныя препятствія не ужасали Его великаго духа. Онъ подражалъ иностраннымъ, но могъ бы обойтися и безъ ихъ помощи. Тысячу разъ былъ въ опасностяхъ, и всегда выходилъ изъ нихъ со славою. Былъ рѣжденъ [illegible]. Прямыя [illegible] силы Его обозрѣнія, — и опасный [illegible], который [illegible] гибели Его, [illegible] въ отечествѣ, заслуживалъ Его почтеніе и благодарность. Непріятель нѣги и пышности. Онъ жилъ безъ всякаго сіянія и не имѣлъ нужды ни въ спокойствіи, ни въ забавахъ. Будучи въ безпрестанномъ движеніи, здѣсь защищалъ предѣлы государства отъ внѣшнихъ непріятелей, тамъ усмирялъ внутреннія безпокойства, индѣ открывалъ пристани купечеству и новые каналы [illegible] вездѣ присутствовалъ духомъ и соединялъ въ разумѣ своемъ отдаленнѣйшія области и самыя различныя намѣренія.

Возвысить народъ свой, заставить иностранныя державы почитать его силу и признавать вліяніе, побудить умы къ усмотрѣнію выгодъ, происходящихъ отъ искусствъ и полезнаго трудолюбія, искоренить вредныя предразсужденія, и приготовить подданныхъ къ принятію полезнаго просвѣщенія—таковы безсмертныя заслуги Государя Петра Перваго, которыя пріобрѣли Ему столь достойное имя *Великаго!*

Россія была всегда сильное государство, страшное непріятелямъ и въ самомъ раздѣленіи своемъ. Но положеніе ея на краю Европы, долговременное обхожденіе съ азіятскими народами, и нелюбовь ко нравамъ западныхъ ея сосѣдей, отвлекали ея вниманіе отъ успѣховъ ихъ въ наукахъ и художествахъ.

Нравы, законы, мнѣнія зависятъ по большей части отъ степени просвѣщенія, до котораго доведенъ разумъ общественный. Пространнѣйшее поле дѣйствія требовало новыхъ способовъ. Какъ законодатели греческіе путешествовали въ Египетъ, чтобъ занять тамъ мудрость древнихъ учрежденій, такъ Государь Петръ Великій ѣздилъ въ Европу, чтобъ привезти съ собою въ отечество новую учтивость нравовъ, новыя правила поведенія и новыя искусства. Принимаемыя сперва съ упорностью, они были послѣ присвоены и казались природными. Россіянинъ справедливый ободрялъ умныя заведенія иностранцевъ. Гордый Европеецъ удивлялся легкости, съ которою россійскій разумъ примѣнялся къ иностраннымъ обычаямъ, и соревновалъ въ распространеніи наукъ. Нечувствительно заглаждалось различіе между древнихъ россійскихъ и европейскихъ новыхъ нравовъ.

Тогда только Европа пріобрѣла самымъ дѣломъ новую страну — и какую страну? которой предѣлы простираются отъ Балтійскаго до Тихаго Моря. Науки и просвѣщеніе расширили владычество свое на многія тысячи верстъ

и присвоили себѣ милліоны людей. Ибо кто поспоритъ, чтобы просвѣщеніе не было исключительнымъ преимуществомъ Европы?—развѣ тотъ, кто сошлется на примѣръ Китая, который цѣлыя тысячи лѣтъ стоитъ на одной точкѣ совершенства и почитаетъ каждый новый успѣхъ нарушеніемъ обычаевъ и законовъ. Отдѣленный отъ прочаго свѣта пустынями и морями, Китай наслаждается благорастворенньмъ вліяніемъ неба и производитъ изъ нѣдра своего все, что можетъ удовольствовать самыя роскошныя прихоти. Онъ не имѣетъ нужды во внѣшней торговлѣ. Напротивъ того, предпріимчивость европейскихъ народовъ открыла себѣ дорогу въ обѣ Индіи, дабы пользоваться сокровищами ихъ и драгоцѣнными произрастеніями, которыя ласкаютъ вкусу или одарены лекарственными силами.

Много можно сказать въ защищеніе и въ порицаніе сей безпокойной дѣятельности. Но дабы участвовать въ происшедшихъ отъ нея выгодахъ, Россія должна была войти въ тѣснѣйшіе союзы съ европейскими державами и присоединиться къ онымъ, для составленія одного общественнаго тѣла. Ибо всѣ европейскіе народы представляютъ нѣкоторое соединенное общество, признающее нѣкоторыя извѣстныя правила въ мирѣ и войнѣ, сообразующееся съ одною общественною пользою посредствомъ частныхъ сношеній, и отличающееся отъ всѣхъ другихъ народовъ однимъ образомъ мыслей, просвѣщеніемъ, вѣрою и вѣжливостью. Внѣшній видъ дѣйствуетъ и надъ

самыми просвѣщеннѣйшими людьми, кольми паче надъ множествомъ! Надобно было пожертвовать длиннымъ одѣяніемъ нашихъ предковъ и сею бородою, которая столько украшала благородный окладъ греческій, чтобъ болѣе походить на западныхъ обитателей Европы. Какое наслажденіе было для нихъ видѣть, при Дворахъ своихъ россійскихъ посланниковъ, или знатныхъ путешественниковъ, отличающихся тѣмъ же великолѣпіемъ и тою же учтивостью, какъ и собственные ихъ вельможи, и слышать ихъ изъясняющихся съ легкостію на языкахъ французскомъ или нѣмецкомъ! Оставивъ для себя самого чувствованіе народнаго достоинства, Государь не говорилъ иначе во Франціи, какъ чрезъ переводчика. Извѣстно, что Онъ предпочиталъ трудолюбіе, простосердечіе и точность Голландцевъ сіянію и роскоши, которыми окружилъ себя Лудовикъ XIV.

Какъ любитель искусствъ, полезныхъ и необходимыхъ, которыя занимаютъ дѣятельность народа, не превращая нравовъ его, и которыя придаютъ цѣну грубымъ произведеніямъ природы, обработывая ихъ для потребностей общества, Государь устремилъ на нихъ особливое свое вниманіе, хотя уважалъ и прекрасныя искусства, которыя обращаются къ воображенію и очищаютъ вкусъ народный. Искусства военное, сухопутное и мореходное, влекущія за собою многочисленный рядъ механическихъ художествъ, представлялись Ему необходимымъ средствомъ возвышенія для Его отечества, и стало въ рукахъ Его

способомъ просвѣщенія. Торговля, рукодѣлія искусство рудокопанія, которыя изобилуютъ въ земли полезные и драгоцѣнные металлы; [illegible] [illegible] Европы [illegible]

[illegible]

мый край, и родился Ломоносовъ, которому суждено было прославить ихъ на лирѣ и сдѣлать имъ столько чести своими собственными трудами.

Увеличивая излишнюю привязанность нѣкоторыхъ частныхъ людей къ сіянію иностранной роскоши и нравовъ, кто справедливо можетъ порицать Россіянъ, равнодушіемъ къ отечеству, когда они едва вѣроятными подвигами поставили славу его на непоколебимомъ основаніи и сдѣлали зависть безсильною? Есть нѣкоторое время для народовъ, когда они могутъ быть чувствительны къ прелестямъ художествъ, не теряя ничего со стороны мужества. Терпѣло ли что нибудь геройство въ Юліи Цесарѣ отъ того, что онъ былъ знатокъ въ искусствахъ и письменахъ греческихъ? Спасла ли Митридата пышность Лукуллова? Трудолюбіе и расточительность содержатъ въ безпрестанномъ движеніи обращеніе богатствъ, и ненасытимыя прихоти счастливаго человѣка поправляютъ неравенство мнѣній. Между тѣмъ законы и общее мнѣніе порицаютъ излишество расточителя и принуждаютъ его чтить нравы. Только тогда можно было произнести нечастное заключеніе о развратѣ нравовъ, когда общее мнѣніе раболѣпствуетъ порокамъ сердца и когда для нихъ уже нѣтъ стыда. Столь превосходны сокровенныя начала человѣческаго сердца, что никогда здравая часть большаго народа не ободряла явныхъ отступленій отъ добродѣтели, и ежели когда нибудь противъ нея воору-

жалась, то сіе происходило отъ того, что она была обольщена ложнымъ ея видомъ. Вѣжливость нравовъ отнимаетъ, можетъ быть, у характеровъ нѣсколько ихъ природной силы, но не испровергаетъ основанія добродѣтели. Есть пороки, соединенные съ грубостью и съ нею исчезающіе; есть и добродѣтели, неразлучныя съ нѣкоторою простотою и пріемлющія другое образованіе, съ высшею степенью просвѣщенія. Сіяющія дарованія придаютъ теперь движеніе обществу, котораго не было въ прошедшемъ столѣтіи. Снисхожденіе составляетъ отличіе знатнаго человѣка, такъ, какъ нѣжное чувствованіе чести есть свойство каждаго благороднаго. Полезный человѣкъ не имѣетъ причины стыдиться званія своего, и просвѣщеніе стало союзомъ между всѣми членами государства.

IV.

Чтеніе происшествій, которыми ознаменовано царствованіе Петра Великаго, представляетъ поводы къ важнѣйшимъ размышленіямъ. Одинъ человѣкъ перемѣняетъ совершенно видъ пространнаго государства, пріобрѣтаетъ толь неодолимую власть надъ другими и надъ собою, что заставляетъ отказаться отъ обычаевъ и нравовъ, въ которыхъ народы воспитаны были съ младен-

чества, и столь же удобно вливаетъ въ нихъ понятія новыя и необыкновенныя; увлекаетъ дворянство гордое и изнѣженное, которое почитало невѣжество въ числѣ преимуществъ своихъ и взирало съ пренебрегательнымъ равнодушіемъ на искусства окрестныхъ земель, не только посвятить время свое изученію отвлеченныхъ наукъ, но употребить руки свои къ механическому труду и подвергнуться всѣмъ подчиненностямъ службы простого солдата, или бѣдствіямъ мореплавателя. Прежде всего Россія отдалена была отъ ближайшихъ державъ европейскихъ на неизмѣримое разстояніе нравами своими и совершеннымъ недостаткомъ искусствъ. Едва на престолѣ, Онъ становится главою движеній въ Сѣверѣ и привлекаетъ на себя вниманіе всей Европы. Отъ Его времени Россія, заключавшаяся прежде въ однихъ своихъ предѣлахъ и едва гдѣ кромѣ сосѣдственныхъ державъ извѣстная, становится сама европейскою державою первой степени, которая входитъ во всѣ общія происшествія Европы и безъ участія которой ничто не творится. Сила ея производитъ удивленіе и зависть и оправдываетъ опасеніе сосѣдственныхъ народовъ, съ которымъ воображали они будущее просвѣщеніе Россіи. Какія причины нравственныя и политическія вспомоществовали предпріятіямъ Государя? Нашелъ ли Онъ, какъ нѣкоторые думаютъ, въ самомъ народѣ россійскомъ неожидаемую удобность принять европейскіе нравы, потому что природа, опредѣляя каждому пле-

мени особливыя склонности и расположенія, произвела насъ болѣе сродственными съ трудолюбивыми Европейцами, нежели съ Азіятцами, осужденными къ игѣ и владычеству предразсужденій? Или, непреодолимое трудолюбіе и никакими препятствіями несовратимое постоянство Петрово, послѣдовать единожды воспріятому начертанію общаго блага, сопровождаемые верховностію духа, которая увлекаетъ последователей по стезямъ великаго человѣка, довольны для изъясненія сего важнаго происшествія? Предпріявъ одинъ разъ перемѣнить нравы народа, не благопріятствующіе успѣхамъ благосостоянія его, зачѣмъ выбралъ себѣ Государь нравы дѣйствительные существовавшихъ народовъ европейскихъ, и ограничилъ себя должностію подражателя, когда могъ быть самъ зиждителемъ народнаго умоначертанія? Таково есть умствованіе, предлагаемое нѣкоторыми наблюдателями. Любовь отечества, мечтаютъ они, усиленная народными различіями, отдѣляла бы Россіянина отъ всякаго другого иностранца. Не послѣдуя одѣянію и обращеніямъ Нѣмца и Англичанина, Россіянинъ могъ участвовать въ просвѣщеніи ихъ и наукахъ. То, что было похвально въ россійскихъ нравахъ, не смотря на внѣшность, долженствовало бы остаться безъ перемѣны. Что въ искуствахъ и упражненіи, думаютъ они, ежели гражданинъ сдѣлался равнодушенъ къ отечеству своему и ежели слѣдствіе просвѣщенія—роскошь, отнимаетъ у него

силы служить общему благу? Сообразенъ ли былъ съ истинною политикою сей поступокъ Государя Петра I, принудить народъ къ принятію иностранныхъ нравовъ, или сей великій человѣкъ самъ увлеченъ былъ слѣпымъ пристрастіемъ къ подражанію иностраннаго? Не имѣло ли участія въ томъ сіяніе европейской учтивости? Вотъ важные вопросы, достойные обратить на себя вниманіе всякаго мыслящаго человѣка.

V.

О НѢКОТОРЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

Не было никогда недостатка въ законахъ и учрежденіяхъ въ Россіи; но настоящему царствованію принадлежитъ введеніе нѣкотораго систематическаго порядка въ законоположеніе. Не случаю одному предоставлено повелительно требовать новыхъ узаконеній для представившейся нечаянно надобности, но попеченіе и предвидѣніе законодателя, просвѣщенное глубокимъ ученіемъ природы и общества, устремляется въ пространное владычество возможностей и ограничиваетъ неопредѣленность ихъ назначеніемъ глав-

ныхъ родовъ и классовъ, къ которымъ относятся всѣ нужды правленія и государства. Такимъ образомъ устроеніе судебной власти установлено высочайшими учрежденіями объ управленіи намѣстничествъ. Особыя части казеннаго хозяйства, собираніе доходовъ, управленіе вина и соли изъяснены уставами. Разныя общеполезныя заведенія приказа общественнаго призрѣнія, торговля внѣшняя и внутренняя получили подробныя наставленія. Достоинство дворянское, котораго преимущества прежде состояли болѣе въ общемъ согласіи, нежели въ словахъ закона, выведены изъ естественнаго сего состоянія и освящены властію. Начиная съ знаменитѣйшаго сословія, законы перешли на другое, безпосредственно за нимъ слѣдующее состояніе полезнаго гражданина, который обитаетъ въ городахъ, составляетъ государственное богатство обращеніемъ его въ купечествѣ и, выдѣлывая грубыя произведенія природы, даетъ имъ новую цѣну. Прежде мы имѣли купцовъ, раздѣленныхъ на гильдіи по ихъ имуществу; но ничто почти не отличало ихъ отъ мужика,—и дворянинъ, напыщенный своимъ высокомѣріемъ, видя внѣшность и образъ ихъ жизни, не превышающіе простого работника, почиталъ себя уполномоченнымъ уничижать презрѣніемъ и наглостью человѣка, который умѣлъ быть только полезнымъ. Сіе несправедливое предразсужденіе должно было производить настоящій вредъ купечеству россійскому и держать его во всегдашнемъ уныніи и низости;

тѣмъ болѣе, что старые законы назначали столь малое различіе между имъ и земледѣльцемъ, котораго жребій почти безусловно оставленъ во всемъ на волю помѣщика своего. Одно собираніе богатствъ и сіяніе, которое придаютъ они своему владѣтелю, могли утѣшать купца россійскаго о недостаткѣ уваженія. Затѣмъ-то въ послѣднія времена тщеславіе ихъ, оскорбленное малымъ своимъ значеніемъ, искало присвоеніемъ себѣ надлежащаго титла какого нибудь гражданскаго чина, убѣжать отъ оскорбленія неразмышляющей наглости и отрицалось *для* пустого имени отъ прочныхъ выгодъ званія своего. Ежели они продолжаютъ и теперь повиноваться сему худому примѣру, то они унижаютъ безъ нужды состояніе, которое имъ полезно было, мѣняя его на другое, къ которому они неспособны. Именитые люди и оптомъ торгующіе купцы приближены теперь Городовымъ Положеніемъ къ состоянію дворянина; двѣ первыя гильдіи имѣютъ важныя права, и всѣ прочія мѣщанскія отдѣленія получили настоящее и само собою существующее устроеніе. Маленькій градоначальникъ не въ состояніи болѣе утѣснять ихъ по своенравію, и Городовое Положеніе есть твердая ограда, которую они могутъ противуположить всякимъ незаконнымъ притязаніямъ. Имъ связаны крѣпче взаимныя связи узы гражданъ, и обитаніе отечественнаго города своего сдѣлано болѣе драгоцѣннымъ. Въ немъ научатся уважать себя болѣе наши граждане третьяго состоянія, ежели они

будутъ имѣть довольно справедливости и проницанія, чтобъ любить выгоды состоянія своего. Оно обѣщаетъ городамъ нашимъ скорое и неминуемое возрастаніе и благосостояніе. Тѣмъ выше законодатель, чѣмъ взоръ его вѣрнѣе отличаетъ подробности, хотя онъ обозрѣваетъ и цѣлое. Для него нѣтъ ничего малаго, ничего низкаго. Благополучіе государства есть одно цѣлое, нераздѣленное, составленное изъ тысячи частей, въ своемъ мѣстѣ необходимыхъ и полезныхъ. Одному ограниченному разсужденію прилично отдать все свое удивленіе одной вещи исключительно. Государь Петръ Великій соединялъ въ себѣ дарованія полководца, мореплавателя, строителя, законодателя, покровителя всѣхъ искусствъ, и взоры Его разверзались на все пространство Его владычества. Все сіе было въ Немъ какъ-бы вдохновеніе небеснаго духа. Чего бы ожидать можно было, ежели бы, поставленъ Провидѣніемъ въ благопріятнѣйшія обстоятельства, могъ Онъ въ самомъ младенчествѣ своемъ приготовиться воспитаніемъ и ученіемъ къ величественному искусству царствованія! Истинно великъ, Онъ признавалъ сей недостатокъ въ минуты забвенія, когда неукрощенный и насильственный нравъ увлекалъ Его за предѣлы справедливаго и пристойнаго. «Свой народъ могъ я передѣлать, а не себя» — слово, приписываемое Ему иностранными писателями и въ которомъ, кажется, не можно найти ничего оскорбительнаго великому человѣку, ибо Онъ лучше дру-

тикъ вѣдалъ, чего Ему не доставало. Можетъ быть, долѣе дѣлалъ бы Онъ благополучіе народа своего, ежели бы болѣе могъ владычествовать самимъ собою и къ толь великимъ добродѣтелямъ присоединилъ болѣе умѣренности и воздержанія.

VI

ЧЕРТЫ ГОСУДАРСТВЕННАГО УСТАНОВЛЕНІЯ.

Государство, столь пространное какъ Россія, не можетъ имѣть другого образа правленія, кромѣ единоначалія, которое, соединя всѣ силы государства въ рукахъ одной особы, награждаетъ отдаленность предѣловъ скоростью исполненія. Таково оно было во всѣ времена Россійскаго Народа, составленнаго воедино. Ибо раздробленіе на удѣльныя княжества, — образъ правленія слабый и порочный, давало мѣсто и другимъ правиламъ и учрежденіямъ. И особливо Новгородъ, въ связи будучи съ торгующими республиками, уклонялся къ демократическому установленію. Послѣдніе государи Рюрикова рода, предводимые вѣрнымъ искусствомъ и вспомоществуемые обстоятельствами, собрали всю власть государственную въ единой особѣ царской и, смѣшавъ княжескіе роды съ дворянствомъ, ви-

дѣли подъ собою подданныхъ равныхъ правами и подсудимыхъ однимъ и тѣмъ же законамъ. Служба и достоинство могли возводить ихъ къ участію въ совѣтахъ государственныхъ; но вліяніе ихъ продолжалось столь долго какъ призваніе; и духовные, хотя владѣльцы земель по монастырямъ, не имѣли другой власти, кромѣ пастырской, поученія и надзиранія надъ богослуженіемъ, особливо до учрежденія патріаршества. По пресѣченіи Рюрикова рода, государственная власть уничтоженная, неизвѣстная, преносимая изъ рукъ въ руки, представлялась достойнымъ образомъ симъ достопамятнымъ собраніемъ бояръ, духовенства и выборныхъ изъ городовъ, которые возвели на престолъ домъ Романовыхъ. Сіе собраніе перенесло въ руки Михаила Ѳеодоровича царскую власть, такую точно, какую имѣли потомки Руриковы. Были два раза дѣланы покушенія ввести аристократическое правленіе или смѣшанную монархію: первый разъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ, въ 1607 году, и второй условіями, которыя предложены были государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ отъ владычествующей тогда стороны въ Россіи; но оба раза отринуты народомъ; ибо покушенія сіи не имѣли цѣлію блага народнаго, но выгоды и личную корысть нѣкоторыхъ вельможъ. Несчастія, которыя претерпѣла Россія отъ обычая государей раздроблять ее въ удѣлы между сыновъ ихъ, побудили Великаго Князя Іоанна Васильевича и его послѣдователей ввести въ законъ и обыкно-

веніе нераздѣлительность государства. Тогда удѣлы царскихъ дѣтей отмѣнены, и князья, ослабленные междоусобными войнами и помѣщенные въ число бояръ и прочаго дворянства россійскаго, столько низпали отъ прежняго сіянія своего, что при выборѣ новаго поколѣнія государей ни одинъ голосъ не возвысился въ пользу ихъ, и потомкамъ Рюрика предпочтенъ дворянскій родъ Романовыхъ, знаменитый родствомъ своимъ съ послѣдними царями. Государи не мнили унизить достоинства своего, полагая въ заглавіи указовъ слѣдующее реченіе: «Бояра приговорили и Царь приказалъ». Будучи равны своему высокому призванію, они могли все для блага отечества—и болѣе ничего не хотѣли. Имъ не надобно было ужасное право, чтобъ всѣ повиновались мгновенной прихоти одного. Россіяне имѣли законы, отъ самаго начала монархіи тщательно сохраненные, продолжаемые отъ времени до времени законодателями, по мѣрѣ какъ новыя нужды и новые обычаи требовали дополненія къ законамъ. Имена Ярослава, царей Іоанна Васильевича и Алексѣя Михайловича сіяютъ въ Законоположеніи Россійскомъ. Уложеніе сего послѣдняго, не отрѣшенное еще и въ наши времена, представляетъ намъ вѣрное изображеніе древнѣйшихъ нашихъ законовъ, какимъ образомъ могли они быть въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Самый способъ, который избралъ государь сей для изданія Уложенія, приноситъ величайшую честь просвѣщенію его и человѣчеству.

Онъ собралъ со всего государства земскихъ людей и, сообщивъ ихъ съ боярами и духовенствомъ, предложилъ имъ сочиненное особливымъ нарядомъ законовѣдцевъ Уложеніе. Слѣдовательно онъ подвергъ ихъ такому закону, въ составленіи котораго они сами участвовали. Такой поступокъ удаленъ чрезвычайно отъ утѣсненія свирѣпаго самовластія и совершенно соотвѣтствуетъ достоинству разумныхъ существъ, къ которымъ онъ относится. Разстояніе тѣхъ временъ отъ нынѣшнихъ и достопамятная перемѣна, произшедшая во нравахъ, предполагаютъ сами собою распространеніе и возвышеніе законодательныхъ правилъ. Власть государей неограниченна никакими предѣлами; но кротость послѣднихъ царствованій приблизила ее во всемъ къ сообразованію съ европейскими монархіями, и даже имя раба изгнано, такъ какъ приличное въ одномъ азіятическомъ деспотствѣ и унижающее человѣчество. Установленная форма судопроизводства, законъ о вольности дворянства, распространенный грамотою, данною въ 1792 году сему состоянію, Городовое Положеніе, которымъ купцы и мѣщане пріобрѣли права и преимущества и гдѣ положены основанія городского общежитія, многія узаконенія, облегчающія участь земледѣльца, нѣкоторое начало умствованія великодушное и человѣколюбивое, которое изъ законоположенія переходитъ въ нравы, служатъ къ опредѣленію извѣстной формы правленія, свойственной Россіи и которая можетъ назваться установленіемъ го-

сударства. Царь Іоаннъ Васильевичъ самимъ проименованіемъ Грознаго, которое положилъ ему народъ, доказываетъ, что онъ преступилъ понятіе, которое Россіяне соединяли съ справедливою царскою властью. Не смотря на ужасъ, коимъ онъ окружилъ особу свою, находилъ онъ твердыхъ и добродѣтельныхъ людей, которые не убоялись сказывать ему истину. Государь Петръ Великій оправдалъ славою и величіемъ Россіи насилія, которыя Онъ принужденъ былъ дать возчувствовать народу, погруженному въ невѣжество и обольщенному предразсужденіями. Европейскіе нравы, введенные Имъ въ Россію, образовали и правленіе ея правилами, общепринятыми въ Европѣ. Еще болѣе, во многихъ мудрыхъ учрежденіяхъ Россія предупредила другія правленія, въ которыхъ предразсужденія освящены древностью. Такова есть отмѣна смертной казни, которая не привлекла за собою умноженія злодѣйствъ, уничтоженіе тайныхъ доносовъ, пытки, которая наказываетъ невинность, конфискаціи имѣнія тѣхъ, которыхъ родители были государственными преступниками и общее терпѣніе всѣхъ вѣръ и исповѣданій. Уничтоженія заставъ и таможень во внутренніи государства. Важное предпріятіе сочиненія новаго Уложенія, хотя и не приведено къ окончанію въ цѣлости своей, но объяснило многіе предметы законоположенія и дѣйствительно произвело заведенія общеполезныя. Основать законы на первыхъ началахъ разума всеобщаго, всегда и вездѣ пребывающаго,

есть мысль величественная, способная прославить столѣтіе, въ которомъ она была присвоена просвѣщеннымъ и человѣколюбивымъ правленіемъ. Индѣ законы были горестный плодъ несчастій народныхъ; у насъ произошли они отъ Престола. Слѣдствіемъ сего предпріятія можно почесть высочайшія учрежденія для управленія намѣстничествъ, силою которыхъ каждое намѣстничество и уѣздъ получаютъ расправу отъ судей, изъ среды своей вольными голосами общества избранныхъ, и каждый имѣетъ преимущество быть судимъ своими равными. Симъ способомъ права народовъ самыхъ вольныхъ сообщены Россіи. Общее правило, что никто не долженъ быть наказанъ безъ суда, есть обереженіе вольности гражданской и служитъ основаніемъ Законодательства Россійскаго. Чрезъ то государь отрицается самъ отъ права наказывать преступленія по образу азіятскихъ деспотовъ, которые однимъ дыханіемъ отнимаютъ жизнь, и поручая обвиняемыхъ суду и закону, полагаетъ время между обвиненія и невозвратнаго приговора и даетъ виновному всѣ способы защищать жизнь и честь свою. Особливый чиновникъ, стряпчій уголовныхъ дѣлъ, долженъ служить совѣтомъ и защитникомъ обвиняемыхъ. Государь предоставляетъ себѣ право умягчать строгость закона.

VII.

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА.

Иностранцы, позабывъ настоящее имя Россіи, или Руси, долго называли отечество наше Московіею,—ошибка, заключающая въ себѣ величайшую похвалу Москвы, сего необъятнаго города, который замѣнялъ Россіи недостатокъ или униженіе другихъ городовъ и былъ столицею царей россійскихъ. Прекрасное мѣстоположеніе! Долгое пребываніе Двора и правительства; богатство, которое цѣлые вѣки стекалось изъ предѣловъ Россіи, чтобъ украсить сію столицу огромнаго государства; обыкновенія и нравы, представляющіе живое изображеніе народнаго свойства, присоединенные здѣсь къ самымъ мѣстамъ и урочищамъ, и безпрестанно воспоминающіе древность; многолюдство, веселья, набожность, блескъ и роскошь дворянства, тѣнь славнаго имени, — всѣ сіи обстоятельства дѣлаютъ воспоминаніе Москвы драгоцѣннымъ каждому Россіянину. Удивительное многообразіе положеній, зданій, улицъ распространяетъ по всему городу видъ огромнаго и величественнаго безпорядка. Холмы, косогоры, долины застроены безъ различія. Почтенныя развалины древности видятъ возвышающіяся подлѣ себя зданія новѣйшаго вкуса, и хижины не боятся сосѣдства великолѣпныхъ палатъ. Монастыри, соборы, церкви, колокольни, удивляя своимъ готическимъ видомъ,

представляютъ издали подъѣзжающему путешественнику золотыя главы и острые верхи свои, окруженные бѣлѣющеюся оградою стѣнъ, которая, кажется, выходитъ изъ середины города. Любитель древности приближается съ почтеніемъ къ сему Кремлю, гдѣ происходило столько важныхъ явленій Исторіи Россійской, къ сей Грановитой Палатѣ, въ которой цари, являясь во всей своей пышности, удивляли пословъ Азіи и Европы сіяніемъ сокровищъ. Съ глубокимъ чувствованіемъ ходитъ онъ по сей Красной Площади, гдѣ собранный толпою народъ узнавалъ войну или миръ. За сею золотою рѣшеткою являлись нѣкогда царевны, пользуясь благораствореніемъ воздуха, или совершая благочестивые обѣты въ препровожденіи своихъ ближнихъ боярынь. Въ сихъ царскихъ теремахъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный предпринималъ завоеваніе Казани и царь Алексѣй Михайловичъ подтверждалъ Уложеніе. Далѣе, въ соборѣ Михаила Архангела покоятся смертные останки сихъ великихъ людей, и тѣни ихъ, кажется, срѣтаются подъ сими священными сводами.

На краю города есть прекрасное возвышеніе, извѣстное подъ именемъ Воробьевыхъ Горъ, съ котораго зрѣніе можетъ покоиться свободно на поверхности Москвы. Внизу, подъ крутымъ берегомъ, сквозь листья кустарниковъ, видны чистыя воды Москвы-рѣки, которая, извиваясь поперегъ города, объемлетъ полукружіемъ прекрасный лугъ. Съ сей высоты видны загородные

домы и подмосковныя, унижающіяся степенями. Уединенный зритель можетъ соединить здѣсь два удовольствія, между собою противныя, и наслаждаясь тихостью сельскаго явленія, видѣть подъ ногами своими движеніе необъятнаго города и слышать шумъ безчисленнаго многолюдства.

НРАВОУЧЕНІЕ.

Славный англійскій писатель Попе выразилъ съ точностью и истиною дѣйствительную пользу нравоученія въ семъ извѣстномъ стихѣ, которой сдѣлался пословицею: The proper study of mankind is man. «Человѣкъ есть настоящее ученіе человѣческаго рода». Ни которой науки предметъ не положенъ къ намъ столь близко, не соединенъ болѣе съ благосостояніемъ существа нашего, не можетъ болѣе возвысить человѣка, если пространный разумъ, чувствительное и нѣжное сердце имъ заемлются, какъ сія трогающая часть философіи, къ которой Сократъ прилѣплялся единственно, которой вліянія во всѣхъ вѣкахъ и странахъ тѣ же самыя и неизмѣняемыя, оживаютъ для насъ въ краснорѣчіи Платона, Ксенофонта, Цицерона, въ умствованіяхъ Аристотеля, въ начертаніяхъ Марка-Аврелія, который возвысилъ престолъ кесарей возведеніемъ на оной философіи и добродѣтели. Сердце человѣческое, позорище страстей и желаній, представляетъ

искусному наблюдателю тму зрѣлищь любопытныхъ. Цѣлая жизнь наблюдателей не довольна для изученія сокровенныхъ его движеній. И для того правоученіе, не смѣя возвыситься къ точности геометрическаго способа, вмѣсто доказательствъ, заимствуетъ внутреннее и нѣжное чувствованіе, которое всемогущая рука Создателя вложила въ перси каждаго. Чтобъ удостовѣриться въ превосходствѣ благороднаго предпріятія, великодушнаго дѣла, довольно только вопросить собственное сердце. Какое благополучіе, ежели чисто и спокойно, какъ весеннее утро, не порицаетъ насъ униженіемъ къ пороку, какимъ нибудь поступкомъ гнуснымъ и безчестнымъ! Сіи естественныя понятія добра и зла, ощущенія пріятныя или непріятныя, которыя оставляютъ по себѣ въ душѣ нашей свободныя наши дѣйствія, приводитъ правоученіе въ порядокъ полный и подробный. Возвращаясь къ самому началу гражданскихъ обществъ, оно покушается представить себѣ человѣка въ первобытной простотѣ его, прежде еще нежели установленія, обычаи, нравы, законы дали душѣ его искусственное образованіе и изъ сего естественнаго состоянія покушается вывесть неотъемлемыя и священныя права человѣка, его простыя и начальныя чувствованія и склонности. Сіе отдѣленіе правоученія, извѣстное подъ именемъ Естественнаго Права, начертываетъ должности наши и сношенія въ разсужденіи Высшаго Существа, самого себя, ближняго общества. Оно предписываетъ настав-

ленія всякому полу и состоянію, отцу, сыну, супругу, гражданину: оно учитъ соединять полезное съ честнымъ. Отъ домашней жизни семейства нравоученіе восходитъ къ изъясненію обязанностей политическаго общества, разлагаетъ пружины правленія, начертываетъ дѣйствіе государственной власти до самаго ея источника, безмолвнаго согласія всѣхъ членовъ одного народнаго общества и такимъ образомъ даетъ рожденіе другой подчиненной наукѣ, извѣстной подъ именемъ Политики. Положеніе гражданскихъ законовъ по большей части проистекаетъ также изъ Естественнаго Права. Нравоученіе, общее всему человѣческому роду, возносится выше частныхъ законовъ, въ одномъ какомъ либо народѣ извѣстныхъ. Оно собираетъ передъ судилищемъ своимъ всѣ народы. Подъ названіемъ Народнаго Права нравоученіе изъясняетъ обязанности и отношенія одного народа къ другому и предписуетъ имъ и тогда повиноваться справедливости, когда нужда защищать себя или виновныя страсти вооружаютъ ихъ другъ противъ друга.

—

ЧЕРТЫ НРАВОУЧЕНІЯ.

Изреченіе, которымъ многія частныя происшествія приводимъ къ одному общему источнику, называется закономъ, или правиломъ.

Наблюдая низхожденіе разныхъ тѣлъ на поверхность земную, мы выводимъ естественный законъ общаго тяготѣнія, привлекающаго всѣ видимыя вещи къ средоточію земли.

Находя въ бытіяхъ міра, что нѣсколько дикихъ людей, сперва въ лѣсахъ разсѣянныхъ, соединяются въ одно общество, налагаютъ на себя взаимныя обязательства и основываютъ города, извлекаемъ мы слѣдующій законъ нравственный: что человѣкъ сотворенъ для общества и долженъ рано или поздно достигнуть просвѣщенія.

Собраніе правилъ составляетъ науку.

Такимъ образомъ собраніе правилъ, выведенныхъ изъ происшествій естественныхъ, называется Естественною Наукою или Физикою.

Собраніе правилъ, выведенныхъ изъ дѣяній человѣка и общества, называется Нравоученіемъ.

Человѣкъ есть животное возвышенное надъ всѣми другими посредствомъ разума своего, одаренное словомъ, стремящееся къ составленію общества и способное увеличивать свои совершенства.

Уже одинъ и внѣшній образъ опредѣляетъ человѣку первое мѣсто въ порядкѣ животныхъ. Онъ смѣло взираетъ на небо и едва прикасается землѣ крайностями тѣла. Мышцы знаменуютъ силу и скорость его движенія. Лице одушевляется достоинствомъ и красотою. Въ глазахъ его ясно читается, и съ неподражаемою силою, все то, чтó происходитъ въ глубинѣ души его, и въ

одно мгновеніе изливается на разумы его окружающихъ.

Человѣку принадлежитъ, и ему въ особенности, измѣненія лица, улыбка, слезы.

Рука — удивленія достойное орудіе, не поддерживаетъ тягости его, но доставляетъ къ нему отдаленные предметы и способствуетъ ему въ упражненіи въ искусствахъ.

Всѣ поясы земли равно удобны къ обитанію его; но умѣренные болѣе благопріятствуютъ. Изобиліе яствъ, животныхъ и растительныхъ представляется къ утоленію глада его.

Онъ родится нагъ и безоруженъ. Нужды со всѣхъ сторонъ нападаютъ на него при самомъ рожденіи; но онѣ самыя служатъ къ изощренію изобрѣтательности, которою человѣкъ одаренъ столь отлично. Онъ сотворяетъ самъ себѣ жилище, орудія, одѣяніе.

Младенчество его безсильно и продолжительно. Отсюда воспитаніе, нѣжность родителей, нравственныя обязанности, начало общества. Способности человѣка несравненно превосходнѣйшія тѣхъ, которыми одарены животныя, требуютъ большаго времени для своего открытія и образованія. Опытомъ и подражаніемъ научается онъ дѣяніямъ самымъ простымъ и ежедневнымъ, видѣнія, слышанія, хожденія, разговора.

Въ первыя лѣта жизни запасаетъ онъ себѣ понятія, дѣлаетъ несчетныя наблюденія и ознакомливается съ окружающими его бытіями.

Предѣлъ жизни отъ семидесяти до ста лѣтъ полагается.

Умноженіе народа зависитъ отъ удобностей климата, изобилія земли, нравовъ и правленія.

Есть животныя, уединяющіяся отъ другихъ, имъ подобныхъ.

Человѣкъ принуждается своею природою къ составленію общества.

Первый видъ общества есть семейство, потомъ племя и наконецъ народъ, или государство.

Раздѣленныя общества пребываютъ обыкновенно въ соперничествѣ другъ съ другомъ.

Исключительная любовь племени своего одушевляетъ варвара.

Любовь къ отечеству составляетъ геройство гражданина, не затворяя сердца его всеобщему человѣколюбію.

Люди упражняются по большей части въ доставленіи себѣ способовъ безопасности, пропитанія, удобности и украшенія.

Къ безопасности принадлежитъ изобрѣтеніе оружій, военное искусство и укрѣпленіе городовъ.

Способы пропитанія суть: звѣриная и рыбная ловли, скотоводство и земледѣліе.

Народы, наименѣе просвѣщенные въ способахъ пропитанія, прилежатъ къ охотѣ и рыбной ловлѣ, или существуютъ прозябеніями, которыми земля покрывается естественно.

Тѣ, которые достигли искусства укрощать и воспитывать животныхъ, обращаются къ скотоводству и становятся народами-пастырями.

Они сначала странствуютъ и перемѣняютъ пастбища.

Общества, наиболѣе къ просвѣщенію приближающіяся, познаютъ искусство разводить прозябенія, которыя сами собою не возрастаютъ.

Они удобряютъ землю и трудомъ своимъ пріобрѣтаютъ право собственности на землю, которую они удобрили. Такимъ образомъ земледѣліе становится твердѣйшимъ основаніемъ общества.

Въ таковыхъ обществахъ тѣ, которые, по умноженіи народа, не получаютъ участія въ раздѣлѣ земель, обращаются къ рукодѣліямъ и промысламъ: они способствуютъ къ удобности жизни. Другія искусства, требующія большей разборчивости и раждающіяся въ обществахъ спокойныхъ и изобильныхъ, снабжаютъ оныя вещами украшенія и великолѣпія.

Для взаимной пользы своей, рукомесленникъ и земледѣлецъ устанавливаютъ между собою мѣну, — первый образъ торговли, посредствомъ котораго первый сбываетъ работу свою за хлѣбъ второго.

Мѣна имѣетъ свои затрудненія, для отвращенія которыхъ изобрѣтена общая мѣра взаимныхъ товаровъ, и установленъ нѣкоторый вѣсъ металловъ, изображающій собою всѣ возможныя имѣнія.

Въ началѣ обществъ домашнія животныя служили цѣною вещей и занимали мѣсто денегъ.

Деньги ускоряютъ обращеніе сокровищъ естественныхъ и художественныхъ по всему Земному Шару и облегчаютъ дѣйствія торговли.

Довѣріе есть душа купечества, а раздѣленіе труда приводитъ рукодѣлія въ цвѣтущее состояніе.

Дороговизна товаровъ бываетъ соразмѣрна рѣдкости и надобности.

Купечество приводитъ въ движеніе множество различныхъ званій, — ремесленника, перевощика, мореходца, купца и сидѣльца.

Люди имѣютъ между собою сношенія по мѣрѣ личныхъ качествъ. Сила и проворство тѣла, но болѣе еще превосходство разума, возносятъ одного человѣка надъ другими.

Сіе превосходство составляетъ начало власти между человѣками и назначаетъ степени подчиненности.

Сильный, знающій, храбрый властвуютъ другими; слабый, невѣжда, робкій впадаютъ въ зависимость.

Кромѣ власти въ обществѣ, нѣкоторыя качества приносятъ съ собою нравственное достоинство и снискиваютъ почтеніе.

Такимъ образомъ человѣкъ, исполненный благоволенія, кротости, чести, соединяетъ одобренія всѣхъ въ пользу свою.

Люди повсемѣстно удивляются качествамъ, доставляющимъ благо человѣческому роду: такъ какъ мудрости, правосудію, мужеству и умѣренности.

Таковыя качества замыкаются обыкновенно подъ именованіемъ добродѣтели.

Противныя онымъ, подъ названіемъ порока.

Внѣшнія состоянія людей смѣшиваются иногда съ личными качествами. Богатство, знатность, великолѣпіе ослѣпляютъ своимъ сіяніемъ; бѣдность, неизвѣстность, посредственность страждутъ подъ незаслуженнымъ презрѣніемъ.

Неравенства состояній находятся въ каждомъ положеніи общества, наиболѣе тамъ, гдѣ богатство, власть и воспитаніе распредѣлены весьма неравнымъ образомъ.

Каждый членъ общества ввѣряетъ оному въ залогъ свои естественныя права и для сохраненія оныхъ подвергается общей волѣ.

Изъявленіе воли общества или большинства его называется народнымъ закономъ.

Правленіе есть образъ, который присвоило себѣ общество въ положеніи своихъ законовъ и наблюденіи оныхъ.

Сей образъ бываетъ простой или смѣшанный. Простой, когда общество вручило верховную власть или одной особѣ, или законодательному собранію людей. Смѣшанный, когда общество управляется множествомъ побочныхъ властей.

Простые образы правленія суть народное или демократія, вельможное или аристократія. Монархія или единоначаліе, и деспотизмъ или господственное владѣніе.

Демократія есть такое правленіе, въ которомъ государственная власть находится въ лицахъ, представляющихъ народъ.

Аристократія переноситъ власть сію въ одно

состояніе людей, управляющее народомъ исключительно.

Монархія получаетъ верховное могущество одной особѣ на основаніи законовъ.

Деспотизмъ поставляетъ государя выше законовъ.

Смѣшанные образы правленія суть или гражданства или единоначалія.

Въ смѣшенныхъ гражданствахъ верховная власть раздѣлена между собирательнымъ тѣломъ народа и сословіемъ благородныхъ.

Въ смѣшенныхъ монархіяхъ государствованіе исполняется государемъ, сословіемъ благородныхъ и представляющими народъ.

Общественныя установленія были бы невозможны безъ сообщенія мыслей.

Средство сообщенія, языкъ или слово, содержитъ всѣ внѣшніе знаки мысли, чувствованія и воли.

Знаки сіи суть естественные или согласіемъ поставленные.

Естественные тѣ, которые внушаетъ побужденіе или истолковываетъ человѣку.

Таковы суть взоры, наклоненія голоса, измѣненія лица и тѣлодвиженія.

Согласіемъ поставленные суть: нѣмое подражаніе дѣйствій, разговоръ и письменныя начертанія.

Способность говорить образуется каждымъ особымъ народомъ въ отличный языкъ или нарѣчіе.

Письменныя начертанія суть знаки или цѣлыхъ словъ или образованія голоса.

Умствованіе о свойствахъ языка вообще или частно, составляетъ науку Грамматики.

Рожденіе и совершенство письменъ есть необходимое слѣдствіе успѣховъ общества.

Писаніе сохраняетъ память прошедшихъ дѣяній, наблюденія и опыты. Оно спасаетъ произведенія разума и служитъ къ исправленію и распространенію слова.

Отъ разсмотрѣнія человѣческаго рода снисходя къ разсмотрѣнію нераздѣльнаго, кромѣ благообразія внѣшняго вида, соразмѣрности членовъ, способности движенія, наполняющихъ благоговѣніемъ къ Создателю, мы находимъ зрѣлище болѣе любопытное, — дѣянія разума и воли.

Въ разумѣніи отличаемъ мы явственно: животное чувство или пониманіе, сознаемость, созерцаніе (наблюденіе), память, воображеніе, отвлеченіе, разсужденіе.

Мы имѣли уже случай говорить о семъ пространнѣе въ разсужденіи о дѣяніяхъ разума.

Но что касается до воли, непосредственномъ предметѣ нравоученія, то она есть та сила умственная, которая творитъ человѣка существомъ дѣятельнымъ.

Дѣянія суть возможныя или невозможныя. Поставленный между многими возможными дѣяніями, человѣкъ увѣренъ внутреннимъ чувствованіемъ, что онъ совершенно свободенъ предпріять или отвергнуть какое либо дѣяніе. Одно привле-

влечетъ его видомъ добра, другое отвращаетъ видомъ зла: онъ хочетъ. Дѣйствіе его есть послѣдованіе воли.

Къ волѣ относится склонность, чувствованіе, желаніе, изволеніе.

Склонности предшествуютъ испытанію удовольствія и скорби. Онѣ кажутся быть побужденіями современными и неразлучными съ бытіемъ нашимъ.

Нѣкоторыя изъ оныхъ суть животныя, какъ напримѣръ желаніе пищи и сна.

Другія разумныя, какъ любовь жизни или сохраненіе самого себя, любовь родителей и дѣтей, общежительность, вожделѣніе добра и превосходства.

Всѣ ощущенія благоволенія сами собою пріятны.

Склонности наши побуждаютъ насъ налагать на содержащіе насъ предметы именованія добра и зла, по тому, какъ мы почитаемъ ихъ, полезными или вредными побужденіямъ оныхъ.

Все то, что́ способствуетъ къ сохраненію жизни нашей, полагаемъ мы добромъ. Все то, что́ угрожаетъ оной разрушеніемъ, называется зломъ.

Въ обществахъ то, что́ служитъ къ утвержденію ихъ и доставленію благосостоянія, почитается добромъ; все то, что́ разоряетъ ихъ и погружаетъ въ бѣдствія — зломъ.

Не менѣе признается благомъ то, что́ увеличиваетъ личное совершенство наше; зломъ, что́

умаляетъ внутреннюю цѣну нашу и унижаетъ насъ ниже достоинства человѣка.

Чувствованія бываютъ пріятны или прискорбны.

Чувствованіе, происходящее отъ достиженія предполагаемаго добра, есть пріятно; отъ потерянія предполагаемаго добра — прискорбно.

Избѣжаніе предполагаемаго зла пріятно; впаденіе — прискорбно.

Удовольствіе въ обоихъ случаяхъ называется радость; прискорбіе — печаль.

Добро, которое мы ожидаемъ, производитъ пріятное чувствованіе и называется: надежда. Добро, которое у насъ похищено быть можетъ, влагаетъ въ насъ прискорбное чувствованіе и есть страхъ.

Всѣ наши чувствованія могутъ быть приведены къ симъ четыремъ отдѣленіямъ: радость, печаль, надежда и страхъ.

Но разныя образованія оныхъ, увеличиваясь, или умаляясь, и заимствуя отъ другихъ пристрастій по свойству предмета, который производитъ ихъ, пріемлютъ различныя именованія.

Такимъ образомъ спокойствіе душевное, одобреніе самого себя, возвышеніе, восторгъ, удивленіе, любовь, доброжелательство, ревность ко благу общества, почтеніе, благодарность и проч. суть чувствованія пріятныя. Напротивъ: скука, зависть, ненависть, гнѣвъ, страхъ, отчаяніе, стыдъ, угрызеніе, уныніе, уничиженіе, суть движенія, наполняющія насъ прискорбіемъ.

Одобреніе самого себя есть слѣдствіе того, что мы дѣйствовали по предписаніямъ разума и чести.

Удивленіе производится предметами или дѣйствіями, которыя превосходятъ ожиданіе наше ощущеніемъ прекраснаго.

Общественная ревность есть доброжелательство обществу, котораго мы члены.

Почтеніе есть чувствованіе одобренія, которымъ мы поставляемъ другихъ выше себя.

Благодарность есть привязанность къ тому, кто намъ добро дѣлалъ.

Дружество есть союзъ чувствованій, который можетъ состоять между двумя добродѣтельными сердцами.

Стыдъ заставляетъ чувствовать преступленіе противъ того, что́ мы добродѣтелью называемъ.

Страхъ есть чувствованіе настоящей или мнимой опасности.

Ужасъ происходитъ отъ незапности и воспаленнаго воображенія. Отчаяніе есть крайность страха.

Гнѣвъ есть движеніе сердца, внушенное гордостью и склоняющееся къ ненависти.

Зависть есть тягостное ощущеніе чужаго достоинства.

Презрѣніе есть чувствованіе неудовольствія, внушаемое намъ недостаткомъ приличности и благородства.

Смѣхъ производится нелѣпостью или невольнымъ соединеніемъ вещей противныхъ.

Сварливые рѣдко бываютъ склонны къ любви и удивленію.

Вещи, съ превосходствомъ которыхъ соединяемъ мы нѣкоторымъ образомъ увеличеніе собственнаго совершенства нашего, производятъ въ насъ желаніе и проч.

—

О НРАВСТВЕННОМЪ ЗАКОНѢ.

Всѣ бытія ощутительныя и цѣлое собраніе ихъ вселенныя показываютъ намъ непреложные слѣды постояннаго порядка и постановленія. Видимыя отдаленія отъ теченія природы проистекаютъ отъ тѣхъ же первыхъ началъ, которыми опредѣляются самыя обыкновенныя явленія оной. Свойство каждаго существа опредѣляетъ его законы. Естественный міръ повинуется симъ законамъ безъ собственнаго своего соучастія. Нравственныя бытія чувствуютъ, когда они сообразуются или противятся законамъ своей природы. Въ естественномъ мірѣ царствуетъ величественное единообразіе. Нравственныя бытія призваны природою своею къ самовольному споспѣшествованію симъ законамъ.

Кромѣ животныхъ побужденій и склонностей, каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ способность спокойнаго познанія и начало страстей. Каждый имѣетъ внутреннее чувствованіе, — справедливаго и несправедливаго.

—

НАЧАЛО НРАВСТВЕННЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Писатель, столько же глубокомысленный, сколько любви достойный, славный Смитъ, прежде нежели издалъ классическое сочиненіе «О народномъ богатствѣ», старался произвести нѣжнѣйшія и многоразличныя чувствованія человѣческаго сердца изъ единаго общаго начала. Сочиненіе его, подъ заглавіемъ «Теоріи нравственныхъ чувствованій», изобилуютъ чертами простыми и величественными, которыя открываютъ тонкаго и вѣрнаго наблюдателя природы. Чтеніе книги его производитъ дѣйствіе, свойственное однимъ превосходнымъ твореніямъ: оно дѣлаетъ лучшимъ и оставляетъ въ душѣ читающаго еще новое побужденіе любить добродѣтель. Отечество Смитово, Шотландія, имѣетъ сіе преимущество въ наши времена, что оно производитъ мужей превосходныхъ въ письменахъ и философіи. Довольно наименовать Гюма, Робертсона, Фергюсона, Рида, Лорда и Кемса, чтобъ доказать истину сего преимущества. Нравственная философія особливо пріобрѣла въ рукахъ ихъ новые успѣхи. Почерпнувъ въ Платонѣ возвышенныя понятія о красотѣ нравственной, прежде всѣхъ Готчесонъ изслѣдовалъ различныя склонности и побужденія души, и утверждалъ въ ней существованіе нѣкотораго нравственнаго чувства (moral sense), которому также свойственно различать добродѣтель, какъ глазу свѣтъ и краски. Недоволенъ симъ однимъ, Готчесонъ полагалъ въ ду-

шѣ еще другія внутреннія чувства, такъ какъ чувство красоты и благоразумія во внѣшнихъ предметахъ, чувство общественнаго блага, которымъ мы соучаствуемъ въ счастіи или бѣдствіи другихъ, чувство стыда и чести, и чувство смѣшного. Готчесоново сочиненіе объемлетъ весь округъ нравоученія; и ежели творецъ его не могъ соединить всѣхъ голосовъ въ пользу свою, то онъ имѣлъ удовольствіе видѣть послѣдователемъ своимъ воспитанника Локкова, славнаго лорда Шафтесбюри. Желая быть защитниками человѣческой природы, они взяли предметомъ своимъ оправдать ее отъ порицанія самолюбія и показать, что не оно одно есть началомъ человѣческихъ дѣйствій. Они раздѣляютъ вообще пристрастія корыстолюбивыя (selfish), касающіяся единственно до нашего частнаго блага, и доброжелательныя (benevolent), которыми переносимся въ состояніе другихъ и присвояемъ себѣ счастіе ближняго. Кажется, что сіе доброжелательство, глубоко впечатлѣнное въ природѣ человѣка, есть одно изъ сильнѣйшихъ расположеній къ добродѣтели. Но и корыстолюбивыя побужденія, покуда остаются въ предѣлахъ своихъ, не имѣютъ ничего порочнаго. Природа вложила въ каждое твореніе чувствованіе и желаніе своего собственнаго благосостоянія; но она подчинила его уваженію общаго блага вселенной. Нельзя справедливо порицать сихъ корыстолюбивыхъ пристрастій, ежели они не побуждаютъ пріобрѣтать частнаго блага поврежденіемъ об-

щаго. Напротивъ того, человѣкъ не былъ бы полезенъ обществу, если бы онъ лишенъ былъ всякаго побужденія предохранять собственное существованіе и благосостояніе семейства. Столь нѣжно переходятъ сіи корыстолюбивыя пристрастія въ великодушныя и доброжелательныя, что и собственное наше счастіе становится средствомъ и орудіемъ для доставленія счастія другому и для способствованія общему благосостоянію человѣческаго рода. Нѣжныя связи природы, любовь къ родителямъ, къ супругѣ, къ дѣтямъ, дѣлаютъ пріятное смѣшеніе пристрастій частныхъ и общественныхъ. Водимы прелестью удовольствія, мы способствуемъ пользѣ и намѣреніямъ цѣлой системы. Самое зло, которое приключается намъ частно, ежели оно обращается во благо цѣлой, нами необъемлемой системы существованія, не заслуживаетъ наименованія зла и не превосходитъ благости Вышняго Существа. Человѣческій разумъ не можетъ обнять взоромъ своимъ великой цѣпи, которою соединяются безконечныя степени существованія, возможныя во вселенной, и съ которыми сія видимая нами составляетъ одно цѣлое. Не вступая въ сіи метафизическія умствованія, Гюмъ, котораго разумъ услаждался сомнѣніемъ, мыслилъ дать простоты нравоученію, отрицая сіе различіе между корыстолюбивыхъ и доброжелательныхъ пристрастій, и распредѣляя хвалу или порицаніе дѣйствій по отношенію, которое они имѣютъ къ производимой ими пользѣ. Добродѣтель, неприносящая

пользы, для него перестаетъ быть добродѣтелью. Его мнѣніе нашло многихъ противниковъ, между которыми Битти и Ридъ занимаютъ главное мѣсто. Смитъ выводитъ изъ сострастія, или симпатіи, всѣ чувствованія, которыя соединяютъ насъ съ обществомъ и человѣчествомъ. Онъ изъясняетъ теорію свою наблюденіями, взятыми изъ ежедневной жизни, и разсматриваетъ поочередно всѣ склонности, упражненія и страсти людей, поколику онѣ имѣютъ вліяніе на счастіе.

—

НРАВСТВЕННОЕ ОДОБРЕНІЕ.

Нравственное одобреніе есть образованіе той склонности, которою мы побуждаемся достигать безпрестанно къ вящшему совершенству. Но какъ различныя мнѣнія и страсти управляютъ разсужденіемъ нашимъ въ избраніи совершенства, то и одобреніе можетъ быть прилагаемо разными людьми къ различнымъ и противуположеннымъ дѣяніямъ. Обыкновенно кумиръ одной стороны бываетъ отвращеніемъ противной. Обѣ повинуются сему побужденію одобрять или охуждать дѣянія; но каждая послѣдуетъ своимъ правиламъ.

Зенонъ, глава Стоиковъ, повелѣвалъ мудрому предать цѣлую жизнь свою исполненію должностей и званія. Эпикуръ полагалъ блаженство въ совершенномъ удаленіи отъ шума дѣлъ граждан-

сихъ, въ спокойствіи и избѣжаніи болѣзни и прискорбія.

Пристрастные люди увлекаются собственною корыстью своею къ одобренію того, чтó имъ выгодно, и къ охужденію противнаго.

Честолюбивые удивляются дарованіямъ, которыя они и въ непріятеляхъ своихъ находятъ.

Собственное наше состояніе приводитъ насъ къ предпочтенію военныхъ или мирныхъ добродѣтелей.

Но ничто не заслуживаетъ столь единодушной похвалы, какъ просвѣщенное благоволеніе ко всему человѣческому роду и твердое прилѣпленіе къ честности.

УДОВОЛЬСТВІЕ И СКОРБЬ.

Между начальными и общими понятіями удовольствіе и скорбь суть два весьма важныя. Всю жизнь нашу препроводимъ мы, сыскивая первое и убѣгая второго.

Природа, тщательная о сохраненіи бытія нашего, употребляетъ сіи два способа для привлеченія насъ къ полезнымъ вещамъ и отвращенія отъ вредныхъ.

Все то, чтó производитъ непріятное ощущеніе въ чувствахъ нашихъ, находится и по изслѣдованіи противнымъ существу нашему.

Одна и та же вещь бываетъ полезна умѣрен-

ностію и вредна излишествомъ. Огонь въ нѣкоторомъ отдаленіи приноситъ удовольствіе; безпосредственное къ нему приближеніе — скорбь и погибель.

Самую боль можно назвать стражемъ жизни нашей. Она увѣдомляетъ душу о предстоящей опасности.

Человѣкъ побуждается непреодолимою склонностью искать удовольствія и убѣгать скорби.

Источники удовольствія различны. Всѣ орудія бытія нашего могутъ поочередно служить оными. Но удовольствія души суть самыя совершенныя.

Причины удовольствія суть по большей части: новость, соразмѣрность частей, красота, величественность, умѣренное упражненіе нашихъ способностей.

Внутреннее чувствованіе увѣряетъ каждаго, сколь непріятно безпрестанное повтореніе тѣхъ же самыхъ предметовъ, несоразмѣрность, безобразіе, подлость, совершенный недостатокъ упражненія.

Такъ какъ есть красота физическая, поражающая чувства наши въ твореніяхъ природы и искусствъ; такъ есть и красота нравственная, ощутительная одному разумѣнію нашему, во нравахъ, въ поступкахъ людей, въ ихъ чувствованіяхъ и словахъ.

Такъ какъ бываетъ ясный день, красивое мѣстоположеніе, прекрасное лице, такъ можетъ быть и прекрасное чувствованіе, привлекающее

обращеніе, благородное дѣяніе. Все сіе относится къ общему понятію красоты.

Внѣшняя красота есть только обѣщаніе прекрасной души. Сіяющій и свободный разумъ заслуживаетъ большее почтеніе. Но оказаніе благотворительной души — добродѣтель, есть верхъ совершенства.

Нирей былъ прекрасенъ: Горацій остроуменъ: Титъ другъ человѣческаго рода.

Его слово: «Друзья мои, я потерялъ день» есть красота чувствованія.

Чѣмъ бы вы желали лучше наслаждаться: благорастворенным ли воздухомъ Греціи, или разговоромъ Сократа?

По свойству удовольствія, предметы, одаренные красотою физическою или нравственною, внушаютъ въ насъ и ощущенія пріятныя, — привязанность, почтеніе, удивленіе, желаніе.

Подобно, послѣдуя свойству скорби, всѣ предметы нестройные, безобразные, подлые, внушаютъ въ насъ ощущенія непріятныя, презрѣніе, отвращеніе, ненависть.

Слѣдовательно не могутъ намъ нравиться недостатки тѣлесныя и худое обращеніе: глупость отвратительна, порокъ внушаетъ ненависть.

Истинный способъ увеличить удовольствія и умалить скорбь состоитъ въ обогащеніи разума и исправленіи сердца.

Къ достиженію сего сугубаго предмета устремляются науки, искусства, письмена.

Особливо сіи послѣднія потому называются

прекрасными, что они изслѣдываютъ и изображаютъ красоту, разліянную во всѣхъ твореніяхъ природы и дѣяніяхъ человѣческихъ.

Ихъ произведенія судятся особливымъ внутреннимъ чувствованіемъ, которое называется вкусомъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе для душъ просвѣщенныхъ и благородныхъ, какъ упражнять способности разума и чувствительность сердца пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній, новыхъ пріятностей въ обществѣ, оказаніемъ услугъ, составленіемъ дружествъ, исполненіемъ должностей гражданина, успѣхами въ искусствахъ.

Ученіе письменъ придаетъ нѣкоторый цвѣтъ пріятности размышленію и общежитію.

Цицеронъ имъ былъ одолженъ сперва своею славою, потомъ утѣшеніемъ, когда Республика приготовлялась къ паденію. «Они воспитываютъ юность,» сказалъ онъ, «подкрѣпляютъ старость, украшаютъ въ счастіи, въ несчастіи утѣшаютъ, съ нами путешествуютъ и послѣдуютъ въ уединеніе.» Чѣмъ выше состояніе, тѣмъ болѣе нужны удовольствія, происходящія отъ письменъ.

—

ЛЮБОВЬ КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Любить самого себя свойственно всякому. Отъ того мы любимъ жизнь свою, выгоды, удовольствія, честь. Болѣе всего отъ того самаго долж-

ны мы любить добродѣтель, ибо она доставляетъ намъ величайшее счастіе: она дѣлаетъ насъ любви достойными въ собственныхъ глазахъ нашихъ. Цѣлый день думалъ я дѣлать удовольствіе другимъ, исполнять должности, трудиться для другихъ; а вмѣсто того я трудился для самаго себя. Я чувствую, что я доволенъ самимъ собою, что я не долженъ ни въ чемъ укорять себя, что я дѣлалъ добро, облегчилъ судьбу страждущаго, пріобрѣлъ новое знаніе, никого не обманулъ, не обидѣлъ, не злился, не упорствовалъ, не завидовалъ: сіе удовольствіе ни съ чѣмъ несравнительно. Я любилъ себя такъ, какъ надобно, и тѣмъ доставилъ себѣ величайшее счастіе. Но самолюбіе не всегда бываетъ такъ удачно въ достиженіи своихъ желаній. Если разумъ не служитъ ему проводникомъ, вмѣсто счастія, оно приводитъ насъ въ несчастіе. Я позабуду другихъ для себя, буду презирать всѣхъ, стану присвоять себѣ награды. безъ чувствительности буду смотрѣть на несчастныхъ, только бы мнѣ хорошо было, не стану знать никакой должности. предамся гнусной нѣгѣ. роскоши, лѣности: все удовольствіе въ душѣ моей исчезнетъ: презрѣніе самаго себя, угрызеніе, чувствованіе вины и замѣшанія всего достаются мнѣ. но понимаю. все мое заблужденіе. Я любилъ себя не такъ. какъ должно. Самолюбіе мое было порочно.

Другіе повѣствуютъ намъ о Киререкѣ. Прогуливаясь въ одинъ прекрасный день въ лѣсу, привелъ онъ нечаянно въ прекрасную величи-

ку. Наклонясь къ нему для утоленія жажды, увидѣлъ онъ въ спокойныхъ струяхъ изображеніе лица своего. Столько поразила его красота сего образа, что онъ не въ состояніи былъ отойти отъ сего источника. Домъ, друзья, семейство, все позабыто. Не вкушая пищи, наклоненъ надъ водами, провелъ онъ нѣсколько дней только въ томъ, что разсматривалъ черты свои. Наконецъ силы его оставили, смертная блѣдность покрыла лице его. Нечувствительно онъ исчезъ; но на мѣстѣ его явился цвѣтокъ, который сохранилъ его имя и теперь еще: такъ же, какъ онъ, смотрится въ воды.

—

ЛЮБОВЬ УДОВОЛЬСТВІЯ.

Не одни труды и несчастія искушаютъ постоянство мудраго человѣка; иногда самое благополучіе, ослабляя душу его, препятствуетъ ей возвыситься къ добродѣтели. Любовь удовольствія, склонность естественная, но вредная, ежели не обуздана разумомъ; виновное предпочтеніе спокойствія и нѣги; наконецъ роскошь, сія непріятельница добродѣтели, уничтожаютъ иногда счастливѣйшія надежды и низводятъ душу чувствительную и благородную со степени достоинства и славы, къ которой она была назначена.

Херей былъ знатный гражданинъ аѳинскій. Рожденный въ блестящее время отечества сво-

его, когда философія срѣталась часто въ одной особѣ съ дарованіями полководца и градоправителя, получивъ отъ природы счастливыя способности, но не побуждаемый нуждою привести ихъ въ совершенство, онъ погубилъ ихъ въ праздности и не оставилъ по себѣ имени. Бѣгая безпрестанно за увеселеніями, онъ не успѣлъ возвысить разума своего выше младенчества и пріуготовить его къ важнымъ должностямъ человѣка и гражданина. Онъ боялся утомить юность свою ученіемъ письменъ. Какимъ бы образомъ приступилъ онъ къ управленію республики и къ убѣжденію цѣлаго народа, когда онъ не могъ заниматься ничѣмъ, кромѣ забавнаго, когда не былъ въ состояніи сносить труда ни на одно мгновеніе, и когда малѣйшее размышленіе утруждало вниманіе его? Тѣлесныя упражненія гимнастики ужасали его слабость. Никогда не могъ онъ принудить себя идти далѣе первыхъ предложеній геометріи. Одинъ разъ вошелъ онъ въ училище Георгія. Но правила краснорѣчія показались ему сухи и трудъ сочиненія невозможнымъ. Откровенія Анаксагора, бесѣды Сократа не поражали его удивленіемъ; но безполезныя сказки услаждали слухъ его. Одушевленный пылкою храбростью, пошелъ онъ на войну противъ Мегарійцевъ; но тягость оружія, трудъ похода и лишеніе сна столько изнурили силы его, что надобно было отвести его домой, не доходя до непріятеля. Неспособный быть судіею, онъ лучше согласился потерять собственную тяжбу свою, нежели

ли подвергнуться скукѣ узнать обстоятельства дѣла. Прохлады, зрѣлища, пиршества были единымъ его упражненіемъ, они столько же отяготили разумъ его, сколько утучнили тѣло. Непреодолимая скука встрѣчалась ему посреди забавъ его, и роскошь, которая оставила его, усилила въ немъ только чувствованіе скорби. Онъ кончилъ тяжелый сонъ жизни, и отечество не примѣтило, что оно потеряло гражданина. Несчастливъ, кто хочетъ забавляться безпрестанно!

—

НАСИЛЬСТВЕННЫЯ СТРАСТИ.

Ежели человѣкъ, ослабленный нѣгою, не въ состояніи возвыситься ни къ какому подвигу добродѣтели, не имѣетъ никакой силы въ душѣ своей и дѣятельности въ разумѣ: то другой, получивъ отъ природы опасный даръ сильныхъ страстей, можетъ быть творцемъ несчастія себѣ и другимъ, ежели не приложитъ старанія заблаговременно умѣрить неистовство страстей своихъ и пріучить ихъ къ спасительному игу разума.

Обратимся на минуту къ прекраснымъ баснямъ Грековъ. Кто сей молодой князь, котораго лице, отъ природы бодрое и величественное, омрачено печальною тѣнью ярости, мести и озлобленной гордости? Не сотворенный къ позорной праздности, между тѣмъ какъ поприще славы отверзто и соотечественники его устремляются могу-

бить Трою, онъ одинъ, откинувъ военные доспѣхи, скучаетъ на берегу морскомъ и питается надеждою отмстить своему собственному отечеству. Это Ахиллесъ, котораго безразсудное поведеніе должно служить зерцаломъ юности, нетерпѣливой и пылкой. Вредный гнѣвъ его навлекъ Ахеямъ безчисленныя бѣдствія и повергъ въ преисподнюю многія души героевъ (*).

Несчастно то сердце, котораго движенія не были никогда укрощены нѣжнымъ уваженіемъ къ человѣчеству, и которое предпочитаетъ исполненіе прихотей своихъ спокойствію и счастію другихъ. Властолюбіе вооружаетъ Юлія Кесаря. Онъ желаетъ быть лучше первымъ въ хижинѣ, нежели вторымъ въ Римѣ; и тысячи согражданъ его умираютъ для того, чтобы Антоній увѣнчалъ его.

Истинный герой есть тотъ, кто жертвуетъ драгоцѣннѣйшими желаніями своими общему благу. Таковъ Сократъ, проповѣдующій истину и добродѣтель; таковы Антонинъ и Маркъ-Аврелій, посвящающіе всѣ мгновенія свои благополучію человѣческаго рода.

Желанія, которыя не основаны на справедливости и благоволеніи, не производятъ прочнаго счастія. Честолюбивый никогда не достигаетъ сіяющей мечты, за которою гоняется. Утомляемый безпрестанно возраждающимися желаніями и лишенный собственнаго одобренія, которое

(*) Смотри первые стихи Иліады.

доставляется только добродѣтелью, онъ видитъ ничтожность исканій своихъ.

Et monté sur le faite, il aspire à descendre.

Свойство сильныхъ страстей-есть то, что онѣ похищаютъ вдругъ все владычество у разума. Кровь, легко воспламеняемая, увлекаетъ порывами воображеніе, и всѣ внѣшніе предметы представляются въ ложномъ свѣтѣ страсти. Войско не можетъ быть увѣрено въ безопасности своей, ежели предводитель его не сохраняетъ хладнаго разсужденія въ самомъ огнѣ дѣйствія. Самая храбрость не состоитъ въ слѣпой запальчивости, которая подвергаетъ опасности жизнь нашу безъ нужды, но въ силѣ души, которая приводитъ насъ въ состояніе разсматривать опасность безъ смятенія и употреблять всѣ способы къ преодолѣнію оной.

Есть умы непреклонные, которые самымъ несчастіемъ ожесточаются. Упрямство ихъ раздражается невозможностью. Такимъ образомъ Карлъ XII съ горстью людей подвергается осадѣ Турокъ, и воюетъ съ тѣми, которые дали ему убѣжище въ землѣ своей.

—

ВЛАДЫЧЕСТВО НАДЪ САМИМЪ СОБОЮ.

Ничто не внушаетъ столь справедливаго, столь глубокаго почтенія къ человѣку, какъ великодушіе, твердость въ счастіи и несчастіи, наконецъ

владычество надъ самимъ собою. Самая благородная независимость состоитъ въ независимости отъ внѣшнихъ случаевъ и отъ внутреннихъ колебаній и страстей (*). Человѣкъ истиннаго достоинства и твердости, человѣкъ мудрый и праведный, который воспитанъ въ трудномъ училищѣ владычества надъ собою, въ шумѣ и дѣлахъ гражданскихъ, подверженный насилію и несправедливостямъ непріятелей, трудамъ и опасностямъ военнымъ, строго властвуетъ надъ собственными своими чувствованіями во всѣхъ случаяхъ; въ уединеніи и въ обществѣ не измѣняется; въ успѣхѣ или неудачѣ, въ счастіи или несчастіи, передъ друзьями или непріятелями, являетъ опыты мужества своего, не забывая ни на одну минуту суда, который безпристрастный зритель произнесетъ о чувствованіяхъ его и поведеніи; ни на одну минуту не терпитъ, чтобъ внутренній человѣкъ, сей полубогъ въ груди его, укрывался отъ его вниманія. Очами сего величественнаго обитателя, сего полубога, привыкъ онъ взирать на все то, что до него касается. Сіе обыкновеніе сдѣлалось неразлучнымъ съ существомъ его. Безпрестанно упражняется онъ въ сообразованіи не только внѣшнихъ своихъ поступковъ, но и самыхъ внутреннихъ чувствованій съ повелѣніями сего прозорливаго судіи; не только показываетъ чувствованія безпристраст-

(*) См. Ад. Смита Теорію нравственныхъ чувствованій, стр. 360.

наго зрителя, но и присвояетъ ихъ себѣ дѣйствительно, едва ли когда нибудь удаляясь въ самой сердечной сокровенности отъ законовъ, данныхъ нашей совѣсти.

Симъ путемъ достигаетъ человѣкъ возвышеннѣйшаго достоинства, которое существуетъ въ природѣ его, — достоинства добродѣтельнаго человѣка. Счастливъ тотъ, котораго сердце, при именованіи семъ, воспламеняется благороднымъ соревнованіемъ.

—

ВЛАДЫЧЕСТВО НРАВОУЧЕНІЯ.

Прочія науки требуютъ множества внѣшнихъ знаній и опытовъ, и безпрестанно удаляютъ насъ отъ самихъ себя; нравоученіе, напротивъ того, занимаетъ насъ единственно нашимъ собственнымъ благополучіемъ. Всѣ опыты его происходятъ въ сердцѣ нашемъ: оно легче чувствуется, нежели можетъ быть изъяснено разуму словами. Величайшіе умы находили въ размышленіи объономъ пользу и удовольствіе; многіе способы изобрѣтены для преподаванія онаго. Исторія обогащаетъ насъ примѣрами изъ прошедшихъ вѣковъ. Вымыслъ одѣваетъ истины нравоученія украшеніями басни. Онѣ переходятъ на театръ и учатъ насъ добродѣтели, представляя ее торжествующею надъ несчастіемъ, или показывая порокъ въ гнусномъ его видѣ. Воспитаніе, ко-

торое даютъ намъ въ младенчествѣ, внушаетъ намъ безпрестанно пріятную необходимость быть добрымъ, сострадательнымъ къ несчастію, правосуднымъ, умѣреннымъ. Противныя качества называются порокомъ. Они приводятъ насъ къ несчастію ложнымъ обѣщаніемъ благополучія. Мы только отъ того порочны, что мы незнающи. Такъ, какъ блуждающіе огни, которые заводятъ ночью путешественника на край глубокихъ пропастей, пороки, прельщая незнаніе наше своевольнымъ исполненіемъ нашихъ прихотей, повергаютъ насъ въ отчаяніе и предаютъ презрѣнію всего свѣта. Неумѣренный думаетъ найти удовольствіе въ пиршествахъ, въ роскоши, въ пьянствѣ; а находитъ немощь, бѣдность, поруганіе, смерть. Честолюбивый хочетъ свободныхъ людей сдѣлать рабами: онъ становится ужасомъ свѣта. Лукавый хочетъ лестью, лицемѣрствомъ, обманомъ овладѣть умами людей, и дѣлаетъ зло подъ личиною добродѣтели: онъ не можетъ обмануть себя, и между тѣмъ какъ всѣ почитаютъ его добродѣтельнымъ, собственное сердце, неумолимое, называетъ его злодѣемъ. Нѣтъ, онъ не можетъ быть счастливъ, и часто желаетъ всему свѣту исповѣдать вину свою. Тотъ, напротивъ, который никому зла не желаетъ, никого не обманываетъ, никого не обижаетъ, почитаетъ въ другихъ самого себя, стыдится сдѣлать что̀ нибудь неблагопристойное, исполняетъ безпрестанно свои обязанности, слушается приказаній совѣсти своей и наслаждается чистымъ

ойствіемъ души. Пускай неправосудные от-
мотъ у него богатства; пусть отечество его
благодарно будетъ; здоровье подвержено стра-
ніямъ; въ заточеніи, въ темницѣ, подъ мечемъ
учителя, — онъ еще счастливъ, ежели совѣсть
го не обвиняетъ злымъ дѣломъ; между тѣмъ какъ
порочный мучится на роскошной постелѣ и подъ
великолѣпнымъ балдахиномъ. Изображать боже-
ственныя красоты добродѣтели и безобразіе по-
рока, есть предметъ нравоученія. Оно разсма-
триваетъ человѣка въ первой его дикости, въ
обществѣ, въ повиновеніи законамъ и правленію.
Оно старается привести разныя его склонности
къ одному источнику и предписываетъ должно-
сти, которыми онъ обязанъ Богу, самому себѣ,
ближнему, семейству, всему человѣческому роду.
Нравоученіе имѣетъ великое вліяніе на науку
правленія и знаніе законовъ. Между тѣмъ какъ
физика истолковываетъ намъ то, что внѣ насъ
происходитъ, нравоученіе открываетъ то, что
бываетъ въ самомъ существѣ.

—

ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВѢКА.

Животныя не имѣютъ никакого другого пр
мета въ жизни своей, какъ удовольствованіе
лесныхъ желаній. Человѣкъ живетъ для о
ства, для потомства. Слава пріобрѣтается д
дѣтелью, подвигами, трудами. Самая жизнь,

[illegible] своей [illegible], что делать, безъ опасенія, съ [illegible] радостію для чести подвергалися [illegible] опасности. Съ негодованіемъ и презрѣніемъ взираютъ на человѣка, который думалъ только о спасеніи собственной своей жизни, когда отечество требовало защищенія. Безчестное имя труса унижаетъ гражданина, который имѣлъ несчастіе заслужить его. Съ подобнымъ презрѣніемъ взираютъ на человѣка лѣниваго, роскошнаго, который убѣгаетъ всякаго труда, который не знаетъ другаго благополучія, кромѣ угожденія тѣлу своему, насыщенія, сна и праздности. Нѣга ослабляетъ тѣло его и разумъ; малѣйшій вѣтеръ пронзаетъ его. Онъ несчастливъ, ежели множество любимыхъ блюдъ не покрываютъ стола его, ежели онъ не покоится на мягчайшемъ пухѣ. Сердце его не можетъ вмѣщать благороднаго чувствованія. Разумъ его не въ состояніи думать. Онъ боится всякаго труда. Младость его проведена безъ ученія. Онъ ничего не знаетъ, ни къ чему не способенъ и сохранилъ только внѣшность человѣка. Собраніе такихъ роскошныхъ не можетъ составить процвѣтающаго общества: ибо роскошь есть язва государствъ. Ею безславенъ былъ въ древней Италіи городъ Сибарисъ, лежащій въ счастливѣйшемъ климатѣ и прелестномъ мѣстоположеніи. Имя Сибарита осталось и донынѣ нарицаніемъ роскошнаго. Совсѣмъ противные нравы царствовали въ славныя времена Греціи и Рима, и оттого они имѣли такое множество

великихъ людей, которыхъ имена изъ вѣка въ вѣкъ переходятъ на прославленіе и подражаніе всему человѣческому роду. Чѣмъ пріобрѣли они себѣ славу сію? Яснымъ познаніемъ и постояннымъ исполненіемъ добродѣтели, подъятіемъ величайшихъ трудовъ, посвященіемъ самихъ себя отечеству, пренебреженіемъ нѣги, роскоши, слабостей. Повелѣвая собою, своими страстями и прихотьми, сдѣлались они способны повелѣвать другими. Вотъ въ чемъ прямое достоинство человѣка!

—

БЛАЖЕНСТВО.

Блаженъ, кто могъ вещей изслѣдовать причины,
И страхи всѣ и гнѣвъ несытыя судьбины
И Ахерона шумъ подвергъ ногамъ своимъ.
Виргилій.

Верховное благо, за которымъ мы гоняемся столь далеко, можетъ быть ближе къ намъ, нежели думаемъ. Оно въ нѣдрахъ природы. Чего ради было вселить въ сердце каждаго человѣка безпрестанное желаніе блаженства, ежели бы надлежало искать его далеко отъ насъ самихъ, и ежели бы оно заключалось только въ такихъ выгодахъ, которыя судьба не многимъ даруетъ? Благополучіе есть произрастеніе каждой страны и каждаго климата. Нигдѣ все совсѣмъ, но вездѣ присутственное, оно является подъ тысячью различныхъ видовъ, соединяется съ каждымъ со-

спокойствіе и существуетъ само собою. Оно не состоитъ ни въ веселіи, ни въ пышности, ни въ сіяніи. Веселие есть существо убѣгающее, котораго не можно остановить; богатство ничего не оставляетъ сердцу; самая слава—кумиръ великихъ душъ, слава имѣетъ свои несчастія, дарованіе — свои мученія. Благополучіе есть чувствованіе сердца, которое жило всегда въ послушной природѣ и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотою ея. Простота, незлобіе, пріятное теченіе жизни, безпрепятственное наслажденіе естественныхъ благъ, мало нуждъ, мало страстей, но тѣмъ болѣе чувствованій нѣжныхъ и тихихъ, священные союзы родства, дружбы и человѣчества: столько труда, чтобъ заставить дѣлать благодѣйствія: таковы вообще понятія, которыя пробуждаются во мнѣ при словѣ благополучіе. Но если бы мнѣ надобно было представить очевидное изображеніе благополучнаго человѣка, я сказалъ бы: блаженъ обитатель спокойной сѣни, на уединенномъ лугу, близъ источника тихой и прозрачной рѣчки, подъ деревомъ, имъ самимъ насажденнымъ, и котораго благотворный листъ защищаетъ его отъ свирѣпости вѣтра. Уединеніе и бѣдность ограждаютъ его отъ нападенія нечестивыхъ. Путь жизни его есть тайная тропинка, которую любитъ находить пріятная задумчивость чувствительнаго человѣка. Никогда не сіялъ онъ на сѣдалищѣ чести и власти, и прахъ военный не покрывалъ легкой одежды его; но часто отиралъ онъ слезы праведни-

ка, утѣсняемаго жестокосердымъ губителемъ, и возвращалъ добродѣтель и раскаяніе въ сердца грѣшныхъ. День и ночь поучается онъ въ великой книгѣ природы, и душа его возвышается неизмѣримостью твореній Господнихъ. Съ благодарностью вкушаетъ онъ благодѣяніе жизни, и воображаетъ безъ трепета, что онъ долженъ нѣкогда сокрыться отъ лица земли. Онъ имѣетъ сладостное увѣреніе, что душа его не погибнетъ, и надѣется воскреснуть въ странахъ несравненно прекраснѣйшихъ. Сіи величественныя размышленія дѣлаютъ нравъ его важнымъ, но не угрюмымъ. Онъ не отметаетъ отъ себя нѣжнаго человѣчества, и никогда строгій судъ не исходитъ изъ устъ его. Человѣкъ слабый любитъ слушать совѣты его затѣмъ, что они пользуютъ, не оскорбляя, и бремя угрызеній совѣсти отпадаетъ по его утѣшительному гласу. Желая изобразить счастливаго человѣка, не знаю, изберу ли черты самыя сильныя и выразительныя; но я доставлю себѣ пріятное мгновеніе мечтать о благополучіи.

ПОЛЬЗЫ И ЗАТРУДНЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО ЗНАНІЯ.

Познаніе отечества своего необходимо нужно государственному человѣку. Во всемъ округѣ свѣта оно необходимо: а особливо въ такой землѣ, какова Россія, которая, безмѣрнымъ пространствомъ предѣловъ своихъ, различностію климатовъ, нравовъ и обитателей, дѣлаетъ самое описаніе свое отмѣнно труднымъ. Настоящіе способы къ пріобрѣтенію сего познанія суть: дѣйствительное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, разсматриваніе природы и общежитія въ городахъ и селахъ. Достовѣрныя извѣстія любопытныхъ и внимательныхъ путешественниковъ могутъ быть полагаемы основаніемъ. Въ разсужденіи описанія природы мы не имѣемъ въ нихъ недостатка. Нѣкоторые уже въ разныя времена посвящались изысканіи древностей и нравовъ. Таковы были Миллеръ и Фишеръ. Сибирь, новая земля въ разсужденіи Россіи, преимущественно привлекла вниманіе ихъ. Славные современники наши, Палласъ, Лепехинъ, Георги, оставили достопамятные знаки любопытства своего въ отдаленныхъ земляхъ, которыя они обозрѣли. Но мы еще ожидаемъ руки, которая умѣла бы пользоваться сими извѣстіями и совершить полное изображеніе государственнаго состоянія Россіи. Ака-

демія Наукъ приступала къ сему общеполезному предпріятію и выдала начертаніе, объемлющее всѣ возможные предметы: землеописаніе, исторію природы и перемѣнъ гражданскихъ, правленіе, хозяйство, промышленость, торговлю. Другія упражненія отвратили сіе ученое общество отъ совершенія сего предпріятія. Таковыя изображенія не могутъ быть постоянно вѣрны, потому что государство не остается всегда въ одинаковомъ положеніи. Нынѣшнее населеніе Россіи превышаетъ невѣроятнымъ образомъ то, которое означено первою ревизіею при Государѣ Петрѣ Великомъ. Но сличеніе таковыхъ изображеній, отъ времени до времени издаваемыхъ, подало бы намъ любопытныя свѣдѣнія о причинахъ, умножающихъ государственное благосостояніе, и было бы училищемъ для тѣхъ, которые посвящаютъ себя различнымъ должностямъ правленія. Разсматривая вблизости особенныя части, изъ которыхъ сложена огромная махина государства, удобнѣе научаемся движенію ихъ — ученіе, весьма полезное для тѣхъ, которыхъ званіе опредѣляетъ къ управленію оной. Правитель, министръ, всякой, кому будетъ нѣкогда ввѣрено важное отдѣленіе государственной власти, долженъ почитать обязанностью своею узнать точнѣйшимъ образомъ свойство правленія, законы, пользы, способы, выгоды и неудобности земли своей. Государь Петръ Первый, будучи въ Парижской Академіи Наукъ, своею рукою поправилъ погрѣшности, которыя при первомъ взглядѣ примѣтилъ

на картѣ Каспійскаго Моря (*). Сіе подробное знаніе земли своей способствовало Ему къ воспріятію дальновидныхъ и общеполезныхъ намѣреній. Такимъ образомъ соединилъ Онъ Волгу съ Невою и даровалъ Петербургу неоцѣненную выгоду воднаго сообщенія, и предначерталъ соединеніе Волги съ Дономъ. Какимъ образомъ защищать государство отъ нападеній непріятеля, когда не знаешь мѣстоположенія, границъ своихъ, путей проникнуть въ непріятельскую землю, важныхъ проходовъ, которые, удержаны будучи, прикрываютъ цѣлыя общества? Несчетны различныя примѣненія землеописанія; но еще важнѣе знаніе народной силы, богатства, потребностей, обычаевъ, просвѣщенія. Не въ однихъ городахъ долженствуетъ остановиться вниманіе наблюдателя, хотя и города заслуживаютъ оное зрѣлищемъ искусствъ, дѣятельностью общества и правленія. Но иногда роскошь и ослѣпляющій блескъ городовъ означаютъ бѣдность полей: торговля и рукодѣлія могутъ быть противны выгодамъ земледѣльства. И сія первая нужда человѣческаго рода, занимающая руки большей части народа, должна удостоиться особеннаго поощренія и покровительства. Таковыя наблюденія частныхъ дѣлъ служатъ иногда основаніемъ важныхъ правилъ въ государственномъ хозяйствѣ. Такимъ

(*) Сія карта хранится въ Парижской Королевской Библіотекѣ. Французы съ удовольствіемъ показывали ее русскимъ офицерамъ.

образомъ славный политическій писатель Смитъ умѣетъ подтверждать настоящими дѣлами теорію, вмѣстѣ простую и глубокомысленную. Онъ слѣдуетъ повсюду за трудолюбіемъ народнымъ, и доказываетъ очевидно, какимъ образомъ, извлекая изъ нѣдра земли первыя начала богатства, придаетъ оно имъ новую цѣну отдѣлкою, и посредствомъ выдуманныхъ знаковъ (денегъ), представляющихъ оныя, устремляетъ обращеніе ихъ во всѣхъ протокахъ общества, возбуждаетъ прилежность, и, съ умноженіемъ населенія, умножаетъ сокровища и силы народныя, дѣлаетъ удобнѣе для каждаго существованіе его, необходимое и пріятное. Самое просвѣщеніе принадлежитъ къ сему послѣднему состоянію. Люди, озабоченные скуднымъ доставленіемъ себѣ ежедневнаго пропитанія, не чувствуютъ охоты теряться въ ощущеніяхъ нѣжныхъ и возвышенныхъ, которыя требуются для упражненія въ прекрасныхъ искусствахъ, или углубляться въ отвлеченныхъ размышленіяхъ, которыя предполагаются въ точныхъ наукахъ и испытаніи естества. Въ составѣ государства такъ, какъ въ необъятномъ округѣ природы, невидимая нить соединяетъ отдаленнѣйшія части онаго и изъ различныхъ состояній и упражненій составляетъ одно цѣлое. Такимъ образомъ ученый служитъ земледѣльцу и земледѣлецъ ученому: богатый выдаетъ капиталъ свой, бѣдный продаетъ свою работу; каждый думаетъ, что онъ трудится для себя; но все общество наслаждается трудами ихъ. Надобно

покровительствовать всѣмъ похвальнымъ упражненіямъ по мѣрѣ пользы, которую приносятъ они обществу. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ жертвовать одному состоянію уничиженіемъ всѣхъ другихъ. Кольбертъ, благопріятствуя излишне системѣ купечества и рукодѣлій, отнялъ полезныя руки у земледѣлія. Цѣлый народъ ученыхъ или предводителей не можетъ существовать нигдѣ, кромѣ въ воображеніи. Ежели мудрость дана человѣку, такъ она должна представляться видимымъ образомъ въ наукѣ правленія. Вотъ для чего Маркъ-Аврелій долженъ быть предпочтенъ Сократу. Быть одушевлену любовью къ человѣчеству, посвятить пользѣ его и сохраненію употребленіе власти, соединить глубокое знаніе людей и своего государства съ ненарушимою благотворительностью, жертвовать жизнію и спокойствіемъ для общаго блага, — таково, кажется, было обѣщаніе, которое положилъ въ сердцѣ своемъ сей вѣнчанный стоикъ, достойный удивленія во всякомъ другомъ состояніи, но только на престолѣ истинно великій. При немъ Римъ не сожалѣлъ о потерѣ вольности: подъ властью императора онъ наслаждался ею въ совершенной тишинѣ и безопасности. Рабы Тиверіевы не могли найти доступа къ Марку-Аврелію: ему не было нужды въ подлости. Но чтобъ сдѣлать постояннымъ и продолжительнымъ счастіе народовъ, почтеніе законовъ должно быть начертано въ глубинѣ сердецъ. Воспитаніе заблаговременно должно образовать нѣжныя нравы юношества.

Никакое сіяніе государства не въ силахъ вознаградить потерю нравовъ. Развращеніе ихъ и разрушеніе государствъ малѣйшимъ разстояніемъ отдалены другъ отъ друга. Всѣ сіи предметы принадлежатъ къ наукѣ правительства. Нравоученіе служитъ основаніемъ его; Исторія освѣщаетъ ее, показывая по всему земному шару происшедшія перемѣны и вліяніе пороковъ и добродѣтелей. Знаніе Законовъ, существенно занимающее одно состояніе въ государствѣ и необходимое всѣмъ другимъ, не можетъ быть разлучено съ градоправительствомъ. Наука о государственныхъ доходахъ, наука торговли, рукодѣлій, внутренняго управленія и благочинія, знаніе внѣшнихъ отношеній къ другимъ государствамъ, искусство защищенія внѣшней безопасности и употребленія военныхъ силъ — принадлежатъ къ наукѣ государственнаго человѣка. Древніе прилѣплялись въ ней болѣе къ общимъ правиламъ, ученью и образованію нравовъ, на которомъ образовали они благосостояніе общества. Многіе изъ нихъ начертали, какъ Платонъ, по изволенію, вымышленный образъ самаго лучшаго правленія. Ликургъ болѣе сдѣлалъ: онъ превратилъ граждань своихъ въ другой народъ, въ умствованіи созданный. Нынѣшнія государства суть тѣла, несравненно сложнѣйшія передъ древними. Искусства, торговля, союзы, арміи, предписываютъ имъ совсѣмъ другое шествіе. Но обстоятельное знаніе всѣхъ сихъ предметовъ составляетъ государственное знаніе.

ОКРУГЪ ЗАКОНОУЧЕНІЯ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ не однимъ распространеніемъ государства заслужилъ благодарность потомства, но и прозорливымъ попеченіемъ поставить суды и расправы на незыблемомъ основаніи законовъ. Посреди военныхъ трудовъ и предпріятій, къ завоеванію Казани служившихъ, въ 1550 году собралъ онъ прежде него бывшіе законы, исправилъ ихъ и придалъ имъ силу утвержденія своего. Не неизвѣстны были ему основанія законоученія, присвоенныя Европою. Въ Судебникъ свой заимствовалъ онъ нѣкоторые иностранные обряды Среднихъ вѣковъ и присоединилъ къ нему выписку изъ законовъ Юстиніановыхъ. Сей императоръ пріобрѣлъ безсмертіе имени своему, воздвигнувъ систематическое зданіе законовъ. Поручивъ людямъ глубокаго ученія и признанной мудрости разобраніе безчисленнаго множества законовъ, приговоровъ народа и сената, императорскихъ отписокъ и рѣшеній законоучителей, онъ преобратилъ знаніе законовъ въ порядочную науку и призвалъ ее къ источнику ея — къ философіи, той философіи, какую сохраняли еще во времена изнемогающей Имперіи. Къ собраніямъ законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пандектъ, Дигеста и Новеллъ, присоединилъ онъ особливую учебную книгу—Наставленія Права, въ которой представилъ онъ общій чертежъ всего законоученія. На четыре главныя отдѣленія разлагаетъ онъ цѣлый порядокъ законовъ,

разсматривая: I-е Права лицъ, II-е Права вещей, III-е Судебныя сдѣлки, обязательства, IV-е Преступленія общія и частныя.

Въ первомъ отдѣленіи разсматривается: гражданинъ во всѣхъ его отношеніяхъ къ обществу, права его и должности, содѣйствіе его къ произведенію общаго блага, различія состояній, различныя упражненія и преимущества, покровительство, котораго они отъ законовъ требуютъ. Устройство, благочиніе, учрежденіе судовъ и градоначальниковъ, образъ судопроизводства и проч. Во второмъ отдѣленіи изъясняются права, которыя человѣкъ въ обществѣ имѣетъ надъ вещами. Право собственности не происходитъ безпосредственно отъ предписаній естественнаго закона; но слѣдствія гражданской жизни, согласіе всѣхъ народовъ и выгоды общества утверждаютъ право сіе повсюду. Всякое владѣніе основывается окончательно на правѣ перваго заемлющаго. Трудъ, употребленный къ воздѣланію никѣмъ не занятой земли, есть первая цѣна, заплаченная владѣтелемъ оной.

По общему теченію вещей, отецъ оставляетъ при смерти имѣніе свое сыну. Съ умноженіемъ дѣлъ общественныхъ вышли многія обстоятельства и особливыя правила въ порядкѣ наслѣдства. Земскія права народовъ имѣютъ въ семъ случаѣ многія разности. Индѣ недвижимое имѣніе приходитъ нераздѣльно старшему сыну; въ другихъ земляхъ, такъ какъ и въ Россіи, всѣ сыновья дѣлятъ по равнымъ частямъ отцовское имѣніе, а

сестры наслѣдуютъ одну 14-ю долю его. Располагается также имѣніе завѣщаніемъ умирающаго при недостаткѣ наслѣдниковъ, или за исключеніемъ оныхъ. Обстоятельствамъ предписаны особыя законныя формы. Что касается до дѣйствій, то законы, оставляя ихъ на волю каждаго, воспящаютъ всею силою своею только тѣ, которыя могутъ быть врѐдны гражданину или цѣлому обществу.

—

ПРАВО ЛИЦЪ.

Склонности, вліянныя природою въ сердце человѣка: желаніе блага, любовь жизни, сообщества, дарованіе мысли и слова, свободное хотѣніе, суть неотъемлемыя права человѣческаго рода. Установленіе гражданскихъ обществъ, умѣривъ дикую вольность естественнаго человѣка, прибавило подтвержденіе свое къ симъ первымъ правамъ онаго. Оно имѣло предметомъ своимъ обезпечить для каждаго гражданина личную его безопасность, свободу и собственность. Законы, которые ихъ охраняютъ, поручены градоначальникамъ для исполненія. Новыя происходятъ правила и сношенія власти и покровительства съ одной стороны, съ другой подчиненности и послушанія. Верховная власть въ Россіи состоитъ въ особѣ Государя; но законы, посредственныя власти, судебныя мѣста, производящія въ дѣй-

ствіе предписанія законовъ, отъ самаго начала монархіи сохраняющіяся, наслѣдственное дворянство, служащее посредствомъ между государя и народа, обычаи и нравы — отдаляютъ порицаніе деспотизма. Бояра и собраніе государственныхъ чиновъ имѣли вліяніе въ важнѣйшихъ перемѣнахъ: Уложеніе было сочинено собраніемъ бояръ и выборныхъ земскихъ людей. Сенатъ есть хранилище законовъ, которое должно возвращать силу законамъ, приходящимъ въ забвеніе. Жизнь и собственность всякаго Россіянина сохраняются подъ сѣнію законовъ. Дворянинъ имѣетъ свободу пребыванія въ отечествѣ или отъѣзда, службы или покоя, неприкосновененъ никакому оскорбленію, доколѣ сообразуется чести, основанію дворянскаго достоинства. Государь, дарующій оное заслугамъ, отъемлетъ оное отъ того, кто обезчестилъ себя преступленіемъ. Купецъ участвуетъ въ большей части преимуществъ дворянина. Мѣщанину даны средства къ пріобрѣтенію честнаго избытка промыслами. Оба состоянія судятся судьями, изъ нихъ самихъ выбранными. Самые земледѣльцы, полезнѣйшее и многолюднѣйшее, но менѣе просвѣщенное состояніе, имѣетъ засѣдателей своихъ въ Земскихъ Судахъ. Помѣщичьи, въ разсужденіи собственности, въ полной зависимости помѣщиковъ. Но законы повелѣваютъ правителямъ отнимать власть у жестокосердыхъ и защищать человѣчество. Однодворцы имѣютъ владѣніе земли, дворцовые зависятъ отъ Дворцовой Канцеляріи, такъ, какъ

экономическіе или прежде бывшіе монастырскіе— отъ директоровъ экономіи.

Никакой гражданинъ не можетъ быть лишенъ свободы безъ суда. Ужасное обыкновеніе — извлекать изъ виновныхъ признаніе преступленій пыткою — отрѣшено въ Россіи, и самая смертная казнь умягчается перемѣною въ ссылку.

ПРАВО ВЕЩЕЙ.

Права лицъ заключаютъ въ себѣ сохраненіе жизни и здравія гражданина, чести его, состоянія, особливыя преимущества, которыми законы отличаютъ одно сословіе гражданъ передъ другимъ. Права вещей касаются собственности. Хотя они и не происходятъ безпосредственно изъ естественнаго права, но они служатъ основаніемъ всѣхъ обществъ, и обязанности ихъ укрѣпляются тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе какое общество успѣваетъ въ просвѣщеніи. Пастырскіе и странствующіе народы могутъ имѣть общее стяжаніе, не принадлежащее никому въ особенности, но цѣлому народу, необъятныя степи, и тогда уже составляющія причину вражды и браней съ сосѣдственными народами. Добыча, пріобрѣтенная войною, сносится въ средину и служитъ общею казною, или раздѣляется по жребію. Но земледѣліе, которое требуетъ постоянныхъ трудовъ цѣлаго года, присвояетъ землю тому, кто пер-

вый оросилъ ее пòтомъ чела своего. Право перваго занимающаго есть право, безмолвнымъ признаніемъ людей посвященное. Земледѣлецъ присоединяетъ нѣкоторую часть самого себя къ землѣ, которую удобряетъ. Онъ полагаетъ трудъ свой и собираетъ пищу. Сынъ его, съ нимъ трудившійся и ближайшій къ нему любовью и природою, послѣдуетъ правамъ его, потому что никто другой не имѣетъ причины оспоривать. Обыкновеніе сіе обратилось въ теченіе природы. Стало позволено перемѣнять ниву свою на другую, и по изобрѣтеніи денегъ — знаковъ богатства, продавать или отдавать въ наймы. Похитители земли были призываемы къ суду. Законы посвятили владѣніе каждаго особливыми сдѣлками, которыя называются крѣпостями. Судебное объявленіе собственности есть отказъ. Положенъ срокъ для прекращенія ябеды, послѣ котораго всякой споръ не дѣйствителенъ. Купля заявляется купчею, такъ, какъ закладъ на время закладною: различныя сдѣлки, принадлежатъ къ отдѣленію объ обязательствахъ. Для нужнаго порядка въ обществѣ опредѣлены степени родства, которыя имѣютъ право къ наслѣдованію. Разбирается въ особливыхъ судахъ, называемыхъ гражданскими, родословіе тяжущихся. Завѣщаніе есть послѣдняя воля умирающаго, которая исполняется законами, ежели имъ не противна.

ГРАЖДАНСКІЯ УСТАНОВЛЕНІЯ.

Исторія законоученія заключаетъ въ себѣ безчисленное множество различныхъ дѣлъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, нравовъ, обычаевъ, мнѣній, которыя образуются медлительнымъ шествіемъ времени. Но систематическая теорія, не послѣдуя нити постепенныхъ перемѣнъ, относитъ частныя происшествія къ немногимъ главнымъ правиламъ, которыя должны быть всегда постоянными и вѣрными, не взирая на перемѣну обстоятельствъ. Сей способъ имѣетъ неоцѣненное преимущество сократить ученіе и поставить насъ на возвышенное мѣсто, съ котораго однимъ взоромъ можно объять неизмѣримое пространство. Сіяющій духъ президента Монтескью предпріялъ приложить сей способъ къ ученію законовъ. Послѣдуя различію правленій и климатовъ, онъ пробѣжалъ округъ вселенной и старался истолковать изъ одного начала являющіяся противурѣчія законовъ. Поражающія, острыя, часто глубокія мысли сообщаютъ творенію его прелесть новости. Но преткновеніе человѣческаго разума въ произведеніи системъ состоитъ въ томъ, что одно любимое мнѣніе, часто мало испытанное, служитъ основаніемъ оныхъ и съ паденіемъ своимъ повергаетъ все зданіе. Таково есть мнѣніе Монтескью о чрезвычайномъ вліяніи климатовъ, которому онъ подчиняетъ нѣкоторымъ образомъ понятія справед-

ливаго и несправедливаго, приличнаго и неприличнаго, и которое осудило бы нѣкоторые народы на всегдашнее варварство и изнеможеніе. Дѣйствіе климата надъ физическимъ составомъ человѣка неоспоримо, и наблюденіе сіе должно входить въ расчеты законодателя; онъ долженъ поправить предписаніями и установленіями вредное вліяніе климата. Но оно не можетъ до такой степени измѣнить природу человѣка, чтобъ сдѣлать его неспособнымъ къ повиновенію разума и чтобъ произвести прекословныя понятія въ добродѣтели и порокѣ. Обитатели Гангеса и Темзы имѣютъ тѣ же впечатлѣнія природы незагладимыя, тѣ же роды ощущенія и неодолимыя склонности; но успѣхи общества не одинаковы и разумъ человѣческій въ одной странѣ тягчимъ предразсужденіями, въ другой направляетъ народъ къ величайшему возможному благополучію. Спасительные и человѣколюбивые законы увеличиваютъ размноженіе народа, доставляютъ каждому защиту, способы пропитанія. Чѣмъ благоразумнѣе, справедливѣе, простѣе законы и чѣмъ исполненіе ихъ удобнѣе и точнѣе, тѣмъ счастливѣе народъ, который имъ повинуется. Все, что мѣшаетъ народу достигать до величайшаго его благополучія, должно быть изгнано изъ законоположенія его. Мнимыя наслажденія порока не составляютъ благополучія. Роскошь, корыстолюбіе, нѣга, гордость, жестокость, столько же вредны частному человѣку, сколько погибельны для государства. Всѣ законы должны стекаться къ

счастью народному, какъ къ общему средоточію. И для того счастіе частнаго человѣка, противное счастію общему, не можетъ получить одобренія законовъ. Человѣкъ, вышедъ изъ простого естественнаго состоянія, ставъ частью общества подъ именемъ гражданина, и не можетъ пользоваться независимостію своего, не почитать себя выше его безусловно. И общество, пошедъ изъ среды естества, основало на предписаніяхъ его свои положительные законы. Первый обѣтъ его—сохраненіе общества и сохраненіе частныхъ лицъ, составляющихъ оное, между сим неразрывны. Злодѣи лишаются общества, потому что разрушаютъ его. Преступая законы, злодѣи объявляютъ войну всему обществу. Оно вступаетъ тогда въ права частнаго человѣка. Ибо естество въ первобытномъ состояніи уполномочиваетъ каждаго человѣка обороняться отъ насильниковъ силою. Общество, останавливая сей законъ естественный, становится мстителемъ за каждаго. Отсюда право наказанія. Общество обнадеживаетъ каждому сохраненіе правъ его, которыя суть или первоначальныя или пріобрѣтенныя. Первыя суть невозбранное наслажденіе жизни, природныхъ способностей и дарованій: вторыя суть собственность, благіе, распоряженіе имѣніемъ. Пріобрѣтенныя права имѣютъ начало свое въ обществѣ. Понятіе собственности раждается съ изобрѣтеніемъ промысловъ, искусствъ и богатства. Собственность пріобрѣтается правомъ занятія, работою, само-

вольною передачею и наслѣдствомъ. Всѣ сіи законы, касающіеся взаимныхъ сдѣлокъ одного гражданина съ другимъ, называются гражданскими законами, въ отличіе народнаго права, къ которому относятся взаимныя отношенія государствъ, почитаемыхъ особами въ естественномъ состояніи, которымъ самимъ поручено отраженіе нападеній. Законъ есть изъявленіе верховной власти, сообразное съ явленіемъ естественнаго или общаго нравоученія и способствующее къ достиженію народнаго благополучія; онъ повелѣваетъ или запрещаетъ дѣлать что нибудь, подъ наложеніемъ изъясненнаго наказанія преступнику. Къ любви отечества принадлежитъ любовь законовъ земли своей. Нѣтъ ничего достойнѣе любопытства благоразумнаго человѣка, какъ испытаніе началъ и правилъ, которыя приводятъ въ движеніе весь составъ государственный. Изъ безчисленнаго множества указовъ и частныхъ повелѣній государственныхъ должно извлечь понятіе о разумѣ законовъ, о составленіи государства, правахъ и преимуществахъ, различныхъ состояній, о способѣ дѣлопроизводства.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.

Одинъ человѣкъ, превосходящій множество добротою тѣлесною, силою разума, твердостью духа въ опасностяхъ, искусствомъ въ ловитвѣ, въ войнѣ, въ общежитіи, становится вождемъ своего народа: вотъ происхожденіе власти и подчиненности. Цвѣтъ юношества окружаетъ особу его и составляетъ благородство, между тѣмъ какъ большее количество народа наполняетъ ряды воинства или въ послѣдованіи просвѣщенія препровождаетъ полезную жизнь въ воздѣлываніи земли и пріуготовленіи потребностей и пріятностей общежитія. Ловитва, производимая цѣлымъ народомъ дикихъ, можетъ пропитать оный вообще, не принадлежа никому порознь; но земледѣліе требуетъ въ круглый годъ неутомимыхъ и различныхъ трудовъ единаго дѣлателя. Должно было раздѣлить поля. Произошла собственность и стала однимъ изъ священныхъ правъ гражданина. Множество семей соединенныхъ почувствовали выгоду взаимныхъ обязанностей и отказались отъ ужаснаго права войны для возвращенія обидъ. Польза всѣхъ и каждаго, сдѣлавшись ощутительною цѣлому обществу, приняла священное именованіе закона. Тогда злодѣйство стало похищать у согражданина своего жизнь, имѣніе, честь, спокойство, и ежели бы и самъ обиженный не жаловался, законы воспріяли бы его защиту. Сіе спасительное учрежденіе требовало, для сохраненія своего, быть

одѣяно нѣкоторымъ предписаннымъ видомъ, простымъ и священнымъ, и повѣрено особамъ избраннымъ, безпристрастнымъ и мудрымъ. Таково есть происхожденіе судейской власти. Сперва вождь народа былъ вмѣстѣ и безпосредственно полководецъ, законодатель и судья. Съ умноженіемъ государственныхъ надобностей, частныхъ нуждъ и способовъ къ избѣжанію правосудія, составилось особливое состояніе людей, которое посвятило время свое ученію законовъ. Оно, приводя безчисленные случаи распрей, требованій, преступленій къ нѣкоторымъ общимъ началамъ, привело законы въ систему, и испытывая частныя и случайныя узаконенія съ неизмѣняющимся закономъ естественнымъ, соединило юриспруденцію съ философіею. Съ тѣхъ поръ ученіе законовъ сдѣлалось наукою столь же важною для философа, сколь необходимою для государственнаго человѣка. Она объемлетъ всѣ возможныя сношенія всѣхъ членовъ общества другъ съ другомъ, и нѣтъ счастія величайшаго для народа, какъ законы справедливые, кроткіе, соразмѣрные нуждамъ и свойству народа, почитаемые государемъ и производимые въ дѣйство судіями безпристрастными и твердыми градоначальниками. Нѣтъ, можетъ быть, въ человѣческомъ родѣ чреды болѣе сіяющей, какъ чреда законодателя. Народы, впадшіе пороками утѣснителей или буйностью безначалія въ бѣдствія, угрожающія погибелью, имѣютъ иногда счастіе и благоразуміе покориться безпрекословно предписаніямъ мудра-

го законодателя. Грецiя имѣла прибѣжище къ мудрецамъ своимъ, которые сдѣлали единственнымъ предметомъ умствованiй своихъ выгоды и недостатки правленiя. Такимъ образомъ Солонъ возобновилъ мудростью учрежденiй своихъ Аѳины, борющiяся съ своею погибелью. Ликургъ создалъ Спарту смѣлымъ и величественнымъ законоположенiемъ. Но чтобъ законы не были слабою преградою, которую корыстолюбiе и своенравiе могли бы ниспровергнуть по изволенiю, и тотъ и другой особливымъ торжественнымъ запрещенiемъ и святостью клятвы непремѣнность ихъ укрѣпить заблагоразсудили. Въ крѣпости Минервиной на двухъ столпахъ написалъ законы свои Солонъ. Ликургъ избралъ самовольное лишенiе отечества, взявъ клятву съ согражданъ своихъ не отрѣшать законовъ въ его отсутствiе. Приняты были мѣры для образа введенiя новыхъ законовъ, ежели положенные недостаточными явятся. Во всѣхъ демократiяхъ нѣкоторое число избранныхъ, представляющихъ народъ, имѣютъ законодательную силу. Римляне учредили особливое правленiе децемвировъ, для положенiя законовъ, и чувствуя недостатокъ свой въ оныхъ, послали для истребованiя Солоновыхъ изъ Аѳинъ. Сiи самые законы, въ послѣдованiи временъ умноженные, открыты будучи въ XII вѣкѣ въ городѣ Амальфи; въ Италiи, служили основанiемъ юриспруденцiи для новыхъ европейскихъ государствъ, и теперь еще извѣстны подъ именемъ Римскаго Права. Въ монархическихъ правленiяхъ

государь имѣетъ право издавать законы. Но есть среднiя власти и хранилище законовъ, которыя могутъ представлять монарху, ежели найдутъ въ законѣ что нибудь несообразное съ пользою народовъ.

—

ОБЪ УГОЛОВНОМЪ УЛОЖЕНIИ.

Отъ законодательной власти, соединенной съ исполнительною, происходитъ право судей для произнесенiя приговоровъ противъ тѣхъ членовъ общества, которые возмутили спокойствiе его, оскорбили чистоту нравовъ и явно или тайно воспротивились предписанiю законовъ. Отъ превосходства и кроткой справедливости уголовнаго уложенiя зависитъ по большей части частное и общее благополучiе. Благодѣянiе законовъ состоитъ болѣе въ предупрежденiи, нежели наказанiи злодѣянiй. Мудрое воспитанiе долженствуетъ паче всего прiуготовлять отечеству безпрестанно возраждающiяся поколѣнiя юношей чувствительныхъ, неразвращенныхъ худымъ примѣромъ и въ которыхъ бы возрастали, вмѣстѣ съ лѣтами и просвѣщенiемъ, ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтели, и къ отечественнымъ законамъ. Страсти, коихъ начало природою вложено въ сердце человѣка, конечно, будутъ увлекать ихъ за предѣлы пристойнаго и справедливаго. Тогда уголовные законы, стрегущiе безопасность общества и гражданъ, спасительною строгостью своею, полагаютъ на нихъ сильную узду свою.

Но ежели они тяжелѣе преступленій, неопредѣлены, вручены слѣпому своенравію, предписаны предразсужденіемъ и суевѣріемъ, подвержены различному истолкованію пристрастныхъ судей: тогда, вмѣсто того, чтобъ быть защитою и благомъ общества, они становятся язвою онаго. Такимъ образомъ Японія страждетъ подъ несноснымъ игомъ законовъ, отъ жестокости которыхъ содрогается природа. Въ областяхъ Греціи, нѣкогда счастливыхъ, нынѣ скупой и нечувствительный паша обогащается казнями невинныхъ. Въ странахъ, гдѣ человѣколюбивая вѣра разліяла братскую любовь и гдѣ просвѣщеніе защищаетъ естественныя права человѣка, принимаютъ величайшія осторожности для осужденія виновнаго. Полагается за правило, что лучше разрѣшить многихъ виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго. Предписаны особливыя формы суда, оберегающія жизнь обвиненнаго гражданина, дается ему совѣтъ и время для принесенія оправданій; индѣ жребій его препоручается избранному числу присяжныхъ, взятыхъ изъ собственнаго его состоянія, которые, произнося приговоръ его, произносятъ нѣкоторымъ образомъ свой собственный. Не всегда поступали съ человѣчествомъ толь кротко. Во времена невѣжества, законы, которые должны быть безстрастны, дышали яростью противъ обвиняемыхъ, часто невинныхъ. Думали узнать истину, терзая человѣка, прежде нежели находили въ немъ тѣнь злодѣйства. Ужасъ объемлетъ при единомъ про-

изнесеніи ненавистнаго слова «пытка.» Первой Россіи принадлежитъ честь отмѣненія сего варварскаго и безполезнаго способа. Человѣколюбивое его законодательство отмѣнило и смертныя казни, обращая самыя злодѣянія виновныхъ въ пользу государства населеніемъ пустынь и общеполезными работами. Одинъ только случай, кажется, можетъ оправдать нѣкоторымъ образомъ власть законовъ въ отъятіи у гражданина того, чего они ему дать не могутъ, — жизни: тотъ именно, въ которомъ сохраненіе его было бы гибелью для цѣлаго общества, ибо главная цѣль уголовныхъ законовъ долженствуетъ быть всегда благо общее.

—

О ПОРЯДКѢ СУДЕБНОМЪ.

Законы, утверждаемые законодательною властью, бываютъ сохраняемы и произносимы противу виновныхъ судіями и производимы въ дѣйство исполнительною властью. Всѣ сіи различныя силы государства имѣютъ предписанные себѣ предѣлы, виды и порядки, дабы своенравіе и корыстолюбіе частныхъ людей не отягощали общества игомъ законовъ. Чувствованія правосудія и человѣколюбія, возстающія естественно въ природѣ человѣка, управляемыя мудростью градоначальниковъ, пріемлютъ въ особое защищеніе свое, наипаче въ просвѣщеннѣйшихъ народахъ, собственность, жизнь, честь, вольность гражданина.

Затѣмъ величайшія предосторожности, дабы не оскорбить невиннаго, не принять несовершенныхъ доказательствъ за истину, не допустить подозрительныхъ свидѣтелей, не извлечь страхомъ изъ устъ слабаго ложныхъ признаній, не заставить его страдать безполезно лишеніемъ вольности, поруганіемъ, томленіями. Затѣмъ предписаны судамъ нѣкоторыя формы священныя, не перемѣняющіяся, порядокъ, которымъ они должны изслѣдовать истину и удостовѣриться, точно ли обвиняемымъ сдѣлано то преступленіе, которое показуютъ на него доносители, и точно ли осуждаютъ его законы. Затѣмъ учреждено чиноначаліе между судовъ, дабы изъ нижняго суда дѣло переносилось чрезъ нѣсколько среднихъ въ верховный судъ, который подтверждаетъ или отрѣшаетъ первый приговоръ.

У древнихъ производились суды на стогнѣ или въ общественныхъ зданіяхъ. Особливые градоначальники предсѣдательствовали въ совѣтѣ судей, избранныхъ изъ разныхъ колѣнъ народа. Красноречивые граждане искали себѣ знаменитости, обвиняя злыхъ или защищая невинныхъ. Мы имѣемъ еще тяжебныя слова аѳинскихъ ораторовъ Лизія, Ликурга, Эсхина, Демосѳена. Цицеронъ, по исполненіи со славою первыхъ должностей республики, не уклонялся говорить въ судѣ за друзей своихъ. По выслушаніи рѣчей, судьи начертавали на дщицахъ слова осужденія, разрѣшенія или сомнѣнія.

ЗАКОНОДАТЕЛИ.

Особливую славу пріобрѣли себѣ тѣ мужи, которымъ Провидѣніе судило быть основателями и исправителями обществъ въ человѣческомъ родѣ; которые изобрѣли нѣкоторымъ образомъ надежные способы утвердить благополучіе и славу въ продолженіе многихъ столѣтій между тысячами, соединившимися въ единое гражданство. Имена Миноса, Тезея, Ликурга, Солона, Ромула и Нумы сіяютъ въ заглавіи лѣтописей Древняго свѣта. Аѳинскіе ораторы не престаютъ соединять похвалы отечества своего съ похвалами Тезея. И въ самомъ дѣлѣ сей сіяющій герой, послѣдователь Алкидовъ, возвышаетъ военныя дѣла свои твердою славою, которую пріобрѣлъ онъ въ соединеніи разныхъ селеній Аттики въ одинъ сильный городъ, украшенный именемъ богини мудрости, Минервы или Аѳины. Своимъ собственнымъ подвигамъ, болѣе нежели породѣ, одолженъ правомъ царствованія въ Аттикѣ, своею превосходною дѣятельностію и дарованіями потушилъ онъ устремлявшійся на него заговоръ Паллантидовъ. Онъ былъ достоинъ царствовать по благодѣяніямъ, которыя оказалъ цѣлой Греціи, своимъ великодушнымъ подверженіемъ себя на жертву Минотавру для искупленія Аѳинъ отъ позорной дани. Его установленія, приведенныя въ совершенство прозорливостью другихъ градоправителей, положили основанія одной изъ первыхъ республикъ греческихъ. Искусства, которыя, бо-

лѣе нежели гдѣ нибудь, нашли угодное пребываніе въ Аѳинахъ, распространили на него сіяніе свое. Краснорѣчіе и стихотворство поочередно прославляли древнія его благодѣянія. Сіе превосходство писателей способствовало къ познанію греческихъ славныхъ дѣлъ во всемъ ихъ сіяніи, между тѣмъ какъ подвиги другихъ народовъ не достигли до сея знаменитости.

—

О СВОЙСТВѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ЯЗЫКОВЪ.

I.

Способность слова тѣсно соединена съ природою человѣка и служитъ основаніемъ для успѣховъ разума и для установленія обществъ. Но назначеніе пути, которымъ сія простая способность дошла къ составленію полной системы языка, соединено съ величайшими затрудненіями. Мы не имѣемъ довольно точныхъ свѣдѣній о младенчествѣ вселенной. Предварило ли составленіе общества первыя покушенія къ изобрѣтенію языка, или сей спасительный вымыслъ склонилъ разсѣянныхъ смертныхъ къ исканію общаго убѣжища въ соединеніи силъ своихъ? Какъ бы то ни было, выраженіе страстей кажется быть первымъ языкомъ человѣковъ. Необразованные вопли болѣзни, желанія, гнѣва, препровождаемые вырази-

тельными тѣлодвиженіями, замѣняли дикому недостатокъ пространнѣйшаго краснорѣчія. Сей естественный языкъ, тогда богатый, уменьшающійся съ успѣхами слова и просвѣщенія, означается у грамматиковъ названіемъ *междометій*. Можетъ быть, цѣлыя предложенія, заключающія полную мысль, произносились тогда однимъ словомъ, какъ свидѣтельствуютъ сіи безличные глаголы: *гремитъ*, *свѣтаетъ*, *смеркается*. Но первый важный шагъ, къ составленію языковъ, они представляются въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, было назначеніе названій частнымъ предметамъ или *изобрѣтеніе существительныхъ именъ*. Нужда взыскивала отъ первыхъ изобрѣтателей языка, чтобъ они наименовали ту особенную *пещеру*, *то дерево*, *тотъ источникъ*, которыя снабжали ихъ выгодами жизни. Подражаніе естественнымъ звукамъ сообразно яркости, пріятности, плавности или жесткости, служило образцомъ изобрѣтаемыхъ именованій. Сходство вещей одного и того же рода, заставило нечувствительно перенести наименованіе одной нераздѣльной вещи, которая имъ была извѣстна, *пещеры*, *дерева*, *источника*, на всѣ другія, которыя послѣ имъ встрѣчались и были той же самой природы. Такимъ образомъ сія способность разума, которою человѣкъ усматриваетъ *подобіе вещей*, привела его къ сему трудному дѣянію, которымъ особенныя понятія превращаются во всеобщія, и составленіе языка сдѣлалось удобнымъ; затѣмъ, что не было болѣе нужды выдумывать особеннаго имени

для каждаго *нераздѣльнаго* (individuum), для каждой *пещеры* или *источника*. Но когда надобность требовала отличить одно какое нибудь *нераздѣльное* въ семъ безконечномъ числѣ однородныхъ вещей, означенованныхъ однимъ общимъ именемъ: тогда должно было прибѣгнуть къ открытію какого нибудь *качества* или *отношенія*. Отъ сего происходятъ два отдѣленія словъ: одно, изъявляющихъ *качество*, соединенное съ какимъ нибудь особеннымъ предметомъ, напр: *зеленое дерево*. Сіе отдѣленіе извѣстно подъ названіемъ *прилагательныхъ именъ*. Другое показываетъ отношеніе одного предмета къ другимъ, напр. *зеленое дерево на лугу*. Сія частица *на*, отличаемая названіемъ *предлога*, показываетъ нѣкоторое извѣстное отношеніе, сообщенное симъ двумъ существительнымъ. Оба сіи отдѣленія должны быть изобрѣтены позднѣе существительныхъ именъ, потому что качества и отношенія не можно понять безъ вещей. Но качества, вещамъ приложенныя (in concreto), *зеленый*, *голубой*, предшествовали симъ самымъ качествамъ, отвлеченно понимаемымъ *зелень*, *синета*. Ибо первыя мы видимъ въ особенныхъ предметахъ, другія видимы только умствованію. Наблюденіе разныхъ образованій, которымъ вещи подвержены въ природѣ, перенесло изъявленіе оныхъ и въ слова, ихъ означающія. Такимъ образомъ разность пола въ оживленныхъ бытіяхъ и неимѣніе онаго въ неодушевленныхъ, подало поводъ къ грамматическимъ родамъ. Качества, исключенныя отъ

оныхъ, получили однако въ прилагательныхъ именахъ разныя окончанія по родамъ, согласуясь съ *аналогіею*, которая вообще имѣла много вліянія на составленіе языковъ. Если изобрѣтеніе прилагательныхъ предполагаетъ уже усиліе размышленія, то несравненно болѣе требовалось его для изобрѣтенія *предлоговъ*, изображающихъ отношенія вещей, которыя болѣе удалены отъ чувствъ. За неимѣніемъ ихъ, первые изобрѣтатели языковъ изъявляли отношенія вещей, перемѣняя окончанія *именъ*, чтó называется склоненіемъ. Примѣчается, что тѣмъ древнѣе языкъ, чѣмъ болѣе падежей въ склоненіяхъ. Славянскій языкъ имѣетъ сходство сіе вообще съ греческимъ и латинскимъ, между тѣмъ какъ новые языки изъявляютъ падежи свои не перемѣною окончаній, а предлогами *de*, *à*, *par*, *avec*, *of*, *to*, *by*, *from*. *Множество* въ вещахъ есть также наблюденіе, которое не могло сокрыться отъ изобрѣтателей языка, и сначала изображено измѣненіемъ въ окончаніи, потомъ сотвореніемъ словъ *многіе*, *болѣе* и проч. Вообще *число*, разсматриваемое просто безъ приложенія къ какому нибудь ощутительному предмету, есть одно изъ понятій, наиболѣе отвлеченныхъ и метафизическихъ, которыя разумъ человѣческій можетъ себѣ представить. Свидѣтельствуетъ ежедневно видимое затрудненіе младенцовъ понять значеніе сихъ словъ: *одинъ*, *два*, *три*. Чтобъ влiять душу и движеніе въ произносимыя именованія вещей, требовалась еще составная часть, впечатлѣвающая на нихъ

дѣяніе разума нашего: и сія есть — *глаголъ* или слово по превосходству. Глаголы современны съ первыми покушеніями къ составленію языка. Мы ничего не произносимъ иначе, какъ въ намѣреніи утверждать или отрицать что нибудь: а сіе всегда совершается глаголомъ. Но разговоръ разлагаетъ на части, что въ мысли изображается однимъ неразлучнымъ дѣйствіемъ. *Александръ ходитъ*. Здѣсь происшествіе будто раздѣлено между существами и дѣяніями, между тѣмъ какъ оно просто и нераздѣльно въ разумѣ. Недостатокъ словъ, которые медлительнѣе мысли. Раздробляя понятіе, которое въ мысли изображается въ одно мгновеніе, слова помогали къ распространенію разума и къ упражненію силъ его. Найдено, что безчисленное множество безличныхъ глаголовъ, присвоенныхъ каждому особенному дѣйствію, можетъ быть ограничено особливымъ образованіемъ, которое перенесетъ одно выраженіе дѣйствія на различные предметы. Такимъ образомъ слово *идетъ* можетъ быть приложено [illegible] *Месяцъ*. *Орелъ*. [illegible] было начало спряженій. Глаголы [illegible] такъ же, какъ съ прилагательными [illegible], которые неразличенно могутъ быть составляемы съ разными именами существительными. Ибо въ самомъ дѣлѣ глаголы принадлежатъ [illegible] съ прилагательными къ одному [illegible]. Они безпрестанно присвоиваютъ [illegible]; [illegible] нибудь [illegible]. Такъ какъ прилагательное.

какое нибудь *качество*. Напр. *непріятель идетъ*, значитъ *непріятель есть идущъ*. Въ составленіи языка поступлено, кажется, такъ же, какъ въ изобрѣтеніи письма. Сначала изображали каждую особенную вещь, или происшествіе, особливымъ изображеніемъ. Но какъ безчисленное множество ихъ обременяло память, найдено было средство раздѣлить слово на стихіи его и въ означеніи какого нибудь особеннаго рѣченія употреблять не одно изображеніе, но множество стихій, равно служащихъ для составленія всѣхъ возможныхъ словъ. Подобно въ происхожденіи языковъ, люди покушались дать особливое наименованіе каждому новому происшествію, которое поражало вниманіе ихъ; но какъ число именованій было бы безконечно, то самая нужда наставила ихъ раздѣлить каждое происшествіе на части, которыя могутъ быть названы метафизическими его стихіями, и установить слова, которыя не столько означаютъ самыя происшествія, какъ стихіи, изъ которыхъ онѣ составлены. Выраженіе каждаго особеннаго происшествія сдѣлалось чрезъ то сложнѣе, но цѣлая система языка стала связнѣе и удобнѣе къ понятію и употребленію. Когда безличные глаголы стали такимъ образомъ приложены къ предметамъ, то изъ того произошло третье лице глаголовъ. Но происшествіе можетъ относиться не только къ тѣмъ бытіямъ, о которыхъ говорятъ, но и къ той особѣ, которая говоритъ, и къ той, къ которой рѣчь обращается. Отъ сего перемѣна окончаній для означенія сихъ

трехъ лицъ: *говорю*, *говоришь*, *говоритъ*, — употребленіе, предупредившее, чаятельно, изобрѣтеніе мѣстоименій. Ибо сіе слово *я*, не означая никого исключительно и всякаго поочередно, выражаетъ понятіе столь отвлеченное и метафизическое, что оно не могло удобно встрѣтиться первымъ изобрѣтателямъ языковъ. То же, что́ о склоненіяхъ, можно утвердить и о спряженіяхъ, что изобиліе разныхъ окончаній, означающихъ лица и времена, опредѣляетъ древность языка. Греческій богатѣе латинскаго, такъ, какъ сей послѣдній всѣхъ новыхъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что языки сохранили бы сей характеръ древности, то есть многосложность окончаній въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, ежели бы они сохранили себя чистыми отъ всякаго смѣшенія съ иноплеменными. Но нашествія варваровъ, пріобщеніе разноязычныхъ народовъ, перемѣнивъ свойство древнихъ языковъ, изъ самой трудности выучиться имъ въ совершенномъ возрастѣ, придали имъ несравненно болѣе простоты и легкости. Свидѣтельствуютъ Ломбарды, которые, не въ состояніи будучи перенять латинскій языкъ во всей чистотѣ его, произвели изъ него итальянскій. Ближайшее средство къ сокращенію спряженій было введеніе двухъ главныхъ глаголовъ *есмь* и *имѣю*, съ которыми всѣ другіе глаголы составлены. Въ россійскомъ языкѣ одинъ только первый глаголъ принимается въ помощь: *буду дѣлать* или *было писано*. Въ немъ различіе окончаній доставляетъ пріятность языку и даетъ ве-

ликую свободу въ разстановкѣ словъ. Въ новыхъ европейскихъ языкахъ каждое слово имѣетъ свое назначенное мѣсто въ сочиненіи: переставленіе перемѣняетъ или разрушаетъ смыслъ, вмѣсто того, что древніе языки, а съ ними и россійскій, разносятъ слова согласно съ требованіемъ слуха. *Pierre a battu Jean* не то значитъ, что *Jean a battu Pierre*; но по-русски: *Ивана билъ Петръ* столько же правильно, какъ и *Петръ билъ Ивана.* Способомъ сокращенія можно почесть *нарѣчія*, которыя однимъ словомъ изъявляютъ обстоятельство и сами принадлежатъ къ разряду *присвоительныхъ*: *часто* вмѣсто *много разъ*; *храбро* вмѣсто съ *храбростію*; *здѣсь* вмѣсто въ *семъ мѣстѣ.* Съ совершенствомъ слова и умствованія вошли въ языки и умножились *союзы*, которые означаютъ связи, переходы и разные оттѣнки мыслей. Сіи разсужденія важнѣе, нежели они кажутся, потому что они близко соединены съ философіею человѣческаго разума. Ежели слово есть истолкователь мыслей, то разсматриваніе составленія его ведетъ къ испытанію самыхъ понятій нашихъ и дѣяній человѣческаго разума.

—

II.

Доходя къ началу языковъ, мы исчислили всѣ возможныя роды словъ, которые, въ какомъ бы идіомѣ ни было, служатъ къ изъясненію мыслей. Мы видѣли также, какимъ образомъ приведены были первые изобрѣтатели языковъ къ искусственному разложенію выражаемой мысли на метафизическія его стихіи. Невидимая мысль сдѣлалась, такъ сказать, осязательною и вещественною, будучи изображена словомъ или писаніемъ. Простѣйшее составленіе словъ, которое производитъ одинъ полный смыслъ, называется *изреченіемъ* или *предложеніемъ*. Необходимыя стихіи или составныя части онаго суть подлежащее (sujet) и сказуемое (attribut). Всегда есть какой нибудь предметъ, о которомъ мы что̀ нибудь утверждаемъ или отрицаемъ. Предметъ есть *подлежащее*; то, что̀ мы утверждаемъ или отрицаемъ—*сказуемое*. Такимъ образомъ въ сихъ изреченіяхъ: *добродѣтель похвальна. Порокъ пагубенъ. Добродѣтель, порокъ* суть подлежащія своихъ изреченій; *похвальна, пагубенъ*—сказуемыя. Обѣ сіи части могутъ быть сложнѣе, нежели въ сихъ предложеніяхъ. Наприм. *Порокъ погубляетъ тѣхъ, которые ему послѣдуютъ*. Подлежащее есть одно слово *порокъ*; всѣ прочія принадлежатъ къ сказуемому. *Сказуемое* присвоиваетъ нѣкоторое качество или состояніе *подлежащему*; слѣдовательно оно должно имѣть главнымъ выраже-

ніемъ своимъ или *прилагательное* или *глаголъ*; такъ, какъ подлежащее, называя предметъ, есть всегда имя существительное. Предложенія сіи, чѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ отношеній и обстоятельствъ, тѣмъ болѣе становятся сложными. Искусство писателя придаетъ имъ согласіе и соразмѣрность. Тогда въ образѣ періодовъ принадлежатъ они къ краснорѣчію: такъ, какъ истина и основательность предлагаемыхъ въ нихъ мыслей входитъ въ область Логики. Грамматика занимается единственно правильнымъ составленіемъ словъ другъ съ другомъ; хотя впрочемъ всѣ сіи науки недостаточны въ раздѣленіи и должны шествовать неразлучно въ сочиненіи, одобренномъ здравымъ вкусомъ, тѣмъ болѣе, что и самое происхожденіе языковъ имѣетъ столь близкое сношеніе съ философіею человѣческаго разума. Есть нѣкоторый естественный порядокъ, связывающій мысли одну съ другою. Онъ примѣчается и въ словахъ одного предложенія. Слово, выгодно поставленное, распространяетъ на все реченіе особливую ясность и силу. Такъ, какъ въ драмѣ, въ картинѣ, одно главное лице должно выходить явственнѣе и владычествовать другими: такимъ образомъ въ предложеніи, или періодѣ, одно главное слово, *подлежащее*, привлекаетъ къ себѣ всѣ другія и сообразуется всѣми подчиненными обстоятельствами. Ему принадлежитъ первое или знаменитѣйшее мѣсто; къ нему должны быть приближены его знаменованія; оно должно быть окружено обстоятельствами. Напр.

въ семъ періодѣ: *Въ лѣтописяхъ вселенной, Александръ Великій, завоеватель, просвѣтитель, герой, славенъ между государей столько же завоеванными державами, сколько мудростію градоправителя, покровительствомъ искусствамъ, кротостію и великодушіемъ.* Подлежащее *Александръ Великій* поставлено такимъ образомъ, что всѣ черты къ нему относятся. Отъ того происходитъ, что въ преложеніи съ иностраннаго языка на природный обыкновенно сохраняется именительный падежъ періода, потомъ *глаголъ*, потомъ косвенный падежъ, которымъ глаголъ управляетъ: потому что независимо отъ словосочиненія разныхъ языковъ, сему порядку послѣдуетъ *всеобщее* словосочиненіе.

ВНУТРЕННЕЕ СОЗНАНІЕ, ВТОРОЙ ИСТОЧНИКЪ ПОНЯТІЙ.

Способность получать впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ всѣми путями, на которыхъ они могутъ встрѣтиться, очами, слухомъ, всею поверхностію нашею, даетъ разуму безчисленныя понятія окружающихъ насъ тѣлъ и явленій естественныхъ. Но сіе животное чувство или пониманіе, низшая степень разума (есть ли бы дѣйствія его не были неразлучны и единовременны), не есть единственный источникъ ощущеній. Внутри

насъ самихъ или отвращаемыхъ и независимо отъ внѣшнихъ чувствъ происходятъ понятія, соотвѣтственныя состоянію нашему. Чрезъ сіе мы дѣлаемся наблюдателями собственныхъ дѣйствій нашихъ. Мы чувствуемъ себя размышляющихъ, постигающихъ истину, вкушающихъ удовольствіе или прискорбіе, привлекаемыхъ какою нибудь вещію. Сіе обращеніе на самого себя, или внутреннее сознаніе, дѣйствуя различными способами, образуетъ понятія, полученныя чувствами. Оно соединяетъ между ними сродственныя, извлекаетъ различія, предполагаетъ нѣкоторый общій порядокъ, въ который составляются пріобрѣтаемыя знанія, по мѣрѣ присовокупленія ихъ. Призываются древнія понятія, и мечтанія иногда устремляютъ полетъ свой. Безъ всякаго труда, по большей части, послѣдуя опыту, привычкѣ и общему смыслу, поступаетъ оно при обыкновенныхъ происшествіяхъ общежитія. Но будучи занято глубокими умствованіями, или объято страстію, оно въ состояніи остановить на время дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ. Человѣкъ, кажется, тогда заключенъ самъ въ себѣ, и отверзтые глаза его не видятъ, что происходитъ передъ ними. Я повторю повѣсть объ Архимедѣ. Углубленный въ рѣшеніе геометрической задачи, онъ не слыхалъ приступа Маркеллова, и умолялъ свирѣпаго воина продлить жизнь его только до рѣшенія. Часто видали Лафонтена, счастливаго слагателя басенъ, впадающаго въ глубокую задумчивость посреди недоконченной рѣчи: онъ сочинялъ свои прекрасныя басни! Та-

ь образомъ вниманіе и охота влагаетъ но-
силы и преодолѣваетъ трудности; недоста-
ь вниманія затмеваетъ яснѣйшія понятія и
дитъ тяжелый сонъ унынія и скуки. Ибо
го не способствуетъ столько къ благополу-
человѣка, какъ умѣренное упражненіе спо-
юстей его. Тогда только время протекаетъ
ю и быстро; самое наслажденіе становится
be: ибо тогда человѣкъ доволенъ самимъ со-
. Важный и новый предметъ внутренняго со-
ія — нравственное чувство! Тою же самою
ю, которою, соединяя понятія, видимъ мы
ичность или неприличность дѣйствія и обо-
ия послѣдствія, не смотря на пріятности на-
щаго мгновенія, выбираемъ лучше отдален-
, но большее и существительнѣйшее благо.
дѣйствіе принадлежитъ совершенно разуму,
вно животнымъ, и будучи орудіемъ добро-
ым, составляетъ одно изъ знаменитѣйшихъ
ній человѣка.

—

СОВОКУПЛЕНІЕ ИДЕЙ.

предлагаемое понятіе идей безполезно бы
[illegible] изобиліе опытъ, если бы особливая
[illegible] не полагала насъ въ состояніе пред-
[illegible] себѣ почти въ одно время два и

чувствовать ихъ принадлежность другъ къ другу, сходство, различіе, отношеніе. Сіе важное дѣяніе разума, ежечасно въ жизни нашей исполняемое, называется совокупленіемъ идей и составляетъ разсужденіе. Не всегда изъясняемо словами, совершается оно безпрестанно внутри насъ и становится нашимъ собственнымъ образомъ ощущать и видѣть вещи. Истина сихъ случайныхъ разсужденій бываетъ относительна къ положенію нашему и степени знанія, которое имѣемъ о вещахъ, судимыхъ нами. Невѣдѣніе или важность древнихъ и неиспытанныхъ предразсужденій дѣйствуетъ надъ нашими мнѣніями; увлекаетъ свидѣтельство чувствъ, требующее часто исправленій разума. Такимъ образомъ одинъ греческій мудрецъ думалъ, что солнце не болѣе Пелопонеза. Простой народъ остается въ увѣреніи, что сіе свѣтило ходитъ, между тѣмъ какъ земля неподвижна. Множество выраженій вошли въ существо языковъ и посвящены употребленіемъ, хотя они находятся въ противорѣчіи съ несомнительными откровеніями новѣйшихъ временъ. Склонности сердца имѣютъ также свое дѣйствіе надъ разумомъ. Скупой присоединяетъ идею благополучія къ цѣлости стрегомаго имъ сокровища. Тимонъ человѣконенавистникъ убѣгаетъ отъ взора людей. Говардъ посѣщаетъ темницы всѣхъ народовъ, чтобъ изобрѣсть какое нибудь облегченіе несчастію заключенныхъ. Въ невѣдѣніи можно дѣлать ложныя разсужденія или совокупленія идей, и сохранить притомъ здра-

ный разсудокъ. Страсти помрачаютъ его непре-
нно и облекаютъ невѣроятными прелестями пред-
метъ свой маловажный и часто никакой дѣйстви-
тельности не имѣющій. Александръ Великій при-
знавался въ слабости своей, восклицая: «О, Греки,
сколько мнѣ стоитъ то, чтобъ вы обо мнѣ го-
ворили.» — Желаніе честолюбиваго. Омаръ, идучи
на превосходное воинство непріятелей, говорилъ
Аравитянамъ: «Передъ нами рай, позади насъ адъ».
И восторженные мусульмане летѣли умирать. Не-
поврежденная способность совокуплять справед-
ливымъ образомъ идеи составляетъ здравый
смыслъ. Онъ называется также и общимъ, по-
тому что всѣ люди объ однѣхъ и тѣхъ же са-
мыхъ вещахъ съ равными средствами и обстоя-
тельствами произносятъ одинакія разсужденія.
Но какъ скоро естественная связь сія въ комъ
нибудь разрушена, когда совокупилъ онъ двѣ
идеи, одна другой не принадлежащія, то съ тѣмъ
же самымъ дѣйствіемъ и потерялъ онъ употреб-
леніе разума. Никакое доказательство не можетъ
разрушить бѣдственнаго его заблужденія. Самыя
чувства помрачаются разстроенной мечтательно-
сти. Одинъ изъ злыхъ царей, осквернившихъ
престолъ константинопольскій, Констансъ II,
видѣлъ безпрестанно слѣдующую за собою тѣнь
убитаго имъ брата, подающаго ему чашу съ кро-
вію. Кромѣ сего тѣснаго совокупленія двухъ
идей, которымъ производятъ разсужденія наши,
есть еще нѣкоторый порядокъ послѣдованія.
Одна идея возбуждаетъ другую, сосѣдственную.

Наступленіе весны приводитъ съ собою оживленіе природы, сходственное съ юностію человѣка, надежды земледѣльца, сельскія игры, предпочитаемыя шуму городовъ. Осенью, кажется, видимо старѣется дубрава, солнце скрываетъ взоръ свой и птицы оставляютъ лѣса.

—

ИЗЯЩНЫЯ ПИСЬМЕНА.

Подъ имемемъ Изящныхъ Письменъ, или Словесныхъ наукъ (belles-lettres), разумѣется округъ тѣхъ человѣческихъ знаній, которыя занимаются единственно дарованіемъ слова, чувствованія и мысли и развертываютъ упражненіемъ первое начало оныхъ, природою человѣка положенное. Такимъ образомъ они имѣютъ свою Теорію и Практику. Ломоносовъ начертываетъ первую, преподавая слушателю своему наставленія Грамматики и Риторики: онъ являетъ сіяющимъ образцомъ послѣднюю въ своихъ поэмахъ, похвальныхъ словахъ, исторіи, во всемъ томъ, что̀ истекло изъ пера его. Словесныя науки первыя пріемлютъ и воспитываютъ человѣческій разумъ, едва исходящій изъ младенчества, смѣняя нечувствительнымъ образомъ грубыя игры перваго возраста нѣжнѣйшими и возвышеннѣйшими забавами разумѣнія, чувствованія, воображенія. Чтеніе открываетъ ему сокровище природы, развер-

заетъ передъ нимъ завѣсу прошедшаго. Сердце чувствительнаго молодого человѣка бьется съ сладостнымъ восхищеніемъ при трогающихъ дѣяніяхъ благотворительности и великодушія, которыя ему или исторія сохранила или сотворяетъ вымыслъ. Онъ пріучаетъ слухъ свой къ плѣняющему согласію стихотворства, къ важному теченію періодовъ оратора. Онъ наученъ внимать удивительному сношенію мыслей и словъ. Онъ видитъ въ различныхъ языкахъ человѣческаго рода одни общія правила, потому что они проистекаютъ отъ свойствъ разума, который хотя и различенъ образованіями, но одинаковъ вездѣ существомъ своимъ. Онъ отваживается начертать себѣ различныя дѣянія разума, чтобъ выучиться умствовать и различать истину между заблужденій. Вниманіе, которымъ старается онъ постигнуть разумѣніе, тѣмъ пріятнѣе обращаетъ онъ къ сердцу, что движенія его неразлучно соединены со счастіемъ. Природный языкъ становится ему тѣмъ дороже, что каждое онаго слово напоминаетъ связь его съ отечествомъ. Пренебрежетъ ли онъ что нибудь, до онаго касающееся? Исторія, землеописаніе, ученіе законовъ, обозрѣніе торговли его, силы, населенія, суть предметы столько жъ пріятные, сколь и необходимые.

—

ЗАБАВЫ ВООБРАЖЕНІЯ.

Человѣкъ, состоянія низкаго и полезнаго, посвящаетъ необходимо труду всѣ мгновенія жизни своей. Земледѣлецъ, ремесленникъ, работникъ, едва находитъ довольно времени для совершенія трудовъ своихъ, безпрестанно возобновляющихся, которыми онъ снискиваетъ пропитаніе себѣ и семейству. Тяжкая работа спасаетъ ихъ отъ скуки, — сего мученія праздныхъ и богатыхъ.

Люди высшихъ состояній общества, окруженные съ младенчества изобиліемъ, свободны отъ необходимости механическихъ работъ. Тщательнѣйшее воспитаніе приготовляетъ ихъ къ попеченіямъ другого рода, которыя требуютъ безпрестаннаго упражненія способностей и часто крайнихъ усилій разума. Опредѣленные къ защищенію и управленію отечества, они ищутъ знаменитости въ трудахъ военной жизни или въ совѣтахъ градоначальства. Самое спокойное обращеніе общества, въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ, соединено для нихъ съ наблюденіемъ множества нѣжныхъ отношеній, которыя срѣтаются между людей благовоспитанныхъ. Ихъ чувствованія разборчивѣе, и страсти имѣютъ болѣе случаевъ быть приведены въ движеніе. Отъ того сіи предписанія вѣжливости и необходимость нравиться. Желаніе отличій уваженія, блестящихъ выгодъ роскоши, производятъ безпрестанное соперничество между людьми благо-

наго состоянія. Будучи владѣльцами пространъ маятностей, которыя дошли до нихъ наслѣдствомъ, они не ограничиваются необходимъ. И безпрестанно синимы употребленіемъ [illegible] странамъ [illegible] различныхъ вещей [illegible] себя бѣдными посреди [illegible] богатствъ. [illegible] что привози и [illegible] [illegible] сокровища Крезо. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ражіе [illegible] [illegible] время нераздѣльна [illegible] [illegible] [illegible] тѣхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] какое не [illegible] [illegible] [illegible] Шумныя веселья всегда же [illegible] [illegible] который ничто [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ [illegible] [illegible] забавы воображенія представляютъ причины свои [illegible]

[illegible] [illegible] возвышенный разумъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] временныхъ. [illegible] и [illegible] [illegible] природы возбуждаютъ воспоминаніе [illegible] [illegible] красотъ. Виргилія и Горація [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] приводитъ къ [illegible] [illegible] [illegible] Фарсальской битвы [illegible] [illegible] изъ [illegible] исторіи [illegible] [illegible] [illegible] мѣсто. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] глубокой задумчивости воспоми-

наетъ Полибію стихи Гомеровы, относя ихъ къ будущему паденію Рима. Воспитаніе сдѣлало ему знакомыми отборныя черты греческихъ письменъ, и духъ его былъ украшенъ и возвышенъ примѣрами древности.

Счастливъ благородный человѣкъ, который заранѣе приготовленъ воспитаніемъ служить отечеству, единоземцамъ, людямъ; который не теряетъ времени въ тщетныхъ исканіяхъ веселья; умѣетъ являться съ кроткимъ сіяніемъ въ большомъ обществѣ и можетъ наслаждаться самимъ собою въ уединеніи. Не всегда и не всякое мгновеніе можно быть на сіяющемъ позорищѣ свѣта. Чтобъ удостоиться вниманія его, надобно иногда съ умысломъ скрываться отъ людей и пріобрѣтать въ тишинѣ дарованія, которыя послѣ будутъ полезны. Такимъ образомъ Демосѳенъ наложилъ на себя долгое и строгое затворничество, чтобъ преодолѣть недостатки природы и доставить послѣднее совершенство дарованіямъ витіи.

Знанія, искусства, дарованія, суть вѣрные и необходимые признаки благороднаго состоянія. Вкусъ, ими питаемый, сообщаетъ нѣкоторую пріятность всѣмъ поступкамъ и дѣяніямъ, самымъ обыкновеннымъ. Онъ готовитъ намъ въ обществѣ сей ободряющій и благосклонный пріемъ, который дѣлаетъ исполненіе добродѣтелей столь легкимъ и всякое оскорбленіе ихъ невозможнымъ.

Сіи способности разума служатъ намъ утѣшеніемъ въ минуты унынія и неудовольствія, которыя встрѣчаются толь часто, и въ которыя мы бываемъ неспособны для общества. Извѣстно, сколь трудно управлять своими собственными своенравіями и занимать безвредно праздность. Иные безпрестанно въ движеніи, чтобъ убѣжать общества съ самимъ собою и тратить существованіе свое безполезно. Ихъ память есть гладкая доска, на которой не начертались никакія напечатлѣнія. Другіе жертвуютъ какой нибудь владычествующей страсти. Охота, или игра снѣдаютъ все время ихъ. Разговоры, мысли, все бытіе ихъ соединено неразлучно съ предметами, толь безплодными. Коль несравненно благородное и многообразное удовольствіе, происходящее отъ упражненія въ искусствахъ, отъ прелести ученія, которые представляютъ намъ уроки протекшихъ вѣковъ и сіяющія зданія воображенія!

Но для вкушенія сихъ возвышенныхъ удовольствій, надобно, чтобъ разумъ былъ образованъ ученіемъ заблаговременно и не былъ бы оставленъ въ печальной дикости и невѣжествѣ: чтобъ нѣжныя красоты чувствованія, или тонкія черты остроумія, приносили ему сіе наслажденіе чистое, самому разуму свойственное. Одно чувствительное сердце разумѣетъ воздыханія Петрарка и раздѣляетъ величественную скорбь Федры и Дидоны. Природа поступила съ тѣмъ благосклонно, котораго душа возвеличивается при разительныхъ изображеніяхъ Корнеля, или при своенравныхъ

картинахъ Шекспира. Мы можемъ присоединить къ нимъ Ломоносова, который дѣлаетъ вѣчную честь россійскому генію. Отважною рукою ввелъ онъ стихотворство въ отечество. Какъ живописцы Италіи, основалъ онъ школу послѣдователей, которые начали отъ времени его и, конечно, составятъ впредь непрерывную цѣпь стихотворцевъ россійскихъ. Они имѣютъ въ сохраненіи своемъ вкусъ народный, и ихъ дарованіямъ будетъ обязанъ языкъ новыми и счастливыми выраженіями. Нѣжныя пріятности имѣютъ между нами своихъ истолкователей и любимцевъ, такъ, какъ гордые замыслы и важныя наставленія мудрости. Подлѣ героевъ Россіяды играютъ зефиры Душеньки, и геній Горацієвъ открываетъ новыя красоты пѣвцу Фелицы.

Между прочихъ удовольствій воображенія отличается то, которое доставляетъ намъ драматическое искусство. Мы видимъ древнихъ героевъ въ полной жизни, ихъ добродѣтели, слабости и подвиги. Часто Исторія не можетъ вѣрнѣе изобразить дѣянія ихъ и нравы. Трагическій стихотворецъ, какъ сильный волшебникъ, по изволенію возбуждаетъ и укрощаетъ страсти наши. Жалость, ужасъ, удивленіе поперемѣнно обладаютъ душами и превращаютъ въ наслажденіе слезы, нами проливаемыя. Величественный Расинъ! существуетъ ли нѣжное сердце, которое не было бы тебѣ обязано живѣйшимъ удовольствіемъ?

Между нами Сумароковъ открылъ поприще трагедіи. Не похитимъ у него чести первенства.

которое во всѣхъ искусствахъ подходитъ столь близко къ чести изобрѣтенія. Семира его есть твореніе благородное и трогающее, которому нѣтъ еще подобнаго, кромѣ Росслава Княжнина. Счастливъ совершенно тотъ, кто соединитъ трагической духъ съ непрерывною избранностію и красотою слога.

Менѣе ли представляетъ пищи разуму комедія, которая изображаетъ живыми красками постоянныя слабости человѣческаго сердца, или возраждающіяся странности общества: сіе плодоносное поле наблюденій отъ «Мизантропа» до «Принужденной Женитьбы» и отъ «Скупого» до «Смѣшныхъ Жеманницъ»? Мольеровы картины пережили вѣкъ свой и писаны для безсмертія. Сочинитель «Недоросля», рано похищенный для россійскихъ письменъ, заставилъ насъ сожалѣть, что онъ не болѣе трудился для Таліи.

Изъ совершенства, коего достигло драматическое искусство у какого нибудь народа, можно заключить довольно вѣрно о нравахъ и степени просвѣщенія онаго. Зрѣлища имѣютъ также вліяніе на нравы народные. Они даютъ наставленія, тѣмъ болѣе дѣйствительныя, что кажутся только забавою. Подлыя шутки и кощунства исчезаютъ обыкновенно на театрѣ по мѣрѣ, какъ превосходныя творенія установляютъ вкусъ общества и какъ театръ заслуживаетъ быть предметомъ вниманія просвѣщенныхъ и благородныхъ людей. Красоты Мизантропа не могли еще найти въ свое время довольно зрителей, ибо Мольеръ при-

нужденъ былъ сочинить «Лекаря по неволѣ», чтобъ давать его вмѣстѣ съ «Мизантропомъ». Славный Лопесъ де Вега признавался, что онъ держалъ за ключемъ творенія древнихъ, дабы не стыдиться ихъ такъ часто въ нарушеніи правилъ вкуса, когда сей сочинитель принужденъ былъ сообразоваться съ обычаями своего времени.

Тогда только языкъ достигаетъ совершенства, когда изящные умы раждаютъ въ обществѣ пристрастіе къ твореніямъ своимъ, и когда размышленіе и чувствованіе, предлагаемыя въ разныхъ плѣняющихъ видахъ, могутъ удовольствовать умъ и вкусъ просвѣщенныхъ людей; когда множество оригинальныхъ сочиненій, ознаменованныхъ печатію народнаго умоначертанія, сдѣлаются любимымъ и обыкновеннымъ чтеніемъ всѣхъ возрастовъ и состояній Такимъ образомъ творенія Ломоносова знаютъ наизустъ отъ одного предѣла государства до другого, и просвѣщенные путешественники посѣщаютъ гробницу, которую воздвигъ ему любитель искусствъ. Сей памятникъ дѣлаетъ имъ обоимъ равную честь—и просвѣщенному вельможѣ, и великому стихотворцу.

Пріятно воспоминать государственнаго человѣка, который былъ чувствителенъ къ прелестямъ письменъ и художествъ, и посреди сіянія знатности и попеченій правленія удостоивалъ взорами своими просвѣщеніе, какъ любимецъ Августовъ, или Кольбертъ, давалъ покровительство изящнымъ умамъ, или призывалъ дарованія изъ другихъ земель. По его гласу возвышаются

зданія, которыя удивляютъ отважною огромностію своею, или благородною простотою; волшебство кисти предаетъ безсмертію великія дѣянія и сохраняетъ потомству черты патріотовъ и героевъ; сладостныя согласія возбуждаютъ во глубинѣ души чувствованія, дотолѣ незнаемыя, и соединяясь со стихотворствомъ, воспламеняютъ или укрощаютъ страсти.

Все то, что̀ способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, что̀ приводитъ въ совершенство чувствованіе красоты въ искусствахъ или письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ страстей, отъ неистовыхъ восхищеній гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами поэмы, или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія своего въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпутства, или въ покоѣ подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благотворительности.

—

ПОЛЬЗА ЛОГИКИ И НРАВОУЧЕНІЯ ВЪ ПИСЬМЕНАХЪ.

Прежде нежели писать, надобно умѣть размышлять и чувствовать. Сіи двѣ способности, столько отличающія человѣка, заемлютъ еще болѣе совершенства отъ способности изъяснять мысли голосомъ, — начала, къ которымъ можно привести почти всѣ успѣхи человѣческаго рода въ гражданской жизни. Скудно будетъ краснорѣчіе, когда разумъ не пріученъ думать и сердце не испытало сладостнаго удовольствія быть тронутымъ; когда еще не получилъ онъ сего навыка, который все приводитъ въ порядокъ, извлекаетъ правильныя заключенія, видитъ всѣ побочныя обстоятельства и всему опредѣляетъ настоящее мѣсто; когда недостатокъ знаній ограничиваетъ взоръ нашъ; когда неизвѣстны еще взаимныя сношенія людей, должности, приличности, добродѣтели и пороки. Краснорѣчіе отъ всего сего зависитъ. Оно не есть уединенная наука, одними словами занимающаяся: оно шествуетъ величественно въ препровожденіи философіи и знаній. Какимъ образомъ невѣжда, котораго каждое слово оскорбляетъ вкусъ, котораго разсужденія ложны и мнѣнія странны, какимъ образомъ такой человѣкъ возмечтаетъ преклонять на свою сторону просвѣщенное общество? Живость страсти, отмѣнная чувствительность и дарованіе можетъ иногда служить вмѣсто просвѣщенія и знаній;

но такой счастливый разумъ достоинъ просвѣщенія и съ помощію онаго былъ бы еще совершеннѣе. Въ немъ то же самое есть внушеніе природы, что̀ въ другомъ дѣйствіе ученія. Шекспиръ и Мольеръ родились наблюдателями природы. Самыя игрища послѣдняго исполнены чертами философіи. Драматическіе писатели, ежели они превосходны, суть нѣкоторымъ образомъ учители нравоученія. Заставляя дѣйствовать выдуманныя ими лица, они должны имъ дать чувствованія, страсти, нравы, снятые съ самой жизни, ежели хотятъ нравиться. Тѣмъ живѣе должны быть изображенія ихъ различныхъ характеровъ, что они стѣсняютъ въ меньшее пространство черты, въ настоящей жизни далеко другъ отъ друга разбросанныя. Такимъ образомъ въ Мольеровомъ «Скупомъ» видимъ всю исторію сего порока. Въ Альзирѣ поражаютъ насъ сраженія властолюбія и незлобивости, гордости и человѣколюбія, кротость Америки противуположенная предразсужденіямъ Испанцевъ. Разсмотрѣніе плана, завязки, развязки превосходной трагедіи столько же вводитъ насъ въ употребленіе логики, сколько характеры и страсти оной подаютъ намъ наставленія въ нравоученіи.

ПОНЯТІЕ РИТОРИКИ.

Письмена предполагаютъ себѣ въ предметъ совершенство *красоты нравственной* или *умственной* (le beau idéal). Всѣ усилія ихъ клонятся къ обрѣтенію и подражанію оной.

Не можно понять красоты нравственной, отдѣльной отъ истины и добродѣтели. Одна только душа благородная, одинъ разумъ возвышенный въ состояніи понять и изобразить ихъ достоинство.

Все то худо въ письменахъ, что̀ худо въ нравоученіи и здравомъ умствованіи.

Слѣдовательно прежде нежели писать, надобно умѣть *размышлять* и *чувствовать*.

Сіи двѣ способности даруются природою. Философія приводитъ ихъ въ совершенство. Въ основаніяхъ логики изъясняетъ она *дѣянія разума* и научаетъ употреблять ихъ въ откровеніи истины. Въ наставленіяхъ нравоученія начертываетъ она свойство и происхожденіе чувствованій нашихъ и подаетъ способы къ управленію *воли*. Сіи двѣ науки принадлежатъ къ наставленіямъ *прекрасныхъ письменъ*.

Разумъ, получившій отъ природы счастливѣйшее образованіе, отличенный изобрѣтеніемъ въ искусствахъ, называется геніемъ.

Вѣрное и нѣжное ощущеніе красоты въ природѣ и искусствахъ именуется *вкусомъ*.

Соединеніе генія и вкуса составляютъ великаго писателя.

Ломоносовъ заслуживаетъ быть украшенъ именованіемъ генія. Гомеръ, Софоклъ, Демосѳенъ у Грековъ: Цицеронъ, Виргилій у Римлянъ—сіяющія имена въ исторіи человѣческаго разума.

Въ Корнелѣ удивляются сіянію генія, въ Расинѣ находятъ сей самый геній, украшенный чистотою вкуса.

Есть въ писменахъ нѣкоторый *образецъ вкуса*, единый и непремѣнный. Виргиліевой Энеидѣ удивляются нынѣ такъ же, какъ и семнадцать столѣтій назадъ и во всемъ пространствѣ обитаемаго свѣта.

Законодатели вкуса суть Аристотель, Лонгинъ, Горацій, Буало.

Великіе геніи сотворяютъ сами собою образцы искусствъ, износя ихъ изъ нѣдра природы. Философы разсматриваютъ ихъ и, подвергая воображеніе разсудку, извлекаютъ изъ наблюденія образцовъ правила и начала вкуса.

Гомеръ вліяніемъ собственнаго духа сотворилъ эпическое стихотворство, сочинивъ Иліаду и Одиссею. Софоклъ привелъ въ совершенство искусство трагедіи. Пришедъ послѣ нихъ, Аристотель раздробилъ ихъ творенія и привелъ въ правила эпопею и трагедію. Таково есть начало Піитики.

Послѣ великихъ греческихъ ораторовъ, которые вмѣстѣ и вождями народовъ своихъ были, и которыхъ природныя дарованія приведены въ дѣятельность движеніемъ дѣлъ гражданскихъ,

настали, подъ именемъ риторовъ, учители краснорѣчія.

Знаменитѣйшіе мужи древности, Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ, преподавали ученіе краснорѣчія.

Риторика доставляетъ способы преклонять другихъ на свое мнѣніе силою и пріятностію слова, доказывая, нравясь, трогая. Способъ доказывать заимствуется изъ Логики, искусство нравиться и трогать — изъ Нравоученія.

—

О СЛОГѢ.

Отличное чувствованіе, вкусъ, доставляетъ намъ понятіе о прекрасномъ. Онъ распростираетъ владычество свое надъ искусствами и письменами. Истина имѣетъ основаніе свое на доказательствѣ и разсужденіи. Красоты поэмы или картины убѣгаютъ отъ строгости доказательства. Тонкій разумъ, чувствительное сердце, нѣжный слухъ, одни въ состояніи быть поражены согласіемъ Расина или неизъяснимою пріятностію Лафонтена и творца «Душеньки». Въ ученіи образцовъ должно похитить сію искру чувствительности, которая наполняетъ насъ почтеніемъ и пристрастіемъ къ красотамъ ихъ, простымъ и величественнымъ. Горацій совѣтуетъ безпрестанно поучаться въ Гомерѣ и Платонѣ.

Квинтиліанъ увѣряетъ, что тотъ много уже успѣлъ въ краснорѣчіи, кому нравится Цицеронъ. Прилежное чтеніе лучшихъ писателей языка своего производитъ то же дѣйствіе въ слогѣ нашемъ, что̀ обхожденіе учтивѣйшихъ людей надъ нравами. Составляешь себѣ нечувствительно образъ писанія, который бы присвоили себѣ безъ затрудненія пріятнѣйшіе писатели земли твоей. И скоро невозможно будетъ позволить себѣ несвойственное выраженіе или порочный образъ размышленія. Впрочемъ, главнѣйшія достоинства слога суть ясность и движеніе. Надобно, чтобъ выраженіе представляло вѣрное и полное изображеніе мысли. Все, что̀ изображаетъ менѣе или болѣе настоящаго, ослабляетъ выраженіе. Мысль опредѣляетъ теченіе слога. Самый простой можетъ быть благороденъ. Вмѣстѣ съ содержаніемъ долженъ онъ нисходить или возвышаться. Большія движенія приличны только оратору и высокимъ предметамъ. Такимъ образомъ истинно величественно движеніе нашего священнаго витіи Платона, когда, при гробѣ Петра Великаго, обращаетъ онъ слово къ сему основателю россійскаго флота и повергаетъ къ стопамъ Его флаги турецкіе! Требуется, чтобъ слова избранныя, ясныя, благородныя и въ составленіи своемъ не оскорбляли слуха. И ораторъ наблюдаетъ согласіе періодовъ, хотя не имѣетъ предписанной формы, такъ, какъ стихотворецъ. Есть нѣкоторыя слова и словосочиненія, позволенныя только сему послѣднему. На-

прим. въ сихъ строкахъ можно узнать разбросанные члены стихотворца *:

«Премудраго Россійскаго героя пою, который, города, полки и флоты строя, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ велъ войну со злобой; проходя сквозь страхи, вознесъ свою страну; смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ, разумомъ и рукой свергъ льстивыхъ и дерзостныхъ.»

Пою премудраго Россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ

—

КРАСНОРѢЧІЕ.

Во всѣ времена удивленіе и благодарность человѣческаго рода съ удовольствіемъ установлялись надъ дѣяніями добродѣтельными и памятью мужей великихъ. Краснорѣчіе восприяло на себя сію обязанность вселенной: воздавать именемъ оной похвалу за заслуги. Такимъ образомъ Периклъ и Демосѳенъ увѣнчевали похвалою подвиги храбрыхъ согражданъ своихъ, на войнѣ побіен-

* Disjecti membra Poetae. *Горацій.*

ныхъ. Знаменитый Римлянинъ разставался съ полезною жизнію своею при гласѣ справедливой похвалы, всенародно произносимой. Сей родъ краснорѣчія имѣетъ видъ самый торжественный и можетъ возвышаться къ украшеніямъ стихотворства. Нѣтъ ничего благороднѣе похвалы, когда она произносится съ свободною истиною и прославляетъ полезное достоинство: ничего презрительнѣе, ежели льстецъ унижаетъ дарованіе свое для человѣка сильнаго и порочнаго.

Но краснорѣчіе не ограничиваетъ себя пріятною должностію—воздавать похвалы добродѣтели. Оно преслѣдуетъ порокъ, срываетъ личину съ счастливаго злодѣя и предаетъ его безславію предъ лицемъ вселенной и потомства. Ежели истина и любовь человѣческаго рода управляетъ гласомъ витіи, то добродѣтель не имѣетъ защитника болѣе ревностнаго и болѣе сильнаго, какъ краснорѣчіе. Такимъ образомъ Демосѳенъ гремѣлъ противъ Филиппа и принудилъ идти въ изгнаніе Эсхина. Цицеронъ низвергъ Катилину и заставилъ трепетать Антонія, повелѣвавшаго сильнымъ воинствомъ.

Впрочемъ, древніе раздѣляли краснорѣчіе на три рода: доказательный, разсудительный и тяжебный. Похвала и порицаніе принадлежатъ къ доказательному. Разсудительной занимается присовѣтываніемъ или опровёрженіемъ какого нибудь мнѣнія: должно ли воевать или заключить миръ съ Филиппомъ? Демосѳенъ часто изслѣдывалъ вопросъ сей на стогнѣ Аѳинскомъ.

Менѣе обширенъ, но не менѣе труденъ предметъ тяжебнаго рода. Вездѣ невинность гражданина поставлена подъ обереженіе законовъ. Доброта поступковъ, право собственности, безопасность жизни, суть великіе предметы, призывающіе прозорливость судіи: они суть истолкователи законовъ. Но каждый гражданинъ имѣетъ право защищенія: или самъ собою или заемля краснорѣчіе стряпчаго. Онъ опровергаетъ обвиненія, изъясняя случай свой обстоятельствами или ссылаясь на законы, естественный и гражданскій. Философія, или здравый смыслъ, размышленіемъ въ совершенство приведенный, и законоученіе просвѣщаютъ краснорѣчіе стряпчаго. Въ Греціи и Римѣ знаменитѣйшія особы, Цицеронъ и Демосѳенъ, являлись предъ судилищемъ для обвиненія утѣснителей или оправданія невинныхъ.

Область краснорѣчія неизмѣрима. Не на стогнѣ только, или у ограды судилищъ, расточаетъ оно силу и сладость свою; не преходитъ оно безъ посѣщенія и учебной храмины человѣка тщательнаго и размышляющаго. Безъ помощи гласа, краснорѣчивая книга извлекаетъ слезы чувствованія наставленіями добродѣтели или увлекаетъ разумъ на среду величественнаго позорища природы. Платонъ, и устраняясь отъ шуму дѣлъ гражданскихъ, находитъ въ философіи, надъ чѣмъ изліять сокровища воображенія. Соперникъ его и Демосѳеновъ, Цицеронъ услаждаетъ старость свою начертаніемъ должностей человѣка, наставленій оратору, множества философическихъ опы-

товъ, гдѣ мудрость сочетается съ краснорѣчіемъ. По возрожденіи письменъ въ Европѣ, когда тисненіе разсѣяло знанія по всѣмъ краямъ свѣта, какое соревнованіе верховныхъ разумовъ, просвѣтителей человѣчества! Тамъ возстаетъ Баконъ, возобновитель философіи: опередивъ вѣкъ свой, угадываетъ онъ пространство человѣческихъ знаній; Картезій на развалинахъ древнихъ предразсужденій воздвигаетъ новыя мечтанія, опроверженныя остроумнымъ исчисленіемъ Невтона. Краснорѣчіе присвоиваетъ себѣ откровенія Философіи. Фонтенели, Томасы, Бюффоны напояютъ человѣческій разумъ сіяющими истинами природы. Кто сдѣлалъ добродѣтель любви достойнѣе, какъ мудрый Фенелонъ? Кто чувствовалъ приличности общежитія вѣрнѣе Аддиссона? Кто удобнѣе возвысилъ души къ познанію прекраснаго, какъ Шафтесбюри? Кто болѣе воспламенить ихъ въ состояніи, какъ волшебный творецъ Элоизы? Монтескью изыскиваетъ въ законахъ причины государственнаго благосостоянія. Исторія становится философіею въ описаніяхъ Гюма и Робертсона. Кому неизвѣстны имена д'Аламберта, Дидерота и Мармонтеля, собравшихъ всѣ человѣческія знанія въ единое огромное тѣло? Германія только въ настоящее столѣтіе стала имѣть свою собственную литературу, отъ небреженія въ которомъ природный языкъ свой содержала. Но множество писателей сіяющихъ и философическихъ поставили ее на чреду английской и французской. Довольно назвать Лессинга,

Виланда, Гёте, соединившихъ вкусъ писанія съ истинною философіею. Россійскія письмена украшены счастливымъ разумомъ Ломоносова. Къ сіяющему дарованію стихотворца, присоединилъ онъ глубокія знанія въ наукахъ. Сладостнымъ выраженіемъ своимъ облекалъ онъ попеременно искусство писанія, отечественную исторію и откровенія свои въ природѣ: послѣдователь Невтоновъ, раздробляетъ онъ лучи солнечные; соперникъ Франклиновъ, онъ дерзаетъ отгадывать законы электрической силы: Вездѣ образецъ языка, властитель слушателей своихъ согласіемъ слова и благородствомъ изображенія, онъ сообщаетъ соотечественникамъ своимъ соревнованіе мыслить и чувствовать.

—

ОТРЫВКИ ОБЪ ЭПИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

I.

Всякое искусство имѣетъ различные роды. Стихотворство не знаетъ величественнѣе Эпопеи. Картина, изображающая дѣйствіе единое, полное, способное тронуть сердце и удивить разумъ, соединяющая вѣроятное съ чудеснымъ — таково есть твореніе эпическаго стихотворца. Сіе предпріятіе превышаетъ силы смертнаго. Существо

небесное, муза, удостоиваетъ повѣствовать ему подвиги героевъ и участіе въ оныхъ боговъ. Симъ способомъ земля, небо, преисподняя, вся природа подвержена волѣ стихотворца, который можетъ обладать по изволенію душею читателя. Онъ пользуется совершенно правомъ творенія, отличительнымъ знаменіемъ геніевъ. Таковъ былъ сей величественный Грекъ, котораго творенія остались памятникомъ героическихъ временъ. Гомеръ первый явился на эпическомъ поприщѣ, и далеко за собою оставилъ всѣхъ своихъ послѣдователей. «Иліада» и «Одиссея», прославляя начало греческой славы, остались навсегда неподражаемыми образцами эпической поэмы. Не взирая на грубость нравовъ, отличающую раждающіяся общества, онѣ восхищаютъ разумы всѣхъ странъ и столѣтій. Никто не приблизился къ Гомеру болѣе Виргилія, сіяющаго избранностію слога и чистотою вкуса. «Энеида», хотя и не можетъ похвалиться всею силою твореній Гомеровыхъ, но все остается выше порицаній и восхищаетъ равно сердце и разумъ. По возрожденіи письменъ, общее соревнованіе коснулось всѣхъ народовъ. Въ Италіи всѣхъ прежде Аріостъ и Тассъ, въ Португаліи Камоэнсъ, въ Англіи Мильтонъ, возвысили отечественные языки произведеніемъ славныхъ эпическихъ поэмъ. Франція, послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, [illegible]жена сею честію въ нынѣшнемъ сто[illegible]теру, Германія Клопштоку. Творені[illegible] и Хераскова украшаютъ письмен[illegible]

—

II.

Чѣмъ живѣе и блистательнѣе воображеніе, которымъ одаренъ писатель, тѣмъ яснѣе представляются картины, которыя сообщаетъ онъ читателямъ. Столь сильно право великаго духа надъ умами общества, что они съ удовольствіемъ увлекаются въ ту сторону, въ которую онъ ихъ устремляетъ. Таково есть волшебство прекрасныхъ искусствъ. Стихотворство произвело его многократно въ безсмертныхъ сочиненіяхъ, которыя останутся навсегда удивленіемъ потомства. Каждая строка «Иліады» воспламеняетъ геройствомъ. Добродѣтели, болѣе любви достойныя, сострадательность, человѣколюбіе, благотворительность, украшаютъ героя «Энеиды». Кажется, становишься Трояниномъ и ступаешь по дымящимся развалинамъ собственнаго отечества, читая трогающее повѣствованіе Энеево о сей ужасной нощи, которая была послѣднею для Трои. Вторая книга Энеиды есть поражающая и величественная картина; чтеніе оной производитъ то же дѣйствіе, какое зрѣніе лучшей Рафаэлевой. Возвышается обыкновенное воображеніе и, разгоряченное Виргиліевымъ, переноситъ оно въ бытіе счастливыя его мечтанія. Слова читаются только глазами; но разумъ въ пріятномъ восхищеніи мыслитъ видѣть самыя вещи, какъ-бы присутственныя. Онъ обитаетъ на вершинѣ неприступныхъ горъ или въ пріятной долинѣ при

извивающемся источникѣ, тамъ, куда угодно было перенести его всесильному мечтанію стихотворца. Живописецъ изображаетъ одно мгновеніе дѣйствія, лицы его сохраняютъ одно положеніе: стихотворецъ можетъ представлять дѣйствія въ послѣдовательномъ движеніи. Подобенъ величественной рукѣ, повторяющей на тихой поверхности своей предметы, которые она на пути своемъ срѣтаетъ, стихотворецъ начертываетъ дѣйствіе съ самаго начала до конца со всѣми перемѣнами и побочными обстоятельствами. Сіяющъ радостію, мраченъ, нѣженъ, ужасенъ, онъ можетъ переходить изъ сраженій въ безмолвную хижину пастыря. Всѣ положенія природы, всѣ мѣста вселенной повинуются его живописи: вѣчная весна острова Калипсы, или буря, которая мещетъ на ея берегъ Улисса, равно благопріятны стихотворству. Оно дѣлаетъ болѣе: паритъ за предѣлы вселенной и выводитъ новыя существа изъ нѣдра возможностей. Мильтонъ дѣлаетъ насъ жителями земного рая. Мы разговариваемъ съ первымъ человѣкомъ, слышимъ бесѣды его съ снисходящимъ ангеломъ. Онъ разсѣяваетъ вѣчный мракъ и представляетъ ужасное жилище плача, заточеніе падшихъ ангеловъ. Тассо изъ Океана выводитъ прелестный островъ, стрегомый чудовищами, гдѣ плѣнникъ Армиды, нѣкогда храбрый Ринальдъ, забываетъ должность и славу.

—

О ВИРГИЛІИ

Публій Виргилій Маронъ, сынъ убогаго ремесленника Марона и Маіи, родился въ селѣ Андахъ, въ окрестностяхъ мантуанскихъ, отъ созданія града въ лѣто 683, въ первое консульство Помпея и Красса. Воспитанъ до 17 года возраста своего въ Кремонѣ и надѣлъ тогу въ самый тотъ день, когда стихотворецъ Лукрецій, въ изступленіи разума своего, умертвилъ самъ себя. Примѣчанія достойно, что сіе происходило во второе консульство тѣхъ же самыхъ Помпея и Красса. Изъ Кремоны Виргилій ѣздилъ въ Медіоланъ и Неаполь, гдѣ прилежалъ не токмо къ свободнымъ наукамъ, но и къ математикѣ и къ врачебному искусству. Тогда происходила бѣдственная республикѣ Филлипійская Битва. Граждане кремонскіе за то, что прилѣплены были къ сторонѣ противной Августу, принуждены были терпѣть отлученіе своихъ земель. Побѣдитель раздѣлилъ ихъ владѣнія воинамъ своимъ, — обыкновеніе, всегда продолжавшееся въ воинствахъ римскихъ, кольми паче въ междоусобіяхъ. И кажется, что предводитель имѣлъ и права столько изнурять ихъ въ станѣ своемъ, сколько обѣщалъ имъ своевольства и расхищенія въ отечествѣ. Августу надобно было найти только какую нибудь причину изгнать законныхъ владѣльцовъ.

Для него было все равно, ту или другую область постигалъ сей жребій: преимущественно избиралась та, которая удовлетворяла корыстолюбію воиновъ. По случаю, Кремона была столько несчастлива, что побѣдителя не предузнала; а какъ одной ея области не доставало для насыщенія воиновъ, то въ ея же осужденіе вовлечена была и Мантуа. Лишенъ и Виргилій своего удѣла, и сотникъ Аррій изгналъ его изъ онаго. Сей-то есть первый случай, что Виргилій принужденъ былъ отправиться въ Римъ. Возбужденъ своимъ несчастіемъ, напрягъ онъ всѣ силы и способности своихъ дарованій: кромѣ ихъ не имѣлъ онъ никакого покровителя. Пришелъ въ знакомство и милость Вара, который былъ при раздѣлѣ кремонскихъ земель; а посредствомъ его введенъ къ Полліону и Меценату и заступленъ у Августа, который и возвратилъ ему назадъ его владѣніе. Въ сіе время, на 28-мъ году возраста своего, написалъ онъ свои эклоги, совершеннѣйшія въ своемъ родѣ стихотворенія и которыя, кажется бы, еще лучше были, когда бы благосклоннѣйшія обстоятельства оставили всю душу его единственно въ нѣдрахъ природы, а не увлекали ее на позорища рабства, междоусобія и расхищеній. Но какъ содержаніе эклогъ его, по большей части иносказательное, то и проницаетъ оно сквозь покровъ свой, хотя и нѣжнѣйшею рукою накинутой. Подъ тѣнію ульмовъ разглашаются раздоры и бѣдствія Рима.

Тамъ бѣдный житель, хищною рукою воина изгнанный, отъ безмолвнаго жилища своего и милой нивы отлучается, и насилу довлачась, съ счастливымъ Титиромъ бесѣдуетъ, который опять между знакомыми источниками, подъ прохладною тѣнiю покоится. Индѣ нѣжныхъ козленковъ робкiй настухъ несетъ своему грабителю, который едва-было не умертвилъ Меналка. Во всѣхъ сихъ, впрочемъ прекраснѣйшихъ картинахъ, видно намѣренiе стихотворца умилостивить или восхвалить Августа. Съ исчезающими понятiями равенства и невинности, и обманывающая насъ милая мечта исчезаетъ—и въ пастухѣ узнаемъ Виргилiя. Ничто не можетъ болѣе засвидѣтельствовать тихости и нѣжности его нрава, какъ сiе самое, что первое избранiе его склонилось на эклогу. И дѣйствительно, кажется, онъ къ ней счастливо и особливо рожденъ въ самыхъ тѣхъ творенiяхъ, гдѣ уже сельскую свирѣль отлагаетъ, а только изрѣдка возвращается къ прелестнымъ картинамъ природы, ею воспѣваемымъ. Что можетъ быть сладостнѣе прекраснаго отступленiя о похвалахъ сельской жизни, заключающаго вторую книгу «Георгиковъ»? Кто другой умѣетъ такимъ обворожающимъ голосомъ сочетать милую простоту съ величественнымъ восхищенiемъ? Какими благородными ощущенiями должно имѣть наполненную душу, чтобъ заставить позавидовать состоянiю убогаго старца, трудящагося надъ малымъ своимъ садомъ и который по выраженiю его:

Сокровища царей душею замѣнялъ
И, въ позднюю ночь подъ кровъ склонясь домашнiй,
Столы обременялъ некупленными брашны.

Георг. Кн. I.

Кисть его никогда не оставляетъ неотдѣланныхъ и безпорядочныхъ чертъ: совершенное искусство сопровождаетъ ее во всѣхъ оборотахъ, но не дѣлаетъ выраженiя его сухимъ и жесткимъ. Нигдѣ нѣтъ лишняго! Состраданiе и нѣжность дышутъ въ стихахъ его, и никто изъ стихотворцевъ не разумѣлъ болѣе благопристойности и благородства.

Горацiй, исчитая стихотворцевъ современниковъ своихъ, говоритъ, что на Поллiоновъ жребiй досталось представлять печали трагическiя, что эпическая труба принадлежитъ Варiю.

А голосъ нѣжныя и сладостной свирѣли
Марону сельскiя дать музы захотѣли.

Сiе должно разумѣть о томъ времени, когда еще не писалъ Виргилiй «Энеиды». Извѣстно, что говоритъ объ ней Проперцiй:

Умолкните, творцы и Рима и Эллады, —
Здѣсь нѣчто болѣе родится Илiады.

Сiе *нѣжное* и *сладостное*, приписываемое Виргилiю Горацiемъ, принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ его. Если бы мы и не имѣли досто-

вѣрныхъ свидѣтельствъ изъ древности о кротости и цѣломудріи его нрава, то могли бы отгадать сіе безъ ошибокъ. Не можно столько изобиловать описаніемъ лицъ, любви достойныхъ, не будучи изъ числа оныхъ. Всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ хочетъ привесть въ любовь къ читателю, описываетъ онъ съ столь выгодной стороны для нихъ и вмѣстѣ для себя, что никогда не минуетъ своей цѣли. Мы видимъ, что Гомеръ, который столько умѣетъ различать свойства своихъ героевъ, по большей части прославляетъ ихъ со стороны храбрости и иногда удивляется въ нихъ свирѣпству. Виргилій никогда не увлекается въ своемъ удивленіи къ сей добродѣтели изъ настоящихъ предѣловъ. Онъ столько соединяетъ вмѣстѣ любезныхъ свойствъ, по большей части имѣющихъ основаніе въ чувствованіяхъ, что воинская добродѣтель есть какъ-бы оныхъ спутница и идетъ за ними и безъ напоминанія. Онъ знаетъ, что храбрость есть иногда и участь жестокости и злодѣйства. Мезенціева холодна и столько же ужасна, какъ онъ. Но и его умягчаетъ горячность отеческая, когда приносятъ къ нему окровавленнаго, бездушнаго Лавза, который щитомъ своимъ отторгъ его кончину и заступилъ его мѣсто въ сраженіи. Вотъ торжество Виргиліево! Картина, писанная лучшимъ живописцемъ сердца человѣческаго, поражающая всякаго, кто чувствуетъ удовольствіе примѣчать движеніе онаго.

Множество по мѣстамъ, какъ въ Энеидѣ, такъ и въ другихъ его писаніяхъ, разсѣянныхъ мнѣній, изъявляютъ также чувствительность и нѣжность его сердца. Не можно изобразить чувствованія и вложить его въ уста другого безъ того, чтобъ не прошло оно чрезъ душу писателя и чтобъ самъ онъ не имѣлъ съ нимъ нѣкотораго сострастія. Кто въ состояніи изобрѣсти эпизодъ Низа и Эвріала, кромѣ страстнаго и чувствительнаго сердца, которому извѣстны всѣ нѣжности дружбы, умиленія, жалости, любви матери, всѣ изступленія храбрости и отреченія самого себя? Въ такой степени одушевленія, вымыслы стихотворца перестаютъ быть вымыслами: они самая истина природы. Какое мгновеніе для самого Виргилія, когда, при чтеніи шестой книги, увидѣлъ онъ чувствительную мать, сестру Августову, пришедшую въ изнеможеніе при горестныхъ и прекрасныхъ стихахъ, которыми предалъ онъ безсмертію юнаго сына ея, Маркелла, въ цвѣтѣ лѣтъ отъ объятій ея похищеннаго!

Ежели могутъ добродѣтель, достоинство человѣка, великія дарованія разума и сердца представлены быть подъ чувствительнымъ и величественнымъ видомъ въ очахъ тщательнаго наблюдателя, то, безъ сомнѣнія, Энеида являетъ намъ сію важную и трогающую картину. Виргиліевъ герой не есть свирѣпый завоеватель, изникающій изъ состоянія дикости и сіяющій только храбростью. Эней защищаетъ отеческій градъ, доколѣ просвѣщенный взоръ его не увидитъ боговъ,

трудящихся въ испроверженiи Трои. Какое творенiе, сiя кипящая всѣми страстями, вторая книга Энеиды! Но какъ скоро нѣтъ отечества, Энею остается древнiй отецъ и боги и Асканiй. Ему предоставлено спасти Трою и посѣять надежду Рима. Сколько препятствiй, сколько трудовъ! Юнона мститъ еще обиду Парисову и надъ остатками Трои; бури повергаютъ героя въ пагубнѣйшее пристанище. Наше сердце почти со стороны Дидоны и несчастiя чувствительной женщины заставляютъ позабыть сiяющую судьбу Рима. Одинъ Расинъ могъ бы написать четвертую книгу Энеиды, такъ, какъ одинъ Виргилiй написалъ бы Федру.

Какое неподражаемое совершенство искусства! Какое стихосложенiе сладостное, величественное прекрасное! Какая живопись! Никто изъ позднихъ послѣдователей Виргилiя не постигъ сего образца красоты, ни пышный Стацiй, ни слабый Силлiй Италикъ, ни надутый Клавдiанъ. Таинства эпическаго стиха послѣдовали во гробъ за Виргилiемъ.

Глава римскихъ стихотворцевъ не довольствовался быть только стихотворцемъ. По примѣру предшественника своего, Гомера, но въ другое просвѣщеннѣйшее время, онъ располагалъ всѣми сокровищами человѣческихъ знанiй: глубокiя свѣдѣнiя въ древности, въ исторiи, философiи, градоправительствѣ, въ природѣ, въ искусствахъ сiяютъ въ божественныхъ стихахъ его и производятъ чистѣйшее наслажденiе разума. Виргилiя

не можно читать однажды; не можно утомиться безпрестаннымъ чтеніемъ.

Гомеръ поставленъ ближе къ природѣ и къ первымъ вѣкамъ общества, можетъ быть, гордѣе, огромнѣе, сильнѣе дарами духа: Виргилій имѣетъ Гомера предъ собою; украшенъ просвѣщеніемъ, природою, расположенъ ко всѣмъ нѣжнѣйшимъ ея впечатлѣніямъ, онъ придалъ Гомеровымъ идеямъ послѣднее совершенство. Ежели древность поставила храмы Гомеру, Виргилій обоготворилъ его настоящимъ образомъ, ставъ его подражателемъ.

Пріятно было Римлянамъ, завоевателямъ міра, видѣть въ Энеидѣ младенчество Италіи и телицъ, пасущихся на стогнѣ, въ виду Капитолія. Съ какимъ искусствомъ противополагаетъ Виргилій сельскую хижину Эвандра чертогамъ Августа и седьми возвышеніямъ, толико прославившему въ теченіе вѣковъ, смиренные холмы безъ имени.

Критики находятъ послѣднія шесть книгъ менѣе превосходными, хотя тысящи драгоцѣнныхъ подробностей дѣлаютъ чтеніе ихъ привлекательнымъ, хотя кисть живописца не менѣе счастлива, изобильна и трогающа. Какое противоположеніе Мезенція и Лавза, свирѣпаго отца и любви достойнаго сына! Какая величественная жалость въ погребальномъ великолѣпіи Палланта, въ горести Эвандра! Какая дѣятельность въ подвигахъ Энея!

Въ первыхъ шести книгахъ Виргилій имѣлъ въ пользу свою предубѣжденіе всей древности ко

всему тому, что́ касалось славной осады Троянской. Предъ нимъ шелъ Гомеръ, а онъ какъ будто вступалъ въ его наслѣдіе. Тамъ каждый полководецъ—богъ и каждый во́инъ—герой. Каждая долина, каждый кустъ полнъ присутствіемъ таящагося божества. Здѣсь входитъ Виргилій совсѣмъ въ новую землю. Ему надобно было извлечь изъ собственнаго сокровища Турна, Лавза, Палланта; новыя выдумать черты чудесности; богами населить воды и рощи Авзонскія. Кто былъ Латинъ прежде Виргилія? Какъ же требовать сравненія между имъ и Пріамомъ? А притомъ и самая сила чудесности не такъ дѣйствовала во времена Августовы, какъ между современниковъ Гомеровыхъ; хотя, впрочемъ, избраніе героя въ лицѣ Энея благочестиваго, сына богини, было чрезвычайно выгодно для естественнаго введенія чудесъ и боговъ. Луканъ не могъ ввести Венеру и Марса въ Фарсалу. Въ Иліадѣ и Энеидѣ они необходимы. Да будетъ воздана благодарность Августу, не за то только, что онъ покровительствовалъ Виргилію въ живыхъ, но и за то, что спасъ Энеиду отъ пламени, къ которому осудилъ ее неудовольствованный творецъ. Какое долженствовало быть понятіе Виргиліево о совершенствѣ, ежели твореніе, составляющее предметъ удивленія позднягo потомства, казалось ему мало достойнымъ явиться суду просвѣщеннаго общества! Можетъ быть, было сіе въ Виргиліи новая дань почтенія Гомеру. Чувствовалъ, конечно, сей кроткій творецъ, что въ Георги-

кахъ превзошелъ онъ Гезіода. Двѣнадцать лѣтъ боролся онъ съ Гомеромъ; но сей сіяющій геній долженъ былъ остаться безъ равнаго на поприщѣ искусствъ. Виргилій слѣдуетъ Гомеру; но ближе къ первому, нежели къ третьему въ ряду эпическихъ стихотворцевъ, какъ примѣчаетъ римскій учитель краснорѣчія. Какъ дидактическій писатель, Виргилій не имѣетъ равнаго. Какое дарованіе, изобразившее въ себѣ попеременно Θеокрита, Гезіода и Гомера!

О ПАСТУШЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

Науки и искусства обязаны происхожденіемъ своимъ успѣхамъ общественной жизни; но самыхъ величественныхъ и нѣжнѣйшихъ произведеній разума первое начало уже можно назначить подъ тѣнью дуба, который служилъ убѣжищемъ дикому. И особливо пастушеское стихотворство имѣетъ близкое сродство съ образомъ жизни пастырскихъ народовъ. Еще нынѣ изображаетъ оно невинность перваго вѣка, сельскія упражненія и пастуховъ, воспѣвающихъ пріятности природы. Гомеръ наполнилъ творенія свои описаніями, изъ сельской жизни заимствованными. Но Θеокриту осталась честь быть образцомъ стихотворства пастушескаго. Его

идиллiи сохраняютъ свѣжее напечатлѣнiе простоты и природы. Сицилiя, славная плодородiемъ и красотою мѣстоположенiй своихъ, приписываетъ себѣ рожденiе пастушескаго стихотворства и славнѣйшихъ творцевъ Буколическихъ. Послѣдователи Θеокрита Вiонъ и Мосхъ, оставили стезю учителя своего и положили болѣе остроумiя въ сладостныхъ произведенiяхъ своихъ. Во дни Августа, вождь стихотворцевъ римскихъ, Виргилiй, возвратилъ свирѣли ея согласiя. Но въ эклогахъ своихъ, часто, подъ видомъ пастырскихъ приключенiй, Римлянинъ сокрываетъ мятежныя перемѣны республики и дѣлаетъ лѣса достойными консула. Съ возрожденiемъ письменъ послѣ общаго варварства, ожило пастушеское стихотворство въ прекрасномъ климатѣ Италiи, хотя часто бывало обезображено или рабскими подражанiями древнимъ, или излишнею любовiю остроумiя. Въ письменахъ французскихъ *Раканъ*. госпожа *Дезульеръ* и *Фонтенель* отличили себя въ семъ родѣ писанiя. Но ничто не можетъ сравняться съ сельскими картинами *Томсона*, стихотворца англiйскаго, который въ поэмѣ своей *Годовыя времена* (The seasons) представляетъ неподражаемымъ образомъ величество природы. И въ наше время, Геснеръ, въ трогающихъ идиллiяхъ и пастушескихъ поэмахъ достигъ Θеокрита.

—

О ДЕКЛАМАЦІИ.

Эсхинъ, славный ораторъ аѳинской, уступавшій въ краснорѣчіи одному только Демосѳену, потерявъ на судѣ тяжбу, которую имѣлъ онъ съ симъ соперникомъ своимъ въ правленіи и краснорѣчіи, осужденъ былъ идти въ изгнаніе. Сыскавъ убѣжище въ Родосѣ, основалъ онъ училище краснорѣчія. Все юношество родосское спѣшило воспользоваться наставленіями сего славнаго ритора. Эсхинъ предложилъ имъ тяжбу свою, напередъ читалъ рѣчь, которую онъ произнесъ противъ Демосѳена. Слушатели убѣждены были силою витійства его. Общія рукоплесканія. Потомъ прочелъ имъ рѣчь Демосѳенову. Всѣ перешли на сторону его соперника и поняли, что народъ Аѳинскій могъ осудить Эсхина. Но сей, недовольный еще изумленіемъ Родосцевъ, съ восторгомъ возопилъ имъ: «Что жъ бы вы тогда сказали, когда бы вы слышали самого Демосѳена, произносящаго рѣчь свою?» Столько силы полагалъ ораторъ сей въ искусствѣ произнесенія! Оно составляетъ особливую часть краснорѣчія. Требуется неотмѣнно, чтобы внѣшній видъ, поступки, тѣлодвиженія, голосъ оратора имѣли въ себѣ нѣкоторое привлекательное благообразіе и всю возможную пристойность. Самая краснорѣчивая рѣчь, произнесенная худо, теряетъ свою силу. Декламація (такъ называется сіе искусство оратора) особливо приводится въ совершенство

на театрѣ. Цицеронъ сматривалъ со вниманіемъ игру Росція, славнаго дѣйствователя. Аѳинскій Народъ имѣлъ столь нѣжный слухъ, что одно слово, худо произнесенное дѣйствователемъ, привлекало негодованіе его. Можно узнать по чтенію, понимаетъ ли чтецъ то, что онъ читаетъ. Есть множество голосовъ, которые природа сама влагаетъ для сообщенія мыслей нашихъ и состоянія душевнаго. Иначе мы подтверждаемъ, иначе сомнѣваемся. Вопросъ отличенъ отъ отвѣта. Всѣ чувствованія, радость, печаль, надежда, страхъ, желаніе, зависть, человѣколюбіе имѣютъ свой особливый языкъ. Рѣчи, въ которыхъ нѣтъ никакой страсти, должны быть читаны просто, безъ напряженія; но надобно, чтобы голосъ всегда вмѣстѣ съ смысломъ оканчивался. Чтобъ не однимъ языкомъ читано было, но и мыслію и вниманіемъ. Надобно, чтобы голосъ пріятно для слуха и согласно съ разумомъ перемѣнялся. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ слышать безпрестанно одинъ и тотъ же напѣвъ. Голосъ долженъ быть природный, не рѣзкій и не глухой. Слова должны быть явственно выговариваемы. Не раздѣлять тѣхъ, которыя соединены однимъ смысломъ. Въ упражненіи надобно до того дойти, чтобъ чувствовать удовольствіе отъ собственнаго чтенія. Можно ли читать одинакимъ образомъ два слѣдующіе примѣра? «Есть ли на свѣтѣ кто нибудь «меня счастливѣе? Я спасалъ жизнь несчастнаго «и нашелъ въ немъ нѣжнѣйшаго друга моего «младенчества? — «Куда я скроюсь? Я могъ по-

«забыть своего благотворителя! Я чувствую, что «я не достоинъ жизни!»

—

ПРЕДПОЧТЕНІЕ ПРИРОДНАГО ЯЗЫКА.

Не можно исчислить, сколь много способствуетъ къ сіянію, славѣ и просвѣщенію государства попеченіе, прилагаемое къ очищенію языка и ободреніе превосходныхъ писателей. Чѣмъ болѣе вкусъ чтенія становится общимъ, тѣмъ болѣе число полезныхъ истинъ увеличивается, тѣмъ болѣе просвѣщеніе разливается во всѣхъ состояніяхъ народа. Не многіе пользуются выгодами тщательнаго воспитанія; но всѣ, привлекаемые прелестью чтенія, отлагаютъ нѣсколько минутъ отъ обыкновенныхъ упражненій своихъ, или самаго отдохновенія, на возобновленіе прежнихъ знаній или пріобрѣтенія новыхъ. Писатели, въ новыхъ и пріятныхъ видахъ представляя общія истины нравоученія, наблюденія, учиненныя надъ сердцемъ и разумомъ человѣческимъ, и важныя правила государственнаго благополучія, пріучаютъ нечувствительнымъ образомъ разсматривать съ большимъ вниманіемъ все, что̀ происходитъ вокругъ насъ. Они даютъ цѣлому народу яснѣйшій взоръ на вещи, болѣе откровенія въ разумѣ, болѣе кротости во нравахъ. Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи

и поведеніи людей, по мѣрѣ, какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ, какъ въ католицкихъ областяхъ Нѣмецкой Земли понятія народныя омрачены грубостью суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ сихъ послѣднихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда и Клопштока. Перемѣна въ разсужденіи нѣмецкаго языка была столь быстра и внезапна, что Великій Фридрихъ, воспитанный во вредномъ предразсужденіи противъ своего природнаго языка, не могъ быть переувѣренъ въ томъ, что современные съ нимъ стихотворцы и писатели нѣмецкіе не имѣютъ уже ничего общаго съ педантами, которые имъ предшествовали. Напрасно славный министръ его Герцбергъ,—съ которымъ онъ иногда снисходилъ отъ государственныхъ дѣлъ къ предметамъ вкуса и умствованія, — старался ему доказать, что презрѣніе его къ отечественному языку несправедливо. Фридрихъ Великій предпочиталъ французскій языкъ своему природному. Онъ не принималъ въ уваженіе, что и французскій языкъ достигъ сего сіянія въ столѣтіе Лудвига XIV по большей части помощію сильнаго покровительства, коего монархъ сей удостоивалъ великихъ

писателей. Расинъ и Буало, принятые въ отборное его общество, последовали ему въ блестящихъ его походахъ или увеселительныхъ путешествiяхъ. Корнель на одрѣ смерти чувствовалъ доказательства благоволенiя его. Часто Мольеръ читывалъ ему еще неоконченныя свои комедiи, и между тѣмъ, какъ лицемѣрiе и безразсудное мщенiе хотѣли похитить торжество его запрещенiемъ играть «Тартюфа,» оскорбленный живописецъ сердца посылалъ одного изъ товарищей своихъ во Фландрiю, въ лагерь Людвига Великаго, съ прошенiемъ защитить безсмертное его произведенiе. Монархъ-побѣдитель не считалъ за униженiе покровительствовать дарованiе, которое дѣлало честь вѣку его и, можетъ быть, будущимъ. Кромѣ сихъ великихъ писателей, не было придворнаго человѣка, благородной женщины, которые не умѣли бы изъясняться съ прiятностью и не полагали въ числѣ отличiй своихъ преимущество хорошо говорить и писать на природномъ языкѣ. Многiя дамы — украшенiе пола своего, влiяли природныя и неподражаемыя прiятности своего разума въ сочиненiя, повидимому легкiя и нетщательныя, но къ которымъ не можетъ подделаться никакое искусство: госпожа Севинье, Лафайетъ и другiя. Уединенный ученый не можетъ перенять сихъ нѣжныхъ оборотовъ языка, введенныхъ употребленiемъ общества. Прилежанiе и разсѣянiе попеременно способствовали къ обогащенiю языка толь многими прiятностями, что онъ внесенъ почти въ число

классическихъ языковъ Европы, не преставъ быть, какъ древніе, живымъ языкомъ народнымъ.

—

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ПИСЬМЕНЪ.

Сіяніе, которое письмена начинаютъ распростирать между нами, послѣдуя толь близко подвигамъ, прославляющимъ имя Россійское, заслуживаетъ по справедливости вниманіе общества. Оно, какъ судія рожденный произведеній разума, и услаждаясь исполненіемъ правъ своихъ, можетъ быть, найдетъ нѣкоторое удовольствіе объять единымъ взоромъ съ происшествіями, вліяніе и важность письменъ. По крайней мѣрѣ, кажется мнѣ, что опредѣлить необходимое и сокровенное существованіе ихъ въ нѣдрѣ природы; назначить обстоятельства, благопріятствующія первому ихъ явленію и послѣдовать за ними въ безпрерывномъ повѣствованіи отъ ихъ начала до настоящаго времени; наконецъ, показать неразлучное совокупленіе успѣховъ ихъ съ успѣхами и преобращеніями гражданскаго общества — не есть предметъ, недостойный наблюденія. Оставляя счастливѣйшимъ разумамъ представить сіе въ полной картинѣ, я удовольствуюсь одними легкими чертами.

Довольно единаго воззрѣнія на окружающую насъ природу, чтобъ быть поражену стройною

многоразличностью вещей. Отсюда являются въ чувствахъ нашихъ сокровища творенія. Сіи безпредѣльныя пространства небесныя, въ которыхъ утомляется полетъ мысли, земля, обширное жилище всего движущагося, одѣянная и украшенная богатствомъ произведеній, горы, холмы, рѣки и [illegible] величественно вливающіяся въ глубины морей; безчетное множество существъ особенныхъ, живущихъ, движущихся и населяющихъ сушу, воды и воздухъ. Посреди ихъ человѣкъ — [illegible] творенія Божія, повелѣваетъ [illegible] природы. Онъ одинъ наслаждается сими картинами міра; одинъ въ состояніи постигнуть совокупность и благообразіе вещей, восходить къ первой причинѣ оныхъ, мыслить, изображать, [illegible] дѣла прошедшія и настоящія и [illegible] всегда [illegible] представить себѣ будущее. Два божественныхъ дарованія — слово и разумъ, возвышая его безъ сравненія надъ стадомъ животныхъ, приводятъ его въ состояніе дѣйствовать надъ природою.

Сими двумя орудіями, разумомъ и словомъ, покорилъ онъ себѣ и дикихъ животныхъ, защитилъ себя отъ хищныхъ, основалъ города и общества и самъ себѣ предписалъ законы. Онъ одинъ имѣетъ семейство, отечество; а между тѣмъ, какъ страхъ кажется быть единымъ средствомъ, укрощающимъ животныхъ, стыдъ и совѣсть управляютъ сердцемъ человѣка.

Разумный и мыслящій человѣкъ одинъ въ состояніи наслѣдовать [illegible]: между тѣмъ

какъ невѣжда осужденъ препровождать въ презрительной праздности или трудѣ единственно тѣлесномъ жизнь тяжкую и никакою пріятностью не украшенную.

То же различіе, которое унижаетъ невѣжду передъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, примѣчается и между народами вообще. Между тѣмъ какъ просвѣщеніе здѣсь одушевляетъ громаду государства, вноситъ въ оное изобиліе и счастіе, и рукою искусствъ поправляетъ даже и немилосердіе климата: тамъ, подъ полосою неба, самою благопріятнѣйшею, нѣсколько томящихся семей дикаго племени, безъ знаній, безъ радостей общежитія, вооруженныхъ одними грубыми орудіями разоренія, странствуютъ печально въ пустыняхъ, по стезямъ убѣгающихъ звѣрей.

Языкъ сообразуется всегда со степенью просвѣщенія, которой достигъ народъ, его употребляющій. Недостаточенъ, грубъ, безъ красоты и согласія у дикихъ, онъ заключаетъ столько словъ, сколько народъ знаетъ нуждъ и ощущеній. Медлительное послѣдованіе времени расширяетъ округъ понятій и обогащаетъ языкъ новыми выраженіями. Одни сильные и знаменитые народы говорили прекрасными и обильными языками, которые пережили и паденіе своихъ народовъ, увѣковѣченные въ книгахъ великихъ писателей. Таковы суть языки греческій и латинскій, которые составляютъ услажденіе людей изящнаго вкуса и дарованій и сохраняютъ образцы писанія для всѣхъ языковъ и столѣтій.

Болѣе всѣхъ народовъ Греки имѣли вѣрное ощущеніе согласія и воображеніе, способное быть трогаемо силою витійства. Образъ ихъ жизни, обряды, правленіе, все содѣйствовало у нихъ успѣхамъ краснорѣчія, образованію языка. Римляне, озабоченные единственно искусствами войны, позднѣе приложили старанія о словѣ. Обращеніе съ побѣжденными Греками возбудило въ нихъ соревнованіе. Но оно было всеобщее и произвело успѣхи удивительные. Цицеронъ предпріялъ и успѣлъ похитить у Грековъ послѣднее ихъ владычество, славу краснорѣчія.

Въ то время крайняя сила и просвѣщеніе соединились въ Римѣ. Кесарь, увеличившій римскій свѣтъ присовокупленіемъ Галліи и дотолѣ невѣдомой Британіи, тою же рукою, которою покорялъ народы, начертывалъ записки походовъ своихъ, могущихъ служить правилами и слога и войны.

Такимъ образомъ цвѣтущее состояніе письменъ всегда встрѣчается съ знаменитѣйшими періодами государственнаго могущества. Языкъ только тогда пріемлетъ на себя званіе прекраснаго и выработаннаго языка, когда разумъ и вкусъ народа достигли высшей степени изящества, тогда же становится онъ и предметомъ государственнаго вниманія. Пріобрѣтая болѣе гибкости и выраженій, слово наполняется всѣми оттѣненіями мысли. Изображаемая чувствительными и послѣдовательными знаками, мысль выражается сильнѣе и богатѣе. Взаимнымъ сліяніемъ

слово и разумъ достигаютъ вмѣстѣ послѣдней черты совершенства.

Мыслить человѣку свойственно отъ природы. Но мысль мгновенная, одинокая, безъ сопряженія съ другими, безъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ пособій, была бы скудна и безплодна. Слова, столь же преходящія какъ мысли, которымъ они служатъ истолкованіемъ, исчезали бы безъ пользы для человѣческихъ знаній и уносили бы съ собою преданія открытій и дѣяній, если бы не существовало искусство останавливать ихъ и дѣлать постоянными подъ ощутительнымъ видомъ начертаній письменныхъ.

Успѣхи общества были уже велики, прежде нежели изобрѣтено писаніе. Разные виды и состоянія перешло оное: въ Египтѣ священныя знаменія, въ Китаѣ живопись словъ и выраженій, способы трудные и медлительные. Въ Финикіи, отечествѣ торговли, составились сіи основанія азбуки, теперь столь общія, — открытіе важное, образъ простой и скорый, которымъ человѣческій голосъ разлагается въ свои начала, примѣняющійся ко всѣмъ языкамъ и всѣми присвоенный. Кадмъ, одинъ изъ героевъ-пришельцовъ, просвѣтившихъ дикую Грецію, принесъ изъ Финикіи первыя письмена въ оную. Тридцать вѣковъ спустя, Владиміръ святый и Великій, заимствовавъ отъ Грековъ Православную Вѣру, присвоилъ и начертанія письменъ ихъ россійскому языку. Такимъ образомъ изобрѣтенія разума преемлются столѣтіями, и, путешествуя по вселенной

съ одного края на другой съ торговлею, войною, переселеніями народными, служатъ цѣлому человѣческому роду.

Конечно, драгоцѣннымъ предметомъ есть изящнѣйшій изъ другихъ, предлагаемый и вообще обществамъ, и семействамъ. Дѣянія предковъ, образы благоденствій, описанные умомъ, были первыми предметами писаній, тѣмъ болѣе простаго и сладостнаго, чѣмъ менѣе было различія между искусствомъ и природою. Съ умноженіемъ общественной жизни, съ разнообразіемъ дѣлъ гражданскихъ и самое искусство писать сдѣлалось многосложнѣе. Нынѣ, будучи необходимымъ орудіемъ человѣческихъ сношеній, оно производитъ дѣла частныя и государственныя: области, лежащія на границахъ государства, связуетъ оно ощутительнѣе съ сердцемъ и безпрепятственнымъ: служитъ искусствамъ, правосудію: залогъ согласія, вѣрности, оно освящаетъ торжественныя обязательства народныхъ обществъ и насаждаетъ или охраняетъ мирные союзы.

Менѣе знаменито, хотя не менѣе полезно, въ рукахъ писателей прозорливыхъ и добродѣтельныхъ, оно служитъ способомъ просвѣщенія и удовольствія народнаго. Многоразличными произведеніями разума, въ стихахъ и прозѣ, въ которыхъ сіяютъ попеременно чувствительность, мечтаніе, веселость, размышленіе, питается вкусъ удовольствій нѣжныхъ и избранныхъ, увеличиваются свѣдѣнія общественныя и нравоученіе преподается всѣмъ состояніямъ.

—

ИСКУССТВА ВЪ ИТАЛІИ.

Почти всѣ великія откровенія въ искусствахъ сдѣланы въ нѣмецкой землѣ. Тамъ изобрѣтены порохъ, книгопечатаніе, живопись на маслѣ и наконецъ истинная система міра. Но приведеніе въ совершенство прекрасныхъ искусствъ не было жребіемъ Германіи. Римъ, который въ древнемъ свѣтѣ былъ страшенъ оружіемъ своимъ, въ новыя времена удовольствовался быть прибѣжищемъ искусствъ. Папы, основавъ свое могущество на силѣ мнѣнія, увидѣли себя въ состояніи располагать сокровищами Европы. Они сдѣлали изъ нихъ благороднѣйшее употребленіе, возбудивъ разумъ художниковъ и открывъ въ столицѣ своей училище изящнаго. Внезапу явились во всемъ своемъ сіяніи живопись, ваяніе, архитектура, сіи сродственныя искусства, выведенныя изъ глубокаго мрака ничтожества, въ коемъ скрывались десять столѣтій. Прежде одни набожные путешественники стекались въ Римъ изъ Англіи и Испаніи, отъ подошвы Альпъ и Пиренеевъ, для поклоненія мощамъ первенствующихъ Апостоловъ и для полученія разрѣшенія въ грѣхахъ своихъ. Первосвященство Льва окружило сіи торжественные обряды благочестія всѣмъ сіяніемъ прекрасныхъ искусствъ и возобновленіемъ греческаго вкуса. Тогда были прекрасные дни новой Италіи, когда безсмертные художники говорили всѣми чувствами воображенію, когда

рука Микель-Анжа осмѣлилась повѣсить въ воздухѣ сей куполъ Петра и Павла, который увѣнчаваетъ столь достойнымъ образомъ первый храмъ Вышняго Существа; когда небесное воображеніе Рафаэля представило истинное и неприступное сіяніе божества въ величественной картинѣ Преображенія; когда живописецъ пріятностей, менѣе величественный, никѣмъ не достигнутый въ прелести волшебной кисти своей, Корреджій производилъ восхитительную ночь свою. Множество великихъ художниковъ, слѣдуя другъ за другомъ, производятъ сіи славныя школы живописи, которыми прославлены города Италіи, и которыхъ произведенія составляютъ предметъ путешествій и ученіе художниковъ. Римская школа, ревностная особенно къ похвалѣ рисунка и стихотворческаго сочиненія, оставляетъ преимущество красокъ и наблюденій тѣни и свѣта послѣдователямъ неподражаемаго Тиціана. Они могутъ соревновать съ видимою природою; но Рафаэль дерзалъ представлять кистью своею неосязаемый видъ вышнихъ существъ и дѣйствовать надъ душею и разумомъ зрителя. Судьба опредѣлила ему недолгіе дни, и природа, кажется, изъ ревности поразила въ цвѣтущей молодости того, который смѣлъ таинство творить, подобно ей. Прекрасныя искусства имѣли чрезвычайное вліяніе на разумъ и нравы народовъ европейскихъ, и послужили къ разсѣянію сей тмы невѣжества, въ которой они были погружены столь долго.

—

РОЖДЕНІЕ ПИСЬМЕНЪ.

Отдѣленіе Исторіи, которое занимается повѣствованіемъ разныхъ преобращеній человѣческаго разума, начала, успѣховъ, паденія искусствъ и просвѣщенія, называется вообще Исторіею Письменъ. Каждая отрасль человѣческихъ знаній имѣетъ свою особую исторію: преимущественно предъ другими Философія, замыкающая въ единомъ именованіи своемъ основанія всего человѣческаго знанія, испытывающая причины всѣхъ вещей и наипаче тѣхъ, которыя ведутъ человѣка къ верховному блаженству. Исторія Наукъ восходитъ до основанія обществъ: но вмѣстѣ съ онымъ теряется во мракѣ древности. Египетъ остается обыкновенно колыбелью искусствъ и любомудрія, хотя имя Философіи долго послѣ того изобрѣтено было кротостью Пиѳагора, который первый не восхотѣлъ именоваться мудрецомъ, но только философомъ или любителемъ мудрости. Свидѣтельствуютъ гражданскія учрежденія Египта, что разумъ достигалъ тамъ высокой степени просвѣщенія. Греція одолжена основаніемъ первыхъ обществъ своихъ переселенцамъ изъ Египта. Всѣ мудрецы и законодатели греческіе, Солонъ, Ликургъ, Пиѳагоръ, Платонъ, путешествовали въ Египетъ, какъ въ отечество мудрости. Но положенныя, какъ священный залогъ, въ сохраненіе жрецамъ, науки были сокрыты въ Египтѣ непроницаемою завѣсою отъ глазъ

[illegible]. Іерусалимъ говорили только тѣмъ, которые посвящены были въ таинства. Не доставало удобнаго и общаго орудія, коимъ бы знанія могли быть сообщены человѣческому роду. Финикіане, народъ купеческій и мореходный, первые изобрѣли искусство изображать голосъ начертаніями, и составленіемъ немногихъ буквъ облегчили то, что размышленіе имѣетъ тончайшаго и труднѣйшаго. Кадмъ приноситъ азбуку въ Грецію. Страна сія, всегда любопытная для человѣческаго разума, [illegible] Орфея, Амфіона, Лина, Музея, [illegible] Первые [illegible] были стихотворцы. Воображеніе было [illegible] прежде нежели [illegible] разумъ. [illegible] Греція [illegible] Гезіодъ [illegible] Являются въ Аѳинахъ великіе стихотворцы трагическіе. [illegible]

ній въ Грецін, приходитъ поучаться мудрости въ твореніяхъ Эсхила, Софокла и Эврипида.

—

УСПѢХИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗУМА.

Просвѣщеніе возрастало всегда съ успѣхами народныхъ обществъ и служило къ соединенію и возвеличенію человѣческаго рода, такъ, что не можно совершенно отлучить перемѣны гражданскія отъ судьбы наукъ. Южныя страны Азіи прежде другихъ земель видѣли первую зарю просвѣщенія. Египетъ славился мудростью и законами, Финикія торговлею и мореплаваніемъ. Оттуда основанія искусствъ перенесены въ Грецію. Особливо въ Аѳинахъ достигли оныя удивительнаго совершенства. Вездѣ послужили къ украшенію нравовъ, общества, къ безопасности гражданской и государственной, законами и войною. Оставшіяся намъ отъ тѣхъ вѣковъ писанія свидѣтельствуютъ о важности и пользѣ просвѣщенія ихъ. Честолюбіе, несогласіе, междоусобіе, роскошь, затмивъ сіяніе славы и наукъ, пріуготовили Римлянамъ легкую добычу. Сіи властители міра, изъ почтенія къ просвѣщенію и древней славѣ, не отягощаютъ униженія ихъ именемъ рабства и терпятъ, чтобъ зданіе узаконеній ихъ еще существовало при сильномъ покровительствѣ, въ которомъ содержали они ихъ вмѣстѣ со вселенною. Греки сохраняютъ надъ покорителями своими сіе

вліяніе, которое даетъ превосходство просвѣщенія. Ихъ философія и письмена распространяются по вселенной съ оружіемъ Римлянъ. Во время Августово человѣческій разумъ достигалъ вторично высоты своего совершенства. Знаменуютъ то изящныя творенія во всѣхъ родахъ, и всеобщая вѣжливость, вліянная въ народы за Столпами Геркулесовыми и далѣе Дуная. Имперія Римская рушилась огромностью и вѣками развращенія. Сѣверные варвары низпровергли ее и раздробили области. Готѳы, Алане и Гунны принесли изъ пещеръ и пустынь своихъ дикость и свирѣпство. Просвѣщеніе было вездѣ подавлено, разумъ ожесточенъ и презрѣнъ. Всеобщее несчастіе, соединяющее всѣ ужаснѣйшія бѣдствія, опечалило землю. Медлительно утихали сіи громленія, преставали взаимныя нашествія. Вѣкамъ должно было уврачевать приключенное зло. Феодальное правленіе, установленное варварами на испровержении лучшаго и великодушнѣйшаго, наводило на государства необходимую томность. Главы Западной Церкви, не довольствуясь быть проповѣдниками кроткой Вѣры, похитили свѣтскія преимущества власти и богатства, и прибавили къ утѣсненіямъ, междоусобію и мраку невѣжества, честолюбіе, которое ихъ снѣдало. Особливо первосвященники римскіе, пользуясь суевѣріемъ временъ, присвоили себѣ право раздавать престолы. По ихъ велѣнію, набожные и кающіеся рыцари, князья и простолюдины, спѣшили истощить иждивеніе и кровь свою въ

Обѣтованной Землѣ. Между тѣмъ послѣдователи Магомета, основавъ страшное владычество въ Азіи и разнося повсюду страхъ оружія своего, поражали державу Константина. Крестовые походы достигли несовершенно предполагаемой цѣли; но они имѣли нечаянное вліяніе на нравы и состояніе общества въ Европѣ. Князья и вельможи освобождали подданныхъ своихъ за выкупъ, снабдившій ихъ способами ѣхать въ Святую Землю. Государи мудрою прозорливостью присоединяли къ своей державѣ составляемые удѣлы. Отдаленные подвиги, сообщеніе съ другими народами, можетъ быть, остатки искусствъ и вѣжливости, видимые въ Константинополѣ, укротили дикіе нравы витязей. Между тѣмъ торговля италіянскихъ областей, возбужденная предпріятіями благочестивыхъ завоевателей, ввела нѣкоторый вкусъ роскоши, который отмѣнно благопріятенъ искусствамъ. Около того же времени, открытіе Римскихъ Правъ въ Амальфи обратило къ нимъ любопытство ученыхъ, и подало государямъ новый способъ ограничить власть сильныхъ вассаловъ: ибо важнѣйшія судебныя дѣла были съ того времени рѣшимы въ государственныхъ судилищахъ, составленныхъ не изъ военныхъ людей, но изъ гражданскихъ законовѣдцевъ. Въ семъ спокойствіи, которое слѣдуетъ за долговременнымъ волненіемъ, нравы пріобрѣли нѣкоторую степень возвышенія, и усыпленный разумъ человѣческаго рода сталъ чувствительно пробуждаться. Писанія великихъ творцевъ

Августова вѣка были извлечены изъ праха, въ которомъ сокрывались оныя, и Петраркъ съ благоговѣніемъ читалъ Виргилія. Ученые Греки, ушедшіе въ Италію по взятіи Константинополя, принесли съ собою вкусъ греческихъ письменъ, принятыхъ съ восторгомъ очарованія. XII-й вѣкъ можно поставить точкою, до которой продолжалось униженіе человѣческаго разума, и съ которой началось обратно постепенное возвышеніе онаго.

—

ЖРЕБІЙ ФИЛОСОФІИ.

Любопытство, таящееся въ природѣ человѣка, чудесныя явленія, которыя отовсюду представляются разуму его, и нѣкоторое чувствованіе своего собственнаго достоинства приготовляютъ его въ раннихъ состояніяхъ общества къ наставленіямъ Философіи. Варвары, такъ же какъ Греки, имѣли толки свои и преданія. Послѣдователи Гермеса и Зороастра изъясняли строеніе природы, опредѣленіе человѣка, обязанности его и силы. Но нигдѣ не принимала Философія видовъ столь различныхъ и пріятныхъ, какъ въ отечествѣ героевъ и искусствъ — въ Греціи. Творенія мудрецовъ ея, привлекая любопытство пріятностію выраженія, сохранили до нашихъ временъ, и вѣроятно сохранятъ до позднѣйшихъ столѣтій,

похвальныя тщанія ихъ къ расширенію предѣловъ человѣческаго разума.

Первые, ознаменованные именемъ мудрецовъ, довольствовались начертаніемъ нѣкоторыхъ общихъ правилъ поведенія, которыя, обратясь въ пословицы, составляли народное нравоученіе. Ѳалесъ дерзнулъ воспріять помощью Геометріи и Астрономіи зданіе и происхожденіе вселенной. Пиѳагоръ, соединяя глубокое размышленіе съ опытностью путешествій, пріобрѣлъ достоинство законодателя въ странѣ, которая была справедливѣе его отечества. Изъ іонійской школы возсталъ Анаксагоръ, учитель Перикловъ. Силою разума своего разсѣялъ онъ густые мраки языческихъ суевѣрій и отнесъ къ единому Всемогущему Духу сотвореніе и управленіе міра. Озаряемый тѣмъ же свѣтомъ, Сократъ, снискавшій добродѣтель упражненіемъ, положилъ себѣ единою мѣтою внушать оную въ порочныхъ согражданъ своихъ уловляющею мудростью разговоровъ. Но исполняя всѣ должности общественныя, сражаясь за отечество, онъ удовольствовался учить обхожденіемъ, не составляя системы, не сочиняя книгъ.

Напротивъ того, ученикъ его, Платонъ, краснорѣчивѣйшій изъ философовъ, сохранилъ въ писаніяхъ своихъ малѣйшія преданія своего учителя. Повѣряясь паренію высокаго воображенія своего, онъ объялъ дальнѣйшій кругъ человѣческихъ знаній, и довольствуясь вѣроятнымъ, начерталъ мечтательную систему свѣта. Премудрое

и всесильное Существо, по его мнѣнію, даровало бытіе прекраснѣйшему свѣту; но грубость вещества умалила совершенство Его творенія. Небесныя и слабыя души должны влачиться подъ бременемъ тяжелыхъ тѣлъ. Оставшееся воспоминаніе того, что̀ онѣ были, возбуждаетъ въ нихъ темныя понятія красоты и порядка. Долгъ мудреца состоитъ въ приближеніи къ умственному свѣту и облегченію себя отъ бремени вещества. Въ мечтаніяхъ его сохраняется много мыслей высокихъ и запечатлѣнныхъ истиною.

Важность Платонова сохранилась съ нѣкоторыми отмѣнами до испровержениія наукъ и Философіи въ такъ называемыхъ старой, средней и новой академіи; но одинъ изъ славнѣйшихъ слушателей его, Аристотель, оставилъ слѣды его, чтобъ быть главою новаго толка. Имѣя пространный и основательный разумъ, онъ не заблуждался въ мечтаніяхъ воображенія и не создалъ сіяющихъ системъ, какъ Платонъ. Аристотель имѣлъ особливую проницательность въ раздробленіи умствованія. Сильное орудіе въ рукахъ его, силлогизмъ, принялъ отъ него свои правила. Метафизика сотворена имъ. Но онъ наполнилъ Философію излишествомъ раздѣленій и темныхъ терминовъ, которое послѣдователи его, перипатетики, еще умножили. Долго сила ученія его была держима въ равновѣсіи другими толками, не менѣе принятыми въ обществѣ, умствованіями Зенона и Эпикура. Первый изъ нихъ, глава стоиковъ, поставлялъ природу человѣка

выше скорби, имѣя въ числѣ послѣдователей своихъ добродѣтельнѣйшихъ людей на престолѣ и въ оковахъ, Марка Аврелія и Эпиктета. Вторый, безпорочный въ собственной жизни, полагалъ удовольствіе совершенствомъ человѣческаго бытія, и, присвоивъ Демокритово ученіе объ атомахъ, старался изъяснить зрѣлище природы, согласно съ наставленіями своего нравоученія. Знаменитые Римляне, въ послѣднія времена республики, благопріятствовали сему ученью, исключая Катона и Брута. Но Цицеронъ, первый изъ Римлянъ, который украсилъ греческую философію прелестями краснорѣчія, оставался въ предѣлахъ академіи и соглашался обманываться съ Платономъ, думая, что самымъ крайнимъ усиліемъ разума опредѣлено только доходить до вѣроятности въ изысканіяхъ истины. Стоическая Философія, возвышая человѣка выше себя самого, имѣла право нравиться душамъ римскимъ, ибо подкрѣпляла нравы упадающей Имперіи. Остроумное витійство Сенеки заступило мѣсто любезнаго бесѣдованія Тулліева. Во всѣ времена Римляне были чувствительнѣе къ прелести властвованія, нежели къ чести просвѣщенія, и Аѳины сохранили преимущество быть училищемъ любомудрія, отверзтымъ для всѣхъ народовъ, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ знаніе и размышленіе потеряли прелесть свою для разума, и варвары Сѣвера и Востока, Готѳы и Аравитяне, потрясли основанія обѣихъ Имперій.

Кто бы думалъ, чтобы первые лучи тусклаго

свѣта произошли отъ сихъ самыхъ Аравитянъ, которые сожгли библіотеку Александрійскую? Ихъ ученые, Авиценна и Аверроесъ, обременили истолкованіями своими творенія Аристотелевы. Западныя школы соединили тонкости Мавровъ съ монашескою ученостью Дунса и Ѳомы Аквинскаго. Слова заступали въ умствованіи ихъ мѣсто понятій, и споры были тѣмъ упрямѣе, чѣмъ менѣе понимали люди себя и другихъ. Тѣ, которые осмѣливались имѣть собственныя мнѣнія, были гонимы со всею ненавистью предразсужденій. Рамусъ былъ растерзанъ противоборниками и Абелардъ принужденъ сокрыть славу свою въ темной обители. Во времена, когда нравы не получили еще нѣкоторой изящности, когда въ обществѣ нѣтъ ни спокойствія, ни вкуса, ни обхожденія, Философія есть произрастеніе незрѣлое и дикое, которое помрачаетъ болѣе, нежели просвѣщаетъ разсудокъ. Въ XVII вѣкѣ достигъ человѣческій разумъ того состоянія, въ которомъ онъ могъ повѣриться своимъ собственнымъ силамъ и свергнуть раболѣпное повиновеніе Аристотелю или истолкователямъ его.

Первый Декартъ показалъ дорогу къ изслѣдованію древнихъ предразсудковъ. Отъ мнимыхъ знаній осмѣлился онъ возвратиться къ сомнѣнію и начертать способъ размышленія. Какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ геометровъ времени своего, онъ способствовалъ къ усовершенствованію сего общаго исчисленія, которое послѣ него сдѣла-

лось удивительнымъ орудіемъ въ рукахъ физиковъ, для измѣренія вселенной и открытія законовъ природы. Счастливѣе въ опроверженіи чужихъ заблужденій, нежели въ огражденіи себя самого отъ подобныхъ, онъ хотѣлъ отгадать таинство, обманывающее издревле все проницаніе человѣческаго разума. Составленіе вихрей его, обращающихъ безпрестанно тѣла небесныя, и тонкая матерія, наполняющая пустоту, наконецъ все зданіе картезіанской философіи имѣло жребій Перипатетизма и столь многихъ другихъ системъ. Все достоинство Декартово состояло въ томъ, что онъ заставилъ думать. Но, обладаемъ будучи страстью размышленія и изыска̂ніемъ того, что̀ онъ почиталъ истиною, Декартъ испыталъ гоненія противниковъ въ жизни и сталъ начальникомъ секты, какъ скоро частныя вражды исчезли и люди привыкли къ новымъ умствованіямъ. Разумы проницательные и глубокомысленные, каковъ Маллебраншъ, послѣдовали стезямъ его, и Фонтенелль разсыпалъ цвѣты остроумія на упадающее зданіе умствованій Картезіевыхъ. Духъ испытанія распростерся болѣе, нежели когда нибудь въ Европѣ, и составилъ общества ученыхъ людей, которыя сдѣлали множество откровеній въ вещахъ столько же обыкновенныхъ, сколь мало изслѣдованныхъ.

Разумъ человѣческій, недовольный тѣмъ однимъ, что старается проникнуть причины окружающихъ его явленій, обращается часто на самого себя и находитъ не менѣе затрудненія въ изъясненіи

собственныхъ дѣяній и способностей. Глубокомысленный и осторожный Локкъ, отбросивъ трудныя ухищренія школы, мысля самъ собою и принимая единственно то, что находилъ опытомъ своимъ въ себѣ, начерталъ вѣрное изображеніе человѣческаго разума. Его теорія дѣлаетъ столько же чести проницанію, сколько строгой правдивости и кротости философа. Онъ опровергъ врожденныя идеи и доказалъ, что всѣ наши свѣдѣнія приходятъ къ намъ или чувствами, или обращеніемъ на самихъ себя. Немногія начальныя идеи соединяются разумѣніемъ въ безчисленные образы сочетаній. Здравый смыслъ состоитъ въ правильномъ соединеніи понятій. Но слова, которыя столько способствуютъ къ удобности размышленія, становятся злоупотребленіемъ своимъ неисчерпаемымъ источникомъ заблужденій. Таковы суть принятыя имъ основанія.

Между тѣмъ какъ онъ проходилъ осторожно лабиринтъ умствованія въ изслѣдованіи мыслящей способности, великій Невтонъ, соотечественникъ его, превосходною силою разума нудилъ природу открыть свои законы, выводилъ изъ одного престраннаго начала всеобщаго тяготѣнія многообразныя явленія прилива и отлива, движенія земли и тѣлъ небесныхъ, разлагалъ первоначальные лучи солнца, составляющіе существо свѣта, и давалъ послѣднее совершенство откровеніямъ Кеплера, Коперника и Галилея. Опытъ и наука исчисленія замѣнили въ новой Философіи неопредѣленныя мечтанія и вымыслы древнихъ, кото-

рыя походили иногда на истину; истощивъ всѣ роды заблужденій.

Болѣе предпріимчивый, современникъ ихъ, нѣмецкій Философъ Лейбницъ, оставилъ слѣды свѣта посреди глубокаго мрака метафизическихъ изысканій. Онъ умножилъ число предположеній, которыми предшественники его старались безполезно дополнить недостатокъ знаній и разумѣнія человѣческаго. Его усилія стремились къ тому, чтобъ согласить всемогущество и благость Вышняго Существа въ избраніи лучшаго изъ возможныхъ міровъ. Онъ приписалъ силу представленія внѣшнихъ предметовъ существамъ простымъ и нераздѣльнымъ, которыя онъ называетъ монадами, и соединеніе души и тѣла изъясняетъ предустановленнымъ согласіемъ.

Нѣмецкая Земля, наполненная университетами и учеными людьми, приняла съ извинительнымъ пристрастіемъ изобрѣтенія мудреца, который дѣлалъ ей столько чести: особливо, когда терпѣливый Вольфъ, такъ какъ попечительный домостроитель, входящій въ богатое наслѣдство, привелъ смѣлыя воспаренія Лейбницова ума въ одну полную систему.

Но владычество, похищенное надъ мнѣніями, было не долговременно и уступило мѣсто другимъ умствованіямъ. Множество писателей, болѣе сіяющихъ, нежели основательныхъ, не дѣлая эпохи въ Философіи, старались изъяснять природу человѣка и обязанности общества по слѣдамъ Гроція, или безсмертнаго президента Монтескью;

между тѣмъ какъ вспомогательныя науки, зависящія отъ опыта и исчисленія, Физика, Химія, Астрономія, Натуральная Исторія, были повсюду предметами величайшаго прилежанія. Довольно назвать, между многими другими, Галлера, Эйлера, Бюффона, Линнея и д'Аламберта, чтобъ ознаменовать сіяніе наукъ въ настоящемъ періодѣ.

Соображая усилія толь многихъ разумовъ постигнуть причины вещей и возвеличить достоинство человѣка, видимъ тѣсные предѣлы, которыми ограничивается возможность знанія; но съ другой стороны, видя столько препятствій, удивляемся отважнымъ и счастливымъ покушеніямъ Философіи снять священный покровъ съ природы и возвысить разумъ понятіями, его достойными.

—

ПРОСВѢЩЕНІЕ И РОСКОШЬ.

Часто печальное размышленіе представляетъ разуму человѣческому, что самые сіяющіе его успѣхи, любовь и совершенство искусствъ, вѣжливость нравовъ, распространеніе знаній и понятій всякаго рода, приводятъ нечувствительно къ развращенію, къ роскоши и къ паденію государствъ, какъ-будто бы нѣкоторый завистливый рокъ забавлялся соединять неразлучно и съ лучшими благами нашими начало неминуемыхъ бѣдствій! Это заставляетъ насъ вспомнить о сосудѣ Пандоры, въ которомъ заперты были всѣ дарованія и всѣ злоключенія человѣческой природы.

Руссо истощилъ всѣ стрѣлы сатиры и краснорѣчія противъ наукъ и искусствъ, которыя составили удовольствіе и муку цѣлой жизни его. Никто не былъ одарёнъ душею болѣе нѣжною и чувствительною, какъ сей мудрецъ любезный и странный. Наслаждавшись при рожденіи своемъ зрѣлищемъ природы, гордый и великій у подошвы Альпъ; смотрясь въ чистую поверхность Лемана; освобожденный рано отъ присмотра родителей и наставниковъ, и будучи вмѣстѣ сиротою и гражданиномъ міра,—онъ слушалъ въ душѣ сильный гласъ восторга и чувствительности, и былъ самъ своимъ учителемъ. Брошенъ, неизвѣстенъ, перемѣняя жилища и состоянія, обращаясь съ людьми грубыми и невоспитанными, онъ сохранилъ врожденную гордость и романическія понятія прежнихъ своихъ чтеній. Счастіе поступало съ нимъ часто какъ съ предметомъ живѣйшаго негодованія своего, часто какъ съ избалованнымъ младенцемъ. Онъ находилъ богатство, честь, благополучіе въ пріятномъ мечтаніи, послѣдуя стремительному теченію Роны, или заблуждаясь безъ намѣренія въ цвѣтущихъ долинахъ, и заводя знакомства безполезныя и пріятныя у журчащихъ источниковъ. Такимъ образомъ всѣ дни его были легкія сновидѣнія, въ которыхъ мало было приключеній, но тѣмъ болѣе чувствованій. Когда разными своенравіями счастія, безпокойствомъ, тщеславіемъ, введенъ онъ былъ въ большое общество, нашелъ покровителей между знатными, и славу, въ коей онъ

столько раскаявался; тогда старался, но безполезно, возвратиться назадъ къ бездѣльнымъ забавамъ своего ребячества. Онъ сравнивалъ природу съ искусствомъ и находилъ, что удовольствія, которыя даруетъ она безъ принужденія, не могутъ быть поддѣланы всѣми его хитростями. Можетъ быть, сіи сожалѣнія внушили ему славный отвѣтъ его на задачу Дижонской Академіи: «послужили ли науки къ учиненію человѣка счастливымъ?» и на которую онъ могъ отвѣтствовать разительно только отрицаніемъ. Надобно было, противъ всякаго ожиданія, чтобъ общество ученыхъ людей увѣнчало столь дерзкое утвержденіе, которое объявляло науки вредными, и чтобъ страшный противникъ ихъ принужденъ былъ симъ самымъ случаемъ войти въ поприще писателя и надолго занять вниманіе общества. Мы обязаны сему происшествію новымъ свѣтомъ, излiяннымъ на многіе предметы нравоученія, и множествомъ прелестныхъ сочиненій, въ которыхъ, не смотря на странность противорѣчія и невѣроятныхъ мнѣній, открывается постоянная и горячая любовь добродѣтели. Особливо воспитаніе, важный предметъ человѣческаго благосостоянія, получило отъ писаній его новыя и полезныя исправленія. Онъ представляетъ въ «Эмилѣ» своемъ отвлеченное понятіе воспитанія, невозможное, можетъ быть, въ цѣломъ, но котораго многія частныя подробности съ успѣхомъ обращаются въ исполненіе.

ВОСПИТАНІЕ.

Законы управляютъ обществомъ; воспитаніе пріуготовляетъ души будущихъ гражданъ къ исполненію законовъ. Слѣдовательно оно должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ законодателей и правителей. Никогда человѣкъ не можетъ пріобрѣсти удобнѣе и болѣе способности и знаній, которыя дѣлаютъ его почтенія достойнымъ и полезнымъ отечеству, какъ во время молодости. Въ сей возрастъ наполняется разумъ его понятіями, сердце возвышается благородными чувствованіями. Хорошо проведенная молодость отвѣтствуетъ за цѣлую жизнь. Въ малолѣтнемъ Катонѣ видѣнъ уже тотъ, который не захочетъ пережить свободы своего отечества. Игры Петра Великаго предзнаменовали преобразователя Россіи. Благородная душа въ самомъ младенчествѣ открываетъ нѣкоторые лучи будущаго своего сіянія. Какую славу оставилъ по себѣ герцогъ Бургонскій, воспитанникъ Фенелоновъ, хотя похищенъ смертью въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ! Онъ не успѣлъ сдѣлать Франціи всего блага, которое обѣщало ей будущее его восшествіе на престолъ. Общенародный плачъ засвидѣтельствовалъ почтеніе, которое имѣли къ добродѣтелямъ его. Но сіи добродѣтели были дѣломъ воспитанія. Съ природы вспыльчивъ, жестокъ, упоренъ, онъ умѣлъ искоренить изъ души своей всѣ сіи пороки, которые принесъ при рож-

дения. Наполнен глубокаго почтения к правам человечества, к законам земли своей, кроток в самом начальстве воинства, доступен, ласков, благоразумен, он заслужил даже уважение деда своего, Лудвига XIV, который в старости своей видел несчастия, на Францию навлеченныя гордостью его и ненасытимым честолюбием. Такия благодеяния приносит воспитание при ступенях престола: не менее в других состояниях общества. На воспитании Ликург воздвиг здание своей республики. Римские юноши прилеплялись к великим людям военным, или мудрым градоначальникам, и научаясь их беседою и примером в походах и в Сенате, становились сами подражания достойны. В самом невежестве средних времен Истории великие люди стараются о научении юношества. Карл Великий основывает академию в собственных чертогах своих, и, как член оной, старается об исправлении языка своего. Россия никогда не была чужда письмен, по причине сообщения своего с Грециею. Петр Великий призвал в пределы ея искусства и науки. По Его слову, юные дворяне российские разсыпались по всем странам Европы для перенесения, по примеру государя своего, какого нибудь знания в Россию. От предводителя воинств до ремесленника, все были сотворение Его. Открылись училища в полках; Академия Наук от Него приняла устав свой: Морская Академия давала Ему мореходцев. В 1732 году слав-

ный Минихъ основалъ Кадетскій Корпусъ. Елисавета Петровна, по предстательству И. И. Шувалова, учредила Московскій Университетъ въ 1754 году.

ТОРГОВЛЯ.

Древніе Греки и Римляне, заключая просвѣщеніе въ однихъ только своихъ предѣлахъ, менѣе занимались дружественнымъ обращеніемъ съ другими народами, которое торговля предполагаетъ необходимо. Сіяніе Аѳинъ скоро привлекло имъ зависть другихъ греческихъ областей. Римъ обогатился сокровищами побѣжденныхъ народовъ и, пренебрегая всѣ другія искусства, кромѣ искусства обладанія, покровительствовалъ торговлѣ, но не производилъ ее. Совсѣмъ инако устроеніе нынѣшнихъ государствъ, и торговля, приведенная въ систему, учинилась одною изъ важнѣйшихъ частей правленія. Усмирился самъ собою безпокойный духъ завоеванія; государства, равныя силою и просвѣщеніемъ, содержатъ другъ друга въ почтеніи; открытіе неизвѣстныхъ странъ возбудило трудолюбіе и промыслы и произвело новыя потребности жизни; самая война сопряжена стала съ большими иждивеніями и снарядами. Военныя дѣянія безпрестанно согласованы съ пользами купечества, такъ, что нынѣ госу-

царство болѣе торгующее, со всѣми другими частями равными, есть и болѣе сильное. Вывозомъ своихъ произведенiй и рукодѣлiй оно владычествуетъ нѣкоторымъ образомъ тѣми странами, которыя снабжаетъ. Съ уничтоженiемъ торговли должны пасть рукодѣлiя: самое земледѣлiе, не имѣя способа сбывать излишества плодовъ своихъ иностранцамъ, будетъ производимо съ небреженiемъ. Унынiе и общая лѣность распространятся въ цѣломъ народѣ и воспящено будетъ просвѣщенiе, слѣдовательно и слава и благосостоянiе государства.

ПОНЯТIЕ БЛАГОРОДСТВА.

Состоянiе, которое во всѣхъ европейскихъ монархiяхъ отличается подъ именемъ благороднаго и дворянскаго, почти вездѣ имѣетъ одинакiя права, получило происхожденiе свое отъ войны и покоренiя, почитается необходимымъ въ монархическомъ составленiи и отличается особливою разборчивостью чести, нетерпящею поношенiя и подлости. Сiе предразсужденiе кажется быть остаткомъ рыцарскихъ нравовъ, которые долго царствовали въ среднихъ вѣкахъ Европы и замѣняли нѣкоторымъ образомъ недостатокъ законовъ въ сiи времена безначалiя и грабительства. Учтивость или знаменитость происхожденiя означа-

тся европейскимъ именемъ дворянина (gentil-
nme). Въ россійскомъ словѣ дворянина ясно
едставляется, кажется, чиновникъ, привержен-
ій ко двору и особѣ государя. Все дворянство
редставляетъ нѣкоторымъ образомъ послѣдова-
іе государя, который видѣлъ въ немъ готовыя
орудія правленія, по встрѣчающимся надобно-
стямъ въ войнѣ и мирѣ. Хотя достоинство сіе
и было наслѣдственно, ничто не мѣшало ревно-
сти, дарованіямъ и заслугамъ снискивать возвы-
шеніе сіе и приближаться въ званіи семъ къ пре-
столу. Такимъ образомъ видимъ мы славнаго
Козьму Минина изъ простого мѣщанина Думнымъ
дворяниномъ и членомъ Тайнаго Совѣта. Особ-
ливо Государь Петръ Великій распространилъ
право сіе въ пользу заслугъ и объявилъ дворян-
ство, присоединенное ко званію офицера. Съ тѣхъ
поръ чины военные стали общею мѣрою благо-
родства и гражданская служба должна была срав-
ниваться съ военною, потому что она не достав-
ляла несущимъ ее тѣхъ же выгодъ. Прежде его
не было сего раздѣленія между службъ и одна
придворная снабжала военную и гражданскую
чиновниками. Можетъ быть, происходило это отъ
простоты нравовъ и правленія. Умноженіе дѣлъ
и сношеній между людьми и состояніями привле
кло за собою и различіе службъ. Правда, что
тогда люди, посвятившіе ученью законовъ, имѣ
ли отличное званіе Дьяковъ и не причитались
знаменитому и военному дворянству. Въ Евр
государя вмѣняли въ честь себѣ иногда не

званіе рыцаря. Францискъ I былъ послѣдній. Онъ хотѣлъ принять сіе достоинство отъ рукъ славнаго Баярда на полѣ сраженія, и Генрихъ IV дѣлалъ честь своему дворянству изъявленіемъ, что онъ почитаетъ самого себя изъ среды онаго.

О БЛАГОСОСТОЯНІИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

Земледѣліе, къ которому древніе обращались съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, не только доставляетъ обществу необходимые способы существованія, но и даруетъ тѣмъ, которые упражняются въономъ, первыя блага жизни, здоровье и благонравіе. Трудъ, въ которомъ обращаются земледѣльцы, умѣренность и простота жизни ограждаютъ отъ большей части пороковъ и болѣзней. Но ежели непредвидимые случаи, самимъ трудомъ симъ произведенные, нарушаютъ то̀ желаемое состояніе, которое обнадеживаетъ человѣка въ употребленіи силъ его; ежели недостатокъ нравственнаго наставленія попускаетъ грубымъ излишествамъ оскорблять спокойствіе земледѣльцевъ: то, спрашиваю, что̀ препятствуетъ особамъ, имѣющимъ на то право и способы, воспринимать на себя похвальное попеченіе, покровительствовать и научать сихъ питателей общества?

Я полагаю, что просвѣщенные и благотвори-

тельные помѣщики имѣютъ ближайшее право пещись о благосостояніи зависящихъ отъ нихъ земледѣльцовъ, распростирая старанія сіи не только на имущественное ихъ состояніе, но и на сбереженіе здравія ихъ и нравовъ. Общимъ опытомъ доказано, сколько россійскій дворянинъ внимателенъ къ пользѣ подвластнаго ему селянина, приверженнаго съ своей стороны чрезъ цѣлыя столѣтія одному семейству и смѣшивающаго повиновеніе съ благодарностью. Между тѣмъ какъ въ земляхъ, гордящихся наиболѣе соблюденіемъ правъ человѣчества и собственности, въ трудолюбивой Германіи, въ самой Англіи, земледѣлецъ, незаслуженнымъ несчастіемъ лишенный способовъ пропитать семейство свое и быть болѣе полезнымъ обществу, долженъ искать сострадательныхъ сердецъ для облегченія его участи; русскій крестьянинъ, пострадавшій отъ пожара, болѣзни, падежа, неурожая, находитъ въ помѣщикѣ своемъ перваго избавителя, который снова строитъ ему хижину, заботится о возвращеніи ему здоровья, снабжаетъ его хлѣбомъ, сѣмянами, необходимою для хлѣбопашества лошадью, лѣсомъ, наконецъ всѣми возможными пособіями. Сколько другихъ болѣе зажиточныхъ, просвѣщенныхъ и дальновидныхъ владѣльцевъ, которые составили сердцу своему пріятное наслажденіе основать убѣжище страждущимъ и служить человѣчеству въ семъ состояніи, столь почтенномъ и малоуважаемомъ, котораго жребій Провидѣніе имъ препоручило!

Таковыхъ зналъ я нѣкогда почтенныхъ членовъ сего общества: Петра Ивановича Рычкова въ Оренбургѣ и Алексѣя Васильевича Олешева на Вологдѣ, которые украшали сельское спокойствіе упражненіемъ въ испытаніи естества, въ доставленіи селянину, не только имъ подвластному, но и сосѣдственному, всѣхъ пособій земледѣлія, служили совѣтами равнымъ своимъ, и часто судомъ своимъ случающіяся распри прекращали.

Здравіе тѣла, здравіе души были два предмета, упражнявшіе попечительность ихъ и часто знаніе врачебной науки, знаніе человѣческаго сердца привлекали вниманіе ихъ и обнаруживались спасительными дѣйствіями.

Но для чего бы не сдѣлать общимъ примѣра, даннаго нѣкоторыми? Зачѣмъ бы каждое селеніе не могло завести себѣ собственнаго деревенскаго врача, котораго все знаніе ограничивалось бы первыми операціями хирургіи, перевязкою переломленныхъ членовъ, кровопусканіемъ въ убояхъ и паденіяхъ, предохранительными средствами въ тяжелыхъ и заразительныхъ болѣзняхъ? Ничего не потеряетъ селеніе, опредѣля изъ молодыхъ крестьянскихъ дѣтей одного для изученія сихъ первыхъ началъ врачебной науки въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ, подъ смотрѣніемъ доктора или штабъ-лекаря и при вспомоществованіи Приказа Общественнаго Призрѣнія, которое, конечно, не отречется уважить ободреніемъ своимъ все, что̀ можетъ служить къ пользѣ чело-

вѣчества; Церковь, подающая духовное утѣшеніе страждущимъ, можетъ дѣятельно через служителей своихъ способствовать и къ облегченію самыхъ страданій. Священникъ можетъ руководствовать наставленіями своими сельскаго лекаря, особливо если бы знаменитые врачи взяли на себя трудъ начертать первое основаніе сельскаго лечебника съ назначеніемъ лекарствъ, не иностранныхъ и многосложныхъ, которыхъ составъ не можетъ быть ввѣренъ неопытному человѣку, но по большей части изъ отечественныхъ произрастеній, замѣняющихъ съ успѣхомъ чужеземныя, такъ, какъ показалъ намъ на опытѣ первый ботаникъ россійскій, покойный Лепехинъ, котораго знаменитость въ наукахъ принадлежитъ къ національной славѣ. Священникъ праводушный и человѣколюбивый (и таковы должны быть служители алтаря) имѣетъ все время и случай усовершенствовать себя чтеніемъ книгъ врачебныхъ и весьма бы полезно было, ежели бы всякій, приготовляющійся заступить въ священствѣ мѣсто отца своего въ деревнѣ, слушалъ въ училищѣ и практическіе уроки врачебной науки.

Священникъ благоразумный и просвѣщенный, движимый истинною любовью человѣчества и правоученіемъ Евангелія, есть настоящій благотворитель деревни. По его гласу исчезали бы малыя несогласія, возбуждалось бы трудолюбіе, и семейственное благополучіе болѣе воспріяло бы твердости. Принося утѣшенія во время болѣзни, напечатлѣвалъ бы онъ въ сердцахъ земледѣльцевъ

правила долга и добродѣтели. Каждое воскресенье, по совершеніи Божественной службы, имѣлъ бы онъ удобный случай заимствовать текстъ изъ Священнаго Писанія для присоединенія къ нему такого нравоученія, которое было бы легко разумѣемо земледѣльцемъ и напоминало бы ему о происшествіяхъ обыкновенной жизни его. Всякое воскресенье послѣ обѣда могъ бы онъ собирать въ жилищѣ своемъ малолѣтныхъ дѣтей цѣлой деревни и самъ, или съ помощью церковнослужителей, давать имъ наставленія въ чтеніи. По крайней мѣрѣ на такомъ основаніи учреждены въ Англіи для бѣдныхъ воскресныя школы. Въ зимнее жъ время могутъ быть и другіе дни посвящены на обученіе грамотѣ крестьянскихъ дѣтей отъ пяти до восьми лѣтъ возраста. Въ сіе время добрымъ священникомъ не только въ ученье, но и во внушеніи нравственныхъ правилъ могутъ быть положены основанія, особливо ежели сочинены будутъ краткія начертанія нравоученія въ вопросахъ и отвѣтахъ самымъ простымъ языкомъ, въ которыхъ воспрещено было бы всякое заимствованіе ученыхъ терминовъ и отвлеченныхъ понятій. Здѣсь могутъ дѣти выучиться читать Деревенское Зеркало, которое издано на россійскомъ языкѣ по одобренію Вольнаго Экономическаго Общества и содержитъ въ себѣ наставленіе на всѣ случаи деревенской жизни. Молодой крестьянинъ заранѣе узналъ бы опредѣленіе свое, выгоды и затрудненія состоянія своего и способы увеличить первыя и облегчить по-

слѣднія. Заранѣе почерпнулъ бы онъ любовь порядка, должностей своихъ, трудолюбія, трезвости, такъ, какъ и отвращеніе къ лѣности и пьянству, — порокамъ столь пагубнымъ для крестьянскаго званія. Благотворительный помѣщикъ, устрояя благосостояніе подвластныхъ ему земледѣльцовъ и готовя поколѣніе благонравнѣйшихъ людей, почувствуетъ въ душѣ своей несравненное удовольствіе, — свидѣтельство пользы, принесенной имъ человѣчеству.

ЗАСЛУГИ ЛОМОНОСОВА ВЪ УЧЕНОСТИ.

Преимущество, данное немногимъ умамъ, соединять склонность и способность къ прекраснымъ наукамъ съ обширными свѣдѣніями въ физическихъ и математическихъ, — сіе преимущество имѣлъ въ высокой степени нашъ славный соотечественникъ Ломоносовъ. Разумъ его, блестящій и основательный, не зналъ для себя предѣловъ во владычествѣ знанія. Сладость краснорѣчія, плѣняющее согласіе стиховъ, не были достаточны наполнить собою все пространство души его. Онъ былъ чувствителенъ болѣе всего къ прелести знанія. Гражданинъ міра размышленіемъ, онъ наслаждался разсматриваніемъ великолѣпнаго его строенія, и посреди всѣхъ способовъ, которые доставило себѣ проницаніе человѣческаго разума,

[illegible] природу и [illegible] чудесныхъ ея [illegible] съ-сими [illegible] [illegible], кото-
рые [illegible] только для [illegible] мудрости.

Съ [illegible] чувствованіемъ [illegible] и благодарности [illegible] онъ [illegible] кра-
[illegible] тогдашняго свѣта Франклина, который, [illegible] [illegible] электрической силы, былъ [illegible] [illegible] жить и [illegible] человѣку, его [illegible] [illegible] [illegible]. Сіе сходство меж-
ду [illegible] грозы и искры дѣйствій, которыя происходятъ отъ обращенія стекляннаго шара, открывало многое и прекрасное умозрителямъ природы, и [illegible] [illegible] удивленіемъ людей съ одного края Европы до друго-
го. Въ то же время, какъ славный Американецъ Веніаминъ Франклинъ, прежде нежели взять уча-
стіе въ политическихъ происшествіяхъ, множе-
ствомъ любопытныхъ наблюденій прокладалъ се-
бѣ дорогу къ остроумному рѣшенію задачи: ка-
кимъ образомъ обращеніе невидимой силы, вездѣ разлитой, привлекаетъ или отражаетъ тѣла? Ломоносовъ силою собственнаго размышленія до-
ходилъ до тѣхъ же заключеній и раздѣлялъ съ нимъ славу изобрѣтенія. Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Невтонъ и Лейбницъ изобрѣли порознь и въ то же время исчисленіе безконечно малыхъ. Подобно Лейбницу, Ломоно-
совъ былъ чувствителенъ къ утвержденію за со-
бою сей части открытія, и доказывалъ въ особ-
ливомъ сочиненіи, что онъ не обязанъ мыслями своими Франклину. Сіе честолюбіе относилось

къ его отечеству, увѣряя другія страны, ранѣе просвѣщенныя. что Россія созрѣла уже соревновать съ ними въ распространеніи знаній. Иностранцы, часто справедливые въ сужденіяхъ своихъ, полагаютъ его безпрекословно въ число знаменитѣйшихъ своихъ ученыхъ.

Сколь боялся Ломоносовъ, чтобъ несчастіе, постигшее испытателя природы, не было приписано невѣждами гнѣву Божества, Которое, по мнѣнію ихъ, запрещаетъ проникать въ таинства и играть молніями, покоящимися въ рукахъ Его! Всегда суевѣріе и невѣжество представляли мудреца дерзкимъ похитителемъ божественныхъ правъ; гнали Галилея и Декарта, осудили Сократа выпить отраву. Ломоносовъ, одаренный счастливою смѣлостью, которая не всегда провождаетъ достоинство, имѣлъ подпорою своею вельможу, покровителя искусствъ. У него ходатайствовалъ онъ за вдову и сиротъ несчастнаго ученаго; и къ преимуществу, знать лучше другихъ сокровенныя причины вещей, присоединилъ онъ еще важнѣйшее достоинство — благодѣтельствовать несчастнымъ и безсильнымъ. Разумъ, услаждающійся величественными понятіями всеобщаго порядка и согласія, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ хладнымъ.

Сія дерзость воображенія, сія полнота и горячность чувствованія, которая одушевляетъ стихотворенія его, сопровождала его въ ежедневномъ обращеніи и разговорѣ. Онъ не умѣлъ противиться силѣ чувствованія и ослаблять истину

въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Ча-
сто острое [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] и [illegible] людей, [illegible]
все [illegible] [illegible] въ [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible]
и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] въ [illegible]

[illegible]

[illegible]

колъ, — изобрѣтеніе, которое облегчало чрезвычайно работу художника и освобождало его отъ необходимости подвергнуть замыслы свои своенравію случая. Онъ самъ приступилъ къ произведенію его въ дѣло, и полтавскую баталію избралъ содержаніемъ картины своей. Предпріятіе его, прерванное кончиною, ожидаетъ счастливѣйшаго послѣдователя и останется навсегда новымъ пріобрѣтеніемъ въ Исторіи Искусствъ.

Кромѣ сего приложенія къ живописи, Химія обязана ему многими наблюденіями. Онъ засвидѣтельствовалъ любовь свою къ ней прекраснымъ сочиненіемъ, въ которомъ, подъ заглавіемъ «Металлургіи» разсматриваетъ онъ предѣлы земного царства ископаемыхъ, изслѣдываетъ поочередно всѣ руды, восходитъ къ причинамъ ихъ рожденія, и застаетъ, такъ сказать, природу въ работѣ. Не менѣе привлекательны сладостью слога и содержаніемъ вещей слова, которыя произносилъ онъ въ академическихъ собраніяхъ о пользѣ Химіи и о происхожденіи металловъ. Въ семъ послѣднемъ представляетъ онъ мастерски величественное позорище природы, возобновляющей существо свое изъ разрушенія, ужасныя дѣйствія подземнаго огня, который, потрясая гладкую поверхность земли, обрушивая въ пропасти высокія горы, въ другихъ мѣстахъ возвышаетъ между кипящихъ волнъ Океана новые острова, цвѣтущіе вѣчною весною, приготовляетъ невѣроятное плодородіе, которое увѣнчаетъ нѣкогда застывшія рѣки горящей лавы, и производитъ въ не-

досягаемой глубинѣ сіе сокровище злата и сребра, которое выйдетъ наружу для употребленія и прихотей человѣка въ другія столѣтія.

Физика, которой служебницею называлъ онъ Химію, неоднократно обращала на себя вниманіе Ломоносова и въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ она заимствуетъ помощь исчисленія. Такимъ образомъ удѣлялъ онъ часть размышленій своихъ на рѣшеніе славной задачи изобрѣсти вѣрный способъ, какъ находить долготу на морѣ. Безпрестанное колебаніе корабля лишаетъ наблюдателя возможности утвердить орудіе свое на одной извѣстной точкѣ. Ломоносовъ, предводимый желаніемъ пользы соотечественниковъ, подаетъ мореходцамъ народа своего всѣ возможные способы, отъ Астрономіи заимствуемые. И не однажды занимался онъ наблюденіемъ звѣздъ. Въ славную эпоху Астрономіи, когда Венера проходила чрезъ Солнце, Ломоносовъ сообщилъ публикѣ слѣдствіе наблюденій своихъ. Одушевленный во всѣхъ наукахъ смѣлостью испытателя, отважился быть различнаго мнѣнія съ Невтономъ о происхожденіи свѣта и о свойствѣ цвѣтовъ, производя явленіе свѣта и теплоты отъ коловратнаго и скораго обращенія частицъ неосязаемаго вещества, которое онъ называлъ эѳиромъ, и полагая, что цвѣты происходятъ отъ соединенія разныхъ частицъ эѳира съ частицами ртути, сѣры и соли.

Сіи мнѣнія не что̀ иное суть, какъ предположенія, однакожъ доказываютъ испытательный и дальновидный разумъ. Изо всего должно необхо-

димо заключить, что Ломоносовъ принадлежитъ къ малому числу умовъ изобрѣтательныхъ, и однимъ примѣромъ своимъ утверждаетъ истину, что Россіяне одарены великими способностями разума.

—

О РЕПНИНѢ.

Есть родъ душъ возвышенныхъ, которыя пренебрегаютъ спокойство праздной жизни и удовольствія роскоши и нѣги; которыя не чувствуютъ никакихъ другихъ наслажденій кромѣ тѣхъ, кои дарует нам любовь къ отечеству, сознаніе произведеннаго блага и ожидающая слава.

Таковъ былъ славный соотечественникъ нашъ фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Искусный полководецъ, важный и остроумный негоціаторъ, прозорливый градоправитель, человѣкъ равно сіяющій при Дворѣ вѣжливостью и тонкимъ знаніемъ общества, какъ въ совѣтахъ мудростью и безпристрастіемъ, наипаче отличался онъ разборчивымъ чувствованіемъ чести и любовью къ отечеству; гражданинъ и вельможа, иногда несчастливъ на войнѣ, иногда увлеченъ пылкостью нрава, но всегда твердъ, всегда готовъ всѣмъ жертвовать долгу службы, даже до собственной гордости, которую извиняло толикое множество заслугъ. Онъ былъ живой образецъ

благородства, добродѣтели, безкорыстія, велико-душія и безукоризненной ревности. Таковъ былъ бы Аристидъ, еслибы онъ родился въ Россіи.

—

Стернъ.

[illegible]

въ картинахъ своихъ головы старика болѣе почтенной. Глаза его, ясные и кроткіе, казалось, смотрѣли за край здѣшняго міра. Онъ просилъ милостыни для монастыря своего. Никто не любитъ, чтобъ добродѣтели его были игрою случая. Надобно знать, кому дѣлаешь добро. Какъ бы то ни было, при видѣ бѣднаго монаха, сердце Стерново, недавно столь человѣколюбивое, затворилось къ жалости, и онъ отказалъ бѣдному старику съ жестокостью. «Мой другъ,» сказалъ онъ ему, «въ моемъ отечествѣ много осталось бѣдныхъ, которымъ я долженъ помочь прежде нежели тебѣ. Зачѣмъ ты не работаешь?» Старикъ вздохнулъ. Нѣжная краска покрыла блѣдныя щеки его. Онъ вышелъ. Стернъ почувствовалъ всю жестокость своего поступка. «Я бы могъ не дать ему милостыни; но какое право имѣлъ оскорблять его?» — И тысяча такихъ маленькихъ приключеній получаютъ отъ пера его несказанныя прелести. Стернъ имѣлъ множество подражателей: ни одинъ не сравнился съ образцомъ своимъ; ибо ни одинъ не умѣлъ читать такъ вѣрно въ сердцѣ человѣческомъ, какъ чувствительный другъ Элизы.

—

ЛАБГЕРОТТЪ

[illegible] съ учеными, съ художниками, съ англійскими лордами и съ россійскими боярами. [illegible] въ Англіи и только въ Петербургѣ. Это было въ царствованіе государыни Анны Іоанновны.

Множество предметовъ представлялось любопытству его въ Россіи. Онъ удивился духу Петра Великаго, котораго воспоминаніе было тогда еще толь свѣжо. Онъ измѣрялъ въ воображеніи силы государства, которое вмѣстѣ касается Швеціи и Китая, и отдавалъ справедливость способностямъ Россійскаго Народа. Въ краткомъ описаніи путешествія его въ Россію, видѣнъ въ немъ человѣкъ, который умѣетъ наблюдать нравы и предвидѣть происшествія издалека. Фридрихъ Второй, которому всякое достоинство было драгоцѣнно, удержалъ его на возвратномъ пути въ отечество и заставилъ благодѣяніями своими позабыть на нѣкоторое время прекрасное небо Италіи. Разговоры его съ королемъ о словесныхъ наукахъ составляли всѣ утѣхи жизни его въ Берлинѣ. Осталось множество писемъ, которыя свидѣтельствуютъ особливое уваженіе государя сего къ Альгаротти. И даже по смерти его, король почтилъ память его, приказавъ поставить, на гробницѣ грудное изображеніе его съ сею надписью: «Фридрихъ II Франциску Альгаротти, сопернику Овидіеву, ученику Невтонову.»

КРИТОНЪ И СОКРАТЪ.

«Ты давно здѣсь, Критонъ? зачѣмъ же ты меня не разбудишь?»

— Ты почивалъ. Я не хотѣлъ востревожить твоего спокойствія, тѣмъ болѣе, что ты недолго вкушать его будешь.

«Разумѣю: священный корабль, котораго плаваніе удержало исполненіе приговора моего, возвращается.»

— Но ежели бы ты уважилъ представленія друзей своихъ, ихъ чувствительность, страданія, которыя приготовляетъ имъ смерть твоя, ты бы могъ легко избѣжать несправедливости судей. Злоба клеветниковъ твоихъ была бы обманута и Аѳинейцы не имѣли бы несчастія оскорбить въ особѣ твоей философію и добродѣтель. Стражъ темничный мнѣ преданъ. Нѣсколько денегъ могли бы доставить тебѣ убѣжище.

«Но куда скроюсь я, Критонъ, отъ сей самой добродѣтели, которой цѣлую жизнь мою служилъ я во глубинѣ сердца моего? Куда уйду я отъ совѣсти, которая повелѣваетъ мнѣ почитать истину, хотя бы она и противъ меня была? Какое тайное убѣжище защититъ меня отъ взоровъ Вышняго Существа, Которое назначило конецъ жизни каждаго. Останемся здѣсь, Критонъ. Мы вездѣ безопасны, гдѣ неразлучны съ добродѣтелью и во власти Провидѣнія.

БАЯРДЪ И БУРБОНЪ.

Бурбонъ.

Ахъ, Баярдъ! Тебя ли вижу, украшеніе рыцарства? Прими слезы мои при кончинѣ твоей. Хотя я и непріятель твой, но почитаю въ тебѣ добродѣтель, и сіе славное наименованіе витязя безъ страха и безъ порока. Собственная побѣда моя мнѣ ненавистна, когда она похищаетъ жизнь твою. Сожалѣю о тебѣ отъ всего моего сердца.

Баярдъ.

Не жалѣй обо мнѣ, Бурбонъ. Я умираю, служа отечеству. Нѣтъ счастья, выше на свѣтѣ. Только тѣ достойны сожалѣнія, которые, для отмщенія неудовольствій личныхъ, дерзаютъ подъять оружіе противъ отчизны.... Воины, друзья мои, положите меня лицомъ къ непріятелю. Покуда жилъ, я никогда не обращался къ нему тыломъ.

ЗРѢЛИЩЕ ПРИРОДЫ.

Наслажденія, которыя природа представляетъ каждому, требуютъ одного чувствованія. Как й угрюмый человѣкъ сохранитъ холодность свою между тѣмъ, какъ весна усыпаетъ стези его цвѣтами и чистое небо разверзается передъ глазами его, украшенное неописаннымъ сіяніемъ? Но и разумъ имѣетъ свою роскошь, одному ему свойственную. Перенести существованіе свое изъ тѣсныхъ предѣловъ, которые его ограничиваютъ; летать по волѣ въ неизмѣримости небесъ, или надъ поверхностью морей; проникать взоромъ внутренность земли; вопрошать природу о причинахъ величественныхъ ея явленій, — таковы суть возвышенныя удовольствія испытателя природы. Душа его пріобрѣла себѣ, такъ сказать, новыя чувства, чтобъ наблюдать малѣйшія и сокровеннѣйшія дѣйствія природы. Простой человѣкъ идетъ безъ вниманія мимо зрѣлища природы. Тотъ, который болѣе знакомъ съ природою, вездѣ встрѣчаетъ новыя причины удивленія, всеобщую и непрерывную цѣпь вещей и неизреченную мудрость, которая ее составила, между тѣмъ какъ мрачное воображеніе невѣжды и суевѣра безпрестанно показываетъ ему разверзтыя пропасти и природу, вооруженную на погибель его. Просвѣщенный разумъ, предводимый опытомъ, находитъ повсюду постоянный порядокъ, многоразличность и единообразіе, безпрестанное

согласіе причинъ и дѣйствій, и природу всегда ту же, всегда прекрасну и величественну, неистощимую въ силахъ, живое напечатлѣніе благости Всевышняго Существа! Въ глазахъ его природа отлагаетъ всѣ свои страхи и сохраняетъ одно величество. Чертежъ вселенной распростирается до безконечности, и согражданинъ другихъ міровъ, наблюдатель, устремляется духомъ къ предѣламъ бытія, и нигдѣ не срѣтаетъ ничтожества. Тогда всѣ видимыя неправильности входятъ въ одинъ великій порядокъ, котораго мы не можемъ обозрѣть совершенно. Все стремится къ произведенію единаго общаго блага. Тогда престаютъ ужасать сіи явленія, на коихъ первое воззрѣніе колеблетъ мужество человѣка: споръ стихій, сіи молніи, раждающіяся при подошвѣ горъ, море, терзающее берега свои, странствующія кометы, которыя хвостомъ своимъ угрожаютъ государствамъ, затменія солнца и луны, землетрясенія, возгорѣнія огнедышущихъ горъ: сіи ужасы природы, поражая страхомъ вообраafженіе народовъ, становятся привлекательными предметами любопытства для философа. Такимъ образомъ Старшій Плиній оставляетъ начальство флота, коимъ онъ повелѣвалъ при Мизенскомъ Мысѣ, чтобъ быть свидѣтелемъ перваго изверженія Везувія, когда Геркуланъ и Помпей погибли съ нимъ въ одно время подъ дождемъ пепла и пламени. Такое же любопытство, должно думать, стоило жизни Эмпедоклу, который приблизился неосторожно къ безднѣ, отку-

да Этна извергаетъ огненныя рѣки. Такими опасностями хотятъ купить открытіе какой нибудь тайны естества сіи люди, побуждаемые единою жаждою знаній. Не смотря на то, малочисленность опытовъ заставляетъ отчаяваться, чтобы когда нибудь составилась полная система естественной науки. Наши наблюденія безпрестанно ограничены сферою, въ которой мы поставлены. Столько морей, столько пустынь сего земного шара еще не испытаны и заграждены навсегда отъ путешественника! Мы не можемъ сказать, чтобы всѣ роды животныхъ, звѣрей, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, всѣ виды произрастеній были намъ извѣстны; однако порядокъ и облегченіе памяти требуютъ, чтобы и несовершенныя знанія, которыя имѣемъ о природѣ, могли быть представлены въ одной общей картинѣ. Сіе подало поводъ ко введенію сихъ трехъ извѣстныхъ царствъ природы: минераловъ, произрастеній и животныхъ. Раздѣленіе довольно правильное и почерпнутое въ природѣ. Сими тремя степенями образуются всѣ виды существованія. Камни представляютъ самый начальный и грубый образъ бытія. Лишенные всѣхъ орудій чувствительности, они повинуются законамъ тяжести и движенія. Произрастенія имѣютъ уже внутреннее развертываніе частей и обращеніе соковъ: они одарены нѣкоторымъ началомъ чувствительности, которое пріемлетъ вліяніе погодъ и воздуха, но лишены способности перемѣнять мѣсто. Наконецъ въ животныхъ видимъ совершеніе суще-

ствованія. Они наслаждаются полною жизнью и одарены, каждое по свойствамъ своимъ, потребными орудіями и чувствами; пекутся сами о храненіи бытія своего. Каждый видъ оныхъ имѣетъ свои нравы, обыкновенія, страсти, отъ природы вѣчно установленныя. Чуждые дарамъ разума, предоставленнаго единственно человѣческому роду, скоты пребываютъ вѣрны побужденію, и не могутъ приводить въ порядокъ понятія свои и размышлять объ оныхъ. Не смотря на сіи явныя черты раздѣленія между царствами природы, полагаютъ, что есть нѣкоторыя существа, поставленныя, такъ сказать, на предѣлахъ царствъ сихъ и заимствующія нѣчто отъ свойства обоихъ. Такимъ образомъ кораллы, плавающіе въ моряхъ, принадлежатъ вмѣстѣ къ минеральному и растительному царству. Многіе испытатели естества, особливо въ новѣйшія времена, старались привести въ систему Естественную Исторію. Они раздѣляютъ по нѣкоторымъ общимъ признакамъ всѣ извѣстныя породы минераловъ, растеній, животныхъ на извѣстное число классовъ. Особливую славу пріобрѣлъ себѣ въ наше время шведскій натуралистъ Линней, котораго система полагается основаніемъ въ Натуральной Исторіи. Краснорѣчивый соперникъ его, графъ Бюффонъ, опровергая сей способъ ученія, хотѣлъ изобразить природу большими чертами, не будучи связанъ никакимъ порядкомъ. Его сочиненіе принадлежитъ къ малому числу тѣхъ, которыя составляютъ честь нашего столѣтія. Но многоразлич-

ность предметовъ природы столь велика, что жизни одного человѣка мала для окончанія сей картины. Недостаточныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о произведеніяхъ природы, могутъ однакожъ услаждать благородный и дѣятельный разумъ. Сія наука поставляетъ человѣка выше точки времени, которую онъ занимаетъ, и за край предѣловъ, коими ограничено дѣйствительное существованіе его. Прочія наслажденія имѣютъ возрастъ свой и обстоятельства и скуку, слѣдствіе всѣхъ забавъ нашихъ: зрѣлище природы даетъ отраду разуму, утомленному движеніемъ и шумомъ общества, и кажется еще ново и привлекательно для тѣхъ, для которыхъ искусства уже истощили свои очарованія.

—

ВОСХОЖДЕНІЕ СОЛНЦА.

Я предупредилъ разсвѣтъ, чтобъ разсматривать восхожденіе солнца во всемъ его величіи. Сіе зрѣлище на открытомъ морѣ есть самое восхитительное, какое можетъ представить природа взорамъ человѣка. Постараюсь изобразить его, ежели не со всѣмъ великолѣпіемъ, котораго оно требуетъ, то по крайней мѣрѣ со всею возможною истиною.

Время ясно, воздухъ спокоенъ, свѣжесть прелестная. Дыханіе вѣтра легкое, но благопріят-

жище были напрасны. Между тѣмъ прошло много времени. Я былъ въ войнѣ турецкой. Раненъ на кагульской битвѣ, я возвратился на родину свою. Благополучныя обстоятельства умножили мое имѣніе. Съ истиннымъ восторгомъ спѣшилъ я выручить отъ должниковъ село, въ которомъ Евергетовъ столько добра дѣлалъ и гдѣ каждая тропинка напоминала мнѣ какое нибудь удовольствіе моей молодости. Семейственныя дѣла позвали меня въ Вологду. Тамошнее общество нравится мнѣ чрезвычайно. Я нахожу родственниковъ, пріятелей. Между тѣмъ молодой художникъ Яснѣевъ останавливаетъ мое вниманіе. Не можно ничего вздумать благороднѣе, скромнѣе, любви достойнѣе, какъ образъ его рѣчи, поведеніе, вся его особа. Нѣкоторая трогающая задумчивость осѣняла лицо его. Къ дарованію своему присоединялъ онъ основательныя знанія въ наукахъ. Снисканіе дружбы его было въ глазахъ моихъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Скоро показалъ онъ мнѣ всѣ свои опыты, рисунки и нѣкоторыя картины, еще недоконченныя. У него были прекрасные списки съ Лосенкова. Тогда писалъ онъ первое свиданіе Тезея съ отцомъ его, Егеемъ, въ которомъ узнаетъ онъ въ немъ сына. Цѣлые дни просиживая съ нимъ вмѣстѣ, я смотрѣлъ на работу его, подавалъ мои совѣты. Однажды случилось мнѣ подтверждать мнѣнія мои однимъ мѣстомъ изъ книги о Симпатіи. Я раскрылъ ее и на полѣ рукою Евергетова было написано: «Каждый человѣкъ устроенъ отъ при-

роды къ раздѣленію радости и печали всѣхъ тѣхъ, которые его окружаютъ.» Вдругъ слезы полились по щекамъ Яснѣева и уста его прилѣпились къ словамъ симъ. Онъ узналъ руку своего отца. Какъ я былъ счастливъ въ сію минуту! Я имѣлъ въ объятіяхъ сына моего благодѣтеля, и мы поспѣшили оба къ убѣжищу сего почтеннаго старца.

ТРИ ПИСЬМА.

1.

Скорое движеніе по полямъ равнымъ и сіяющимъ снѣжною бѣлизною приближаетъ насъ къ Вологдѣ, городу, который имѣетъ уже столько отношеній къ Архангельску. Древнѣе его, онъ былъ нѣкогда пребываніемъ великаго государя царя Іоанна Васильевича, въ которомъ столько добродѣтелей политическихъ затмеваются недостаткомъ кроткихъ добродѣтелей и умѣренности. При немъ англійскіе мореплаватели проникли въ устье Двины и открыли соотчичамъ своимъ, такъ какъ и Россіи, новое сообщеніе торговли. Столь далеко и затруднительно было оно безъ созданія Петербурга, верховнаго сотворенія прозорливости Петровой! Прежде населенія Архангельска, англійскіе купцы пріѣзжали проживать зиму въ

Вологдѣ. И теперь связи съ купечествомъ Архангелогородскимъ, удобное сообщеніе водою съ Бѣлымъ Моремъ, такъ, какъ и не менѣе выгодное участіе въ торгахъ сибирскихъ и китайскихъ, сохраняютъ полезную дѣятельность въ гражданствѣ вологодскомъ. Нѣкоторые изъ мѣщанъ здѣшнихъ подвергали жизнь свою въ далекихъ и неизвѣстныхъ поискахъ морскихъ открытій. Новые Колумбы, они посѣщали острова, отдѣленные безднами морскими отъ обоихъ кряжей земли Азіи и Америки.

Посреди города протекаетъ рѣка того же имени, которая не можетъ заслуживать славнаго имени въ рѣкахъ россійскихъ, въ числѣ россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала, по выраженію великаго стихотворца нашего. Строеніе довольно велико и по большей части деревянное. Нѣсколько церквей каменныхъ древняго строенія; есть заводы и рукодѣлія; фабрики свѣчныя и бумажныя. Но особливо оживляется общество вологодское близостью селеній дворянскихъ, окружающихъ городъ. Тщаніе къ домостроительству, согласіе, пріятность общежитія составляютъ выгодное умоначертаніе сего благороднаго общества. Таковъ между прочими достойный почтенія А...., котораго отличное просвѣщеніе и благонравіе даютъ ему неоспоримое преимущество надъ его равными; философъ безъ своенравія и угрюмости, онъ окружилъ себя избраннѣйшими увеселеніями посреди сельской жизни. Любимъ, уважаемъ въ цѣломъ уѣздѣ съ безпритворнымъ

усердіемъ раздаетъ онъ совѣты дворянину, наставленія земледѣльцу. Онъ мнѣ напоминалъ старика Виргиліева, который наслаждался разведеніемъ сада и богатъ собственнымъ трудомъ своимъ.

Сокровища царей душею занѣнялъ.

Будетъ ли и для насъ, любезный другъ мой, сіе время спокойства и наслажденія собою, которые достойные люди предполагаютъ награжденіемъ дѣятельной и полезной жизни? Оба призваны породою къ военному состоянію, мы должны купить сіе спокойствіе опасностями и трудами. Можетъ быть, между тѣмъ какъ я наслаждаюсь домашнею жизнію и приготовляюсь къ службѣ еще изъ середины семейства своего, ты чувствительнѣе ко гласу славы устремишься къ позорищу войны и пожелаешь ближе узнать сего Румянцова, который наполняетъ ужасомъ невѣрныхъ и славою Европу.

Но между тѣмъ, какъ воображеніе мое странствуетъ толь далеко, наступаетъ часъ отъѣзда нашего изъ Вологды и благодѣяніемъ почты и хорошаго зимняго пути безпрестанно подаваться будемъ въ глубокій сѣверъ, сіи страны, нѣкогда славныя подъ именемъ Біарміи, и гдѣ, несмотря на жестокость климата, воображеніе, самое сіяющее, одушевляло младенчество Ломоносова.

Что касается до тебя, пользуйся благорастворенiемъ воздуха московскаго, красотою мѣсто-

положеній, въ окрестностяхъ ея, можетъ быть, единственною въ государствѣ, почерпай жизнь и удовольствіе на сихъ холмахъ, осѣненныхъ пріятною тѣнью, участвуй во всѣхъ увеселеніяхъ. Я желаю тебѣ еще болѣе: просвѣщай разумъ свой науками и искусствами. Твое счастіе, ты знаешь это, прилагаю я къ своему собственному. Прощай.

—

2.

Другіе пишутъ пріятнѣе къ своимъ пріятелямъ, никто чаще и прилежнѣе меня. Свидѣтельство письмо сіе, которое пишу къ вамъ изъ самаго маленькаго города: нравы самые сельскіе, тишина, которой ничто не возмущаетъ. Градоначальникъ, подъ чертами котораго честность сама одушевлена кажется, находитъ все свое благополучіе въ спокойной неизвѣстности. Сколько мало надобно для удовольствованія человѣка, ежели онъ умѣетъ ограничить себя въ тѣсномъ округѣ необходимыхъ наслажденій! Александру Великому наконецъ и Свѣта не достало.

Но я нечувствительно перехожу къ нравоученію—слѣдствіе моихъ дорожныхъ чтеній. Въ часы отдохновенія, на ночлегахъ, занимаюсь я чтеніемъ жизни Эпаминондовой. Въ заглавіи оной помѣщено разсужденіе аббата де Сентъ Піера о

различіи между именами великаго человѣка и знатнаго человѣка. Сколько подвиговъ, сколько добродѣтелей сердца надобно знатному, чтобъ оправдать породу, которая столько возвысила его надъ тысячами, какъ будто для того, чтобъ яснѣе показать его недостатки!

Чтó могло быть знатнѣе Клавдія и Нерона?— одинъ былъ посмѣшище, другой ужасъ человѣческаго рода!

Цицеронъ, котораго называли новымъ человѣкомъ и который, не взирая на то, имѣлъ неоцѣненное счастіе спасти свое отечество, хотѣлъ, чтобъ лучше родъ его начался имъ, нежели кончился.

Смиренный градоначальникъ мой ничего не знаетъ о звучныхъ именахъ сихъ, и ежели городъ его похожъ на сіе селеніе въ Галліи, въ которомъ Кесарь хотѣлъ быть лучше первымъ, нежели въ Римѣ вторымъ: то сіе случилось съ нимъ безо всякаго подозрѣнія честолюбія.

Сколько въ письмахъ моихъ примѣтенъ ученикъ, убѣжавшій изъ классовъ! Отдаленіе мое въ провинціи продолжитъ чаятельно во мнѣ непросвѣщеніе въ поступкахъ и обхожденіи. Я не буду двигаться въ вихрѣ прекраснаго общества, которое въ столицахъ только расточаетъ всѣ свои пріятности. Счастливъ еще, если продолженіе перерванныхъ ученій наполнитъ пустоту сію!

Чрезъ нѣсколько дней я буду въ Архангельскѣ, гдѣ надѣюсь получить письмо отъ васъ. Одинъ маленькій городъ, Важскій Посадъ, остает-

ся намъ на пути къ городу. Мы ѣдемъ излучинами рѣки Ваги, которая, какъ я слышу, приведетъ насъ на Двину, сію владычицу водъ сѣверныхъ, ежели вы мнѣ простите стихотворческое выраженіе.

Наполненъ чтеніемъ Ломоносова, я не могу безъ пристрастія и уваженія взирать на родину сего блистающаго разума. Я почитаю въ простыхъ обитателяхъ страны сей возможность произвести счастливѣйшее дарованіе въ состояніи земледѣльца. Сіе состояніе здѣсь довольно счастливо. Удобряя землю только для самихъ себя, подъ именемъ Черносошныхъ, наслаждаются они всѣми выгодами вольности. Ближе къ городу, они участвуютъ во вліяніи купеческаго города; служатъ при мореплаваніи, ѣздятъ на промыслы. Были между ихъ молодыми людьми нѣкоторые, увлеченные соревнованіемъ къ ихъ славному соотечественнику, которые отваживались во слѣдъ просвѣщенія оставить семейство свое и въ отдаленныхъ земляхъ учились основаніямъ наукъ. Столько дѣйствуетъ въ благородныхъ душахъ сила примѣра!

Дружба моя къ тебѣ, любезный другъ, не уменьшается отдаленіемъ. Меня сопровождаетъ безотлучно воспоминаніе о твоемъ просвѣщенномъ разумѣ и благородномъ сердцѣ.

—

3.

Мы сейчас проѣзжаемъ Холмогоры, городъ древней славы въ сѣверѣ. Крутизны, живописнымъ образомъ возвышающіяся отъ основанія Двины, по которой ѣдемъ, представляютъ на правой сторонѣ оной селеніе города. Сюда пріѣзжали, сказываютъ, на поклоненіе кумиру, подъ именемъ Золотой Бабы извѣстному, обладатели Финновъ и Норвежцовъ.

Двина является подъ видомъ гордымъ и величественнымъ. Раздѣляясь на рукава, объемлетъ она ими множество острововъ. Здѣсь принимаетъ впадающую въ нее рѣку Пинегу и, увеличивая ею изобиліе водъ, довольное и безъ того соединеніемъ съ Сухоною и Югомъ, ищетъ повергнуться въ Бѣлое Море.

Противъ Холмогоръ примѣчанія достойна волость Керостровъ, мѣсто рожденія Ломоносова.

Въ одной изъ сельскихъ хижинъ образовался сей сіяющій духъ. Примѣръ дяди, прилежнаго къ чтенію церковныхъ книгъ, возбудилъ соревнованіе его. Онъ пожиралъ книги. Но ему надобно было скрывать склонность къ ученью. Украдкою бѣжалъ онъ въ училище холмогорское учиться основаніямъ латинскаго языка. Одна черта сія изъявляетъ охоту его и принужденіе, подъ которымъ находился: подбой кафтана служилъ ему для записки географическихъ свѣдѣній.

Возрастъ дѣлалъ уже его способнымъ къ упражненіямъ состоянія его. Уже успѣлъ онъ начальствовать судномъ отца своего, ходившимъ на промыслы къ Шпицбергену; но вѣчные льды сѣвера не прохладили восхищеній будущаго стихотворца.

Возвратясь однимъ вечеромъ, приходитъ онъ съ необыкновенною чувствительностью къ дядѣ своему, открываетъ ему тайну свою искать просвѣщенія въ столицѣ, и на память дружбы выпросивъ себѣ шапку его, оставивъ ему свою въ залогъ благодарности, прощается съ нимъ и идетъ въ Москву безъ помощи, безъ малѣйшаго знакомства.

Московская Академія была первымъ пристанищемъ. У обѣдни былъ узнанъ духовными особами сего училища и принятъ съ отличностью жаркой любитель письменъ, который сдѣлался потомъ украшеніемъ оныхъ въ Россіи.

Сіи преданія тщательно сохраняются въ народѣ, который пріемлетъ участіе во славѣ своего единоземца. Если доказательство, болѣе убѣждающее въ той истинѣ,

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И острыхъ разумовъ Невтоновъ
Россійская Земля раждать?

Какъ! въ хижинѣ земледѣльца, въ состояніи, посвященномъ ежедневному труду, далеко отъ всѣхъ способовъ просвѣщенія, отъ искусствъ, отъ общества—родится разумъ, обогащенный всѣ-

ми дарованіями, всѣми способностями, которому суждено открыть поприще письменъ въ своемъ отечествѣ? Неизвѣстное побужденіе поведетъ его на исканіе наукъ, которыхъ едва бытіе онъ постигаетъ.

Таково есть владычество духа! Оно не знаетъ различій породы, сана, состояній. Сынъ перваго вельможи имѣетъ преодолѣть столько же и, можетъ быть, болѣе препятствъ для освобожденія себя отъ невѣжества, какъ и сынъ послѣдняго земледѣльца.

Сія самая причина должна служить побужденіемъ высшимъ состояніямъ общества, утвердить ихъ преимущества случайной породы и предпочтенія симъ преимуществомъ, болѣе основательнымъ просвѣщеннаго и украшеннаго разума.

Что́ думать о сихъ временахъ варварства, когда знаніе почиталось униженіемъ знатности и когда бояра хвалились своимъ незнаніемъ грамоты, которую они дьякамъ оставляли?

Но ревность моя къ ученью увлекла меня за предѣлы письма. Я очень увѣренъ, что не могу наскучить другу моему, говоря о предметахъ, возбуждающихъ все его вниманіе. Прощай.

МЫСЛИ, ЗАМѢЧАНІЯ И ОТРЫВКИ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОРА.

Для меня истинное наслажденіе послѣ пятнадцати, двадцати лѣтъ жизни, развернуть мои рукописи и видѣть въ моемъ журналѣ всѣ прежнія радости мои и печали. Я могу обратить взоры на постепенно уходящую жизнь, какъ странникъ, съ высокаго холма обозрѣвающій извивающуюся дорогу цѣлаго утра. Приближаясь къ степеннымъ годамъ зрѣлости и старости, переношу наслажденія мои въ прошедшее; супругъ счастливый, въ 1794 году читаю спокойно юношескія сумасбродства 1784 и 1779; мои восхищенія, раскаянія, надежды и отчаянія.

—

Желаетъ умереть тотъ, кто чувствуетъ себя недостойнымъ жить.

—

Не можно употребить довольно осторожности въ сохраненіи своихъ друзей.

—

Человѣкъ, мало читающій, лишаетъ себя многихъ случаевъ воспоминать свои правила, упражнять свой разумъ и сердце: Воображеніе его тупѣетъ и понятія запутываются.

—

Никто изъ постороннихъ людей не любилъ меня, не почиталъ меня столько, какъ В. В. Х......въ. Другіе любятъ своихъ пріятелей за похвалы и угожденія, отъ нихъ получаемыя: этотъ любилъ меня для удовольствія хвалить меня. По несчастію, сіе воспаленіе въ мою пользу мнѣ послужило мало: я не есмь прекрасный человѣкъ. Но сердце Х.......ва для меня всегда святилищемъ. Кто обо мнѣ думалъ такъ выгодно? Кто имѣлъ болѣе ко мнѣ пристрастія? Стихотворству обязанъ я первымъ его знакомствомъ.

—

Какъ должно стараться сбирать въ средоточіе самого себя все то, что составляетъ наши преимущества! Несчастливый случай можетъ сносить надежды нашего честолюбія. Коварство можетъ помрачить наше имя. Забвеніе, которое и несправедливости жесточѣе, изгладитъ насъ изъ памяти людей. Минихъ, съ высочайшія чреды славы и власти возведенный на лобное мѣсто, въ Сибири показалъ, что онъ былъ великій человѣкъ. Но не приводя толь высокихъ примѣровъ,

тысячу разъ въ жизни нашей имѣемъ мы случай чувствовать; что основательнѣйшее честолюбіе есть то, котораго причины въ насъ самихъ сохраняются, что наше достоинство внутреннее не прирастаетъ съ новымъ чиномъ, который исканія или докучливость вырвали. Незапность возводитъ на высшія степени человѣка, котораго въ нижнихъ мы презирали. Достойный и добрый человѣкъ не умѣетъ пресмыкаться у пороговъ знатныхъ и ихъ любимцовъ, и остается въ небреженіи. Долженъ ли онъ для того менѣе почитать себя? Воздаваемое почтеніе знатнымъ бываетъ или похищенное отъ насъ противъ воли, затѣмъ что мы слабы и подлы; или принужденное, затѣмъ, что мы чего нибудь боимся или надѣемся. Мы думаемъ также раздѣлять ихъ сіяніе, когда хвалимся ихъ милостью и обхожденіемъ. Но когда мы ихъ судимъ; сколько несправедливости? Мы позабываемъ вдругъ, что тысячу разъ стаивали мы въ ихъ передней и говорили передъ ними съ трепетомъ. Мы только отмщаемъ за свою низость и дѣлаемъ другую, думая тѣмъ болѣе превознестись, чѣмъ выше и могущественнѣе порицаемый нами. Тимантъ, окруженный толпою поздравителей, думаетъ, что они чувствуютъ его великость; а каждый изъ нихъ въ свою очередь мыслитъ имѣть великія права оспоривать у него и у всѣхъ достоинства. Что же есть мѣра почтенія? Какая трудность избѣжать и несправедливости и пристрастія!

—

Я еще лучше хочу, чтобъ мои злодѣянія были освѣщены окомъ всевѣдущаго, нежели, чтобъ всѣ мои дѣйствія, сіи сокровенныя, которыя наиболѣе присвоиваетъ себѣ сердце мое и отвергая ихъ, остались безъ свидѣтеля.

—

Надобно, чтобъ иногда обхожденіе съ самимъ собою исправляло безпорядки, причиненные обхожденіемъ съ другими. Сколь различнымъ отъ себя самого иногда находишь себя, когда соберешь разсѣянныя чувствованія и понятія?

—

Чтó въ жизни безъ труда, изощряющаго удовольствія жизни? Человѣка разсѣяннаго въ свѣтѣ вѣрно признать можно по непостоянности и колебимости мыслей. Въ пустынѣ только сотворяется мудрецъ, стихотворецъ и вспыльчивый защитникъ истины, то есть собственныхъ своихъ мыслей.

—

Совѣсть не внушаетъ намъ, чтó должно думать, но только то, чтó должно дѣлать.

—

Не отвергай никогда несчастнаго ты, который на утро можешь стать его несчастливѣе.

Тебѣ не знакомъ этотъ страждущій; но онъ еще страждетъ? Это ему служитъ завѣтомъ гостепріимства съ тобою. Ужели простремъ руки брату, не удостоивъ его своихъ объятій? Твой другъ, твой отецъ, отдаленные отъ тебя, можетъ быть, въ эту минуту чужды помощи, платятъ своимъ страданіемъ за жестокосердіе твое къ страннику. Да представится сіе твоему воображенію, и будешь сирому вмѣсто сродника и вмѣсто наставника слабоумному. Воздохнетъ о тебѣ несчастливый на Небо и одобреніе самого себя проникнетъ душу твою и ангелъ-хранитель изыщетъ для тебя новое доброе дѣло.

—

Надобно читать, чтобъ судить о книгахъ; чтобъ судить о людяхъ, надобно съ ними обращаться. Спокойный пустынникъ не всѣ знаетъ силы и глупости человѣка. Лучшій профессоръ моральной философіи, если онъ не слушалъ лекцій въ срединѣ большаго общества, можетъ быть невѣжею въ тонкостяхъ и прелестяхъ обхожденія. Его знанія измучатъ. Его правильность не угадаетъ пріятностей.

—

Философъ — благороднѣйшее имя и достоинство всякаго мыслящаго человѣка. Мудрецъ есть нѣчто возвышающее природу человѣческую. Бо-

гатые и сильные земли приходятъ унижаться передъ стопами его; и между тѣмъ какъ тщетныя желанія волнуютъ смертныхъ, онъ спокоенъ, испытуетъ силы душъ и знаетъ цѣну міра и страстей. Онъ живетъ въ возвышеннѣйшемъ небѣ и только снисходитъ съ онаго, чтобъ освѣщать стезю своихъ братій. Истина — его страсть. Онъ всегда въ нѣдрахъ природы и въ восхищеніяхъ своихъ видитъ Бога. Его обхожденіе дѣлаетъ лучшимъ: душа является въ немъ яснѣе и держитъ въ неволѣ чувства.... Юноши! о, если бы вы имѣли счастіе знать мудрецовъ: ваши бы чистыя сердца ихъ обожали. Но ежели бы имѣли вы и довольно силы никогда не отлучаться отъ ихъ сообщества, никогда не бояться ихъ тихой строгости и нравоученія! Я знаю одного.... О, дай мнѣ, Боже! довольно чувства, чтобъ слова его напечатлѣть въ сердцѣ моемъ и къ Тебѣ, такъ, какъ онъ, возвышаться! Просвѣщаясь, становимся мы добродѣтельными. Ученіе оживотворяетъ въ сердцѣ нашемъ сѣмена добрыхъ качествъ. И если когда нибудь оно ихъ подавляетъ и развращаетъ; то, когда само оно не чисто, когда не почерпнуто оно въ истинѣ, но составилось въ разумѣ, всѣмъ заблужденіямъ отверзтомъ, и въ душѣ, рабствующей чувствамъ. Души низкія! ежели вы дерзаете посмѣваться имени философа, то для того только, что развращенныя сердца ваши корыствуются симъ предубѣжденіемъ. Можетъ ли занимать что либо достойнѣе сердца добродѣтельныя, какъ раз-

[illegible]

—

[illegible]

спокойное убѣжище отъ пороковъ, страстей и праздности.

—

Я не желаю пустой чести быть стихотворцомъ, но желаю счастія говорить, живописать чувствованія, драгоцѣнныя человѣчеству, возбуждать способности, изнемогающія въ душѣ моей. Желаю счастія произвесть твореніе, которое внушило бы мнѣ мое сердце. Высокія души! Тассъ, Расинъ, Херасковъ, простите, что я пріобщаю себя къ вашимъ сердечнымъ восхищеніямъ. Васъ буду я почитать, какъ духовъ вышнихъ; себя какъ смертнаго, счастіе свое отъ васъ заимствующаго. Въ нашей землѣ, въ наше время, стихотворство не есть ни обогащеніе, ни степень къ честямъ. Кто не умѣетъ жить съ собою и не полагаетъ всего своего награжденія въ собственномъ наслажденіи и въ томъ, что книга его пойдетъ въ потомство: того музы не удостоиваютъ своего обхожденія. Похвалы современниковъ или презрѣны, будучи куплены, или очень скупо расточаются. Кому изъ истинныхъ стихотворцевъ была отдана справедливость? Академія Делла Круска заставила признаться самого Тасса, что безсмертная поэма его есть сочиненіе негодное. Я рѣшился: или совсѣмъ не писать стиховъ или кончить Болеслава *. Симъ сочи-

* Покойный Муравьевъ сдѣлалъ планъ трагедіи Болеслава. Въ бумагахъ его остались одни только ея отрывки.

нениемъ хочу я быть извѣстенъ. Хочу идти тою же стезею, какою шли Сумароковъ, Херасковъ, Майковъ, Княжнинъ, и отрицаюсь отъ всего другого.

—

Я нахожу, что, переводя что̀ нибудь, могу я превратить, если не въ полезныя, то по крайней мѣрѣ въ сносныя и занятыя, тѣ скучныя минуты жизни, въ которыя не гожусь никуда. Въ образцахъ не будетъ мнѣ никогда недостатка: черезъ то̀ буду я съ ними знакомѣе; тѣмъ лучше, если навсегда буду прилѣпляться къ превосходнѣйшимъ. Все, чему я подвергаюсь наконецъ, есть неудовольствіе худо переодѣть великаго писателя. И въ томъ утѣшаться должно большимъ и весьма почтеннымъ обществомъ товарищей отъ аббата Маролля до позднихъ потомковъ его, которымъ нѣсть числа. Да и кто жъ помѣшаетъ оставить сіи опыты подъ тройными замка̀ми? Мои сочиненія будутъ, какъ дѣла человѣколюбія; тѣмъ лучше, чѣмъ неизвѣстнѣе; чтобы впрочемъ злоба ни разглашала о смиренномудріи авторовъ.

—

Должность господина состоитъ не въ томъ только, чтобъ слугамъ облегчать ихъ бремя. Кротость безъ благоразумія, безъ истиннаго попече-

нія о нравственности ихъ, не есть еще добродѣтель. Часто бываетъ она участницею злодѣйствъ ихъ и несчастій. Надобно имѣть твердость для строгаго выговора; ревность и краснорѣчіе сердца, чтобъ порокъ представить ненавистнымъ и добродѣтель прелестною. Домоводство, самое малѣйшее, не есть корабль безъ кормчаго. Если свободный и просвѣщенный человѣкъ столь часто сбивается съ прямого пути, то люди, коихъ душа уничижена жестокостью невольничества, ограниченные почти единымъ движеніемъ, могутъ ли въ жизни своей всегда выбирать прекрасное?

—

Если воспоминанія не обманываютъ меня, то всѣ мои ощущенія были живѣе, прекраснѣе, были почти божественны во младенчествѣ. Я еще помню одно захожденіе солнца лѣтомъ, котораго воспоминаніе и теперь приноситъ мнѣ удовольствіе.

—

Я столько уже читалъ затѣмъ только, чтобъ читать. Придетъ ли то время, когда буду я читать въ намѣреніи сдѣлаться лучшимъ? Сколько прелестей во зло употребили письмена, чтобы возбудить въ слабыхъ смертныхъ искры сладострастныхъ желаній, худо кроющихся подъ пепломъ! Какое совершенство искусства, какія чер-

ты прекраснаго, внушаемыя только нѣжнѣйшему ощущенію, служатъ покрываломъ суетнаго и часто развращеннаго! Катуллъ, Овидій, Марини, Лафонтенъ — какія имена въ стихотворствѣ! Но какія же дарованія извинить могутъ, не говорю уже замѣнить недостатокъ нравовъ? Огненная душа Клейстова вымышляла стихи, добродѣтель внушающіе. Все, что ни видѣлъ онъ, облекалось красками небеснаго, невиннаго, пылающаго. Клопштокъ, Геснеръ, пѣвцы столь величественные, столь простые. Галлеръ, достойный испытанія мудрецовъ, когда онъ говоритъ о разумѣ, хотя и въ стихахъ. Такъ! сіи немногіе заслуживаютъ быть между книгами разумнаго человѣка. Постарайся собрать всѣ раковины на берегу моря. Отягощенъ трудомъ своимъ, посмотри, сколь велико число собранныхъ тобою въ сравненіи съ оставшимся. Ты конечно бросишь и тѣ. Въ семъ точно положеніи тотъ обманутый, который стаскиваетъ груду чтеній. Онъ осужденъ самъ собою къ казни Данаевыхъ дщерей. И сей читающій, быть можетъ! . . . Но должно ль заключить мнѣ, что и всѣ таковы? Мудрецъ единаго мгновенія, лучшее, можетъ быть, что я способенъ былъ сдѣлать въ жизни моей; есть только то, что я — читалъ!

—

Не смотря на то, что незнающіе имѣютъ причину презирать науки, они имъ удивляются въ

молчанія: они принуждены имъ отдавать нѣкое благоговѣйное служеніе, чувствуя, что дѣлаютъ это по неволѣ. Часто бываетъ, что въ семъ сокровенномъ почтеніи преходятъ они истинный предѣлъ того, которое заслуживаетъ какое нибудь знаніе. Отъ того-то случается, что иные разумы возвышаютъ ученость униженіемъ философіи. Въ посредственной душѣ все исчезаетъ, кромѣ той науки, того рода знаній, съ которыми она думаетъ имѣть искренній союзъ. Вкусъ долженъ располагать почтеніемъ и судомъ философа. Вкусъ никогда не отвергаетъ большой массы свѣдѣній ясныхъ, полезныхъ въ природѣ, въ наукахъ, въ дѣяніяхъ и упражненіяхъ человѣческаго рода; онъ не отвергаетъ, но требуетъ обильнаго, порядочнаго, высокаго тока мыслей; онъ любитъ сердце вѣрное и неиспорченное въ своихъ движеніяхъ; онъ вкушаетъ волшебство богатаго, страстнаго воображенія, повторяющаго всѣ понятія разума, всѣ сновидѣнія сердца. Однако всѣ сіи роды упражненій души, ученость, Философія, Геометрія, Стихотворство, въ исполненіи имѣютъ свои недостатки. Вкусу осталось располагать свое почтеніе съ той стороны, гдѣ наименѣе сихъ недостатковъ. Такимъ образомъ Руссо, Невтонъ, Гомеръ, Вольтеръ должны быть ограждены отъ всякаго нападенія во святилищѣ вкуса.

—

Какое человѣколюбивое намѣреніе управляло душею Геллерта въ то время, когда писалъ онъ объ утѣшеніяхъ скорбныя жизни! Столько умовъ трудятся для наставленія и удовольствія здоровыхъ! Но кто изъ писателей предположилъ себѣ украсить, если возможно, мгновеніями свѣта и спокойствія томящуюся жизнь больного? Какое состояніе болѣе требуетъ совѣтовъ, подкрѣпленій, разсѣянія? Счастливъ еще, счастливъ среди страданій своихъ недугующій, котораго душа непотрясенна, который къ высокимъ добродѣтелямъ человѣка, христіанина и мудреца присовокупляетъ: неповрежденную способность умилиться при видѣ трогающаго и на пріятное улыбнуться, узнать въ произведеніяхъ разума и искусства впечатлѣнное въ душѣ его предначертаніе прекраснаго, живописать себѣ окружающую его природу прелестями воображенія и наслаждаться прошедшимъ. О, ежели воспоминаніе какого нибудь добраго дѣла присовокупилось бы къ симъ утѣшеніямъ въ сердцѣ его!

—

Я не знаю, есть ли что̀ нибудь тягостнѣе тѣхъ минутъ, въ которыя человѣкъ не находитъ въ должности своей и въ обыкновенныхъ упражн[illegible] ніяхъ своей жизни тѣхъ пріятностей, кото[illegible] составляли его благополучіе. Какое ле[illegible] можетъ истребить сіе забвеніе самого [illegible] Бѣдные люди! мы жалуемся, будучи [illegible]

трудами; но въ тысячу разъ отяготительнѣе намъ праздность. Состояніе, которое кажется наполненнымъ прелестями, есть тò самое, котораго мы терпѣть не можемъ... сколь нужно человѣку быть мудрецомъ! Сколь несчастны тѣ минуты, въ которыя истина сія намъ не столь тверда кажется! Чтò мнѣ дни сіи, которыхъ я позабылъ счетъ? Они недостойны быть замѣчены въ безполезной моей жизни. Я старался въ нихъ убѣжать отъ самого себя и только привыкъ къ скукѣ. Не я ли думалъ употребить сіе самое время, въ которое буду отданъ самъ себѣ, на удовольствія и разума, и сердца? Не я ли извинялся въ Петербургѣ расточенными минутами суетной и несвободной жизни, когда мнѣ надобно было оправдаться передъ собственною совѣстью въ моемъ бездѣйствіи? Въ Твери совершилось развращеніе моего разума. Боже мой! если только бы осталось еще сердце, способное чувствовать заблужденія! Съ какою жалостью долженъ я оглянуться на успѣхи лѣности и разрушеніе силъ душевныхъ, почти для меня неизбѣжное. Въ три мѣсяца не могу собраться прочесть Тасса. Виргилія читаю съ тѣмъ равнодушіемъ, которое недавно почиталъ я самъ несчастіемъ. Если примусь по случаю за какое нибудь упражненіе, то лѣность въ то же мгновеніе упражняется сыскать причину покинуть его. Мнѣ легка уже кажется сама скука, сіе бремя человѣчества, въ сравненіи труднаго и малѣйшаго вниманія, которое должно употребить на чтеніе, на чувствованіе читаемаго. И

послѣ сего я еще сплю спокойно и терплю бытіе свое и бытіемъ своимъ скучаю тѣмъ, которымъ долгъ мой есть дѣлать оным же удовольствіе... Гомерова «Иліада» лежитъ у меня болѣе мѣсяца на столѣ и едва ли успѣлъ я два раза раскрыть ее во все это время, и то принуждая самъ себя. Гдѣ то прекрасное время, когда, еще не имѣя ни способовъ, ни столько просвѣщенія, просиживалъ я дни за Корнелемъ въ городѣ Архангельскѣ и въ Вологдѣ за Виргиліемъ, котораго разумѣлъ половину. Несчастная склонность къ стихотворству, такъ! я обманулся, почтя тебя вкусомъ, воспитаннымъ во мнѣ бдѣніями и природнымъ побужденіемъ!.. О, добродѣтель! терпишь ли ты быть возглашаема отъ устъ, тебя оскверняющихъ. Приди, приди запретить бурямъ, сердце мое волнующимъ! — и возвратится опять мое спокойствіе и твердость въ трудахъ, — необходимая спутница утѣшенія. И другъ позабылъ меня и жаловаться я не долженъ, недостоинъ будучи того, чтобы меня помнили. Боже мой! удостой воззрѣть на сокрушенное сердце мое и дай мнѣ любить тѣхъ, которыхъ я любилъ и не отврати отъ меня любви ихъ! Сотвори меня волѣ Твоей покорнымъ и дай мнѣ способность почтить любовію добрыхъ дѣлъ Высочайшее Существо Твое!

—

Все то, чего мы сами понять не можемъ, мы почитаемъ или бездѣльнымъ и недостойнымъ насъ занимать, или, напротивъ того, признаемъ за нѣчто высшее и священное. Почему и случается часто, что какъ презрѣніе, такъ и великое почитаніе чего либо происходитъ отъ общаго источника, — отъ невѣдѣнія. Сколько геометровъ, впрочемъ людей умныхъ, почтутъ лучшую трагедію великаго Корнелія за бредъ и тщетное упражненіе бездѣльнаго ума! Всѣ почитаютъ Невтона; но для того ли, что всѣ его разумѣютъ? Мы имѣемъ въ себѣ нѣкоторое побужденіе ко всему тому, что̀ кажется велико. Богъ, согласуясь съ нашею склонностью удивляться тому, чего мы совершенно не понимаемъ, покрываетъ собственную Сущность Свою нѣкимъ облакомъ передъ нашимъ взоромъ. Малебраншъ думаетъ, что упражняться надъ изысканіемъ правилъ движенія тѣлъ небесныхъ и надъ разсѣченіемъ насѣкомыхъ позволено только для забавы, и смѣшно было изъ этого сдѣлать всю свою науку. Что̀ бы онъ сказалъ, когда бы онъ жилъ вмѣстѣ съ Эйлеромъ, Бюффономъ и Реомюромъ?

—

Между науками, которыя должны занять воспитаніе юношества, не надобно позабыть и первыхъ началъ врачебнаго искусства. Извѣстно испытателямъ природы, сколько тѣлесное сложеніе имѣетъ совокупленія съ дѣйствіями душев-

ными, а оттуда и то, какое влiянiе имѣетъ оно на всю жизнь нашу. Сколько происшествiй могли должны быть истолкованы состоянiемъ органовъ и силъ тѣлесныхъ! Изслѣдованiе союзныхъ сношенiй тѣлесныхъ съ душевными дѣйствiями положило бы основанiе великой части [illegible] которое съ успѣхомъ бы [illegible] [illegible] послѣднимъ. Влiянiе [illegible] [illegible] духовныя столь могущественно [illegible] [illegible] нiе совершенно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

безъ которой бы и память была безполезна? Память, говоритъ Локкъ, есть доска мѣдная, наполненная начертаній, которыя время нечувствительно изгладитъ, ежели мы ихъ поновлять не будемъ. Обширность памяти зависитъ 1) отъ повседневнаго оной употребленія, 2) отъ степени вниманія, съ каковымъ мы разсматривали вещь, дабы ее передать памяти, и которую, ежели бы мы не такъ прилежно разсмотрѣли, не могли бы въ нее вселить толь твердо; наконецъ 3) отъ порядка, въ которомъ мы располагаемъ свои понятія.

—

Что̀ въ знаніяхъ, когда не приводитъ ихъ въ дѣйствіе чувствительность сердца? Желаніе славы есть чувствованіе сердца благороднаго и способнаго возвышаться. Малодушный, ненадежный на себя человѣкъ предпочтетъ бездѣйствіе и лѣность разсматриванію прекраснаго, которое для него утратило свои прелести.

—

Трудно жить, когда не имѣешь сильныхъ привязанностей. Отецъ наслаждается, благотворя сыну; другъ, дѣлая пожертвованіе своему другу; философъ, размышляя о человѣкѣ и природѣ; живописецъ, испытывая черты Рафаэля; стихотворецъ, чувствуя красоты Виргилія и Вольтера;

[illegible]

—

[illegible] смертный [illegible]

—

Вчера [illegible] свои старые [illegible] стихотворений. отрывки [illegible]

[illegible] что [illegible]

всѣхъ обязанностей твоихъ во-время, переходя изъ лѣности въ дѣятельность еще менѣе полезную, теряя въ сердцѣ своемъ начертаніе чувствительности, теряя любовь къ произведеніямъ разума? Сегодня ты имѣлъ счастіе получить письмо изъ Москвы отъ человѣка, который съ большею молодостью, нежели твоя, совокупляетъ большую любовь письменъ. Онъ желаетъ переписки твоей. Чувствуй же сіе, чувствуй, если ты обожаешь благодѣянія родителя, родительницы, которая не имѣла радости обнять сына и дочери, достигнувшихъ возраста; если обожаешь сестру свою, поставляющую счастіе свое въ тебѣ; если благоговѣешь предъ тѣнію Майкова; если почитаешь Хераскова, Львова... И могу ль я вспомнить всѣхъ мнѣ благотворившихъ? всѣхъ васъ, простые смертные, воспитавшіе меня, помогающіе мнѣ жить и непримѣчающіе вкупѣ, сколько мнѣ благотворите? (1779).

—

Есть въ свѣтѣ прекрасное. Если ты его не видишь, это отъ того, что ты порочень.

—

Не будь строгъ ни къ кому, кромѣ себя.

—

Другъ твой — человѣкъ; ты только будь другъ.

—

Любовь добродѣтельнаго порочный превращаетъ въ сладострастіе.

—

Мысль порочная есть вождь порока.

—

Будь добродѣтеленъ, когда бы и смѣшно было быть добродѣтельнымъ.

—

Узнавъ добраго человѣка, не говори въ сердцѣ своемъ: много такихъ!

—

Отчаяніе не раждаетъ разума.

—

Уединеніе страшно для порочныхъ.

—

Бодрость духа внушала Ахиллеса и Гомера.

—

Угрызеніе есть союзъ добродѣтели съ порокомъ.

—

Будь цѣломудренъ дѣлами.

—

Чѣмъ мы занимаемся, то проницаетъ сквозь наше притворство молчаніе и праздность. Это есть орудіе въ рукахъ мудрецовъ-нравоучителей. Порочные! не обманывайтесь мыслью, что васъ не знаютъ.

—

Худой ненавидитъ добраго; но доброму не нравится худой.

—

Старайся сохранять дарованія, или имѣй мужество отъ нихъ отказаться.

—

Помни, что бѣдный теперь голоденъ.

—

Нѣтъ ли чего нибудь, что̀ тебѣ должно исполнить въ сію минуту?

—

Не вѣрь въ своемъ сердцѣ и мысли, когда тебѣ припишутъ добродѣтели, которыхъ ты не имѣешь.

—

Когда ты полюбишь жизнь человѣка: это достоинство. Когда ты охладѣешь къ тому, чего ты любилъ: это несчастіе. Ты сдѣлался хуже.

—

Будь добродѣтеленъ... не только для себя.

—

Всѣ животныя страждутъ: человѣка достойно врачевать ихъ. Человѣка достойно знать сокровища природы, силы вредныя и цѣлебныя.

—

Когда ты видишь пороки великихъ людей: ты не все видишь; ибо отвращаешься отъ зрѣнія красотъ ихъ.

—

Принимать на себя постороннее лицо и лгать хотя въ шутку, есть униженіе своего сердца. Развѣ ты не почитаешь добраго, котораго обманываешь?

—

Не почитаетъ никого презрительный и презирающій самого себя.

—

Съ кѣмъ ты обходишься, такимъ зиждется твое сердце. Твои друзья художники, которые его передѣлываютъ.

—

Не обижать людей ниже словомъ; какая великая, необходимая наука! Я бы далъ много за дарованіе (которое я имѣлъ и потерялъ) не говорить никогда дерзновеннаго слова: слѣдствіе добраго души состоянія, боящейся въ комъ нибудь оскорбить священное званіе человѣка. Какое наслажденіе говорить въ самомъ себѣ: я не оскорбилъ никого! я люблю, я стараюсь всѣхъ любить, не исключая и тѣхъ, которые меня не любятъ! Смѣяться съ презрѣніемъ надъ человѣкомъ разумнымъ и полезнымъ есть слѣпота и злость. Сократъ и Аристидъ, еслибъ были мои современники, можетъ быть, не были бы на той сторонѣ, къ которой принадлежу я: и такъ я бы пошелъ клеветать на одного въ Ареопагѣ и помогать осуждать другого на изгнаніе! Я бы ненавидѣлъ Сократа и Аристида! Но вотъ что случается всякій день, перемѣнивъ только имена.

—

Желанія для блага общаго! вотъ все, что я во власти своей имѣю. Какое непостоянное, быстрое круговращеніе суетныхъ мыслей! Сколько разныхъ цвѣтовъ въ одинъ день, въ одинъ часъ можетъ пройти и исчезнуть съ поверхности души нашей! Могу ли поручиться, что всегда буду такъ мыслить, какъ мыслю теперь? Бѣдственные опыты, бѣдственныя легкомыслія, стеченіе обстоятельствъ, ошибки въ поведеніи утверждаютъ истину сего положенія. Мы перемѣняемся, мы замѣняемъ ложными умствованіями истины, противныя мнѣнію общества: заблужденіе! Мы охлаждаемся противу тѣхъ, коихъ всего болѣе на свѣтѣ любили: преступленіе! Всегда истина всякаго пріятія достойна. Всегда дружество почтенно, свято. И людей любить никогда не вредъ: людей добрыхъ, хотя бы и несовершенныхъ, ибо совершенство подлинное, настоящее, не находится въ родѣ человѣческомъ, и мы первые не имѣемъ онаго и понятія. Должно сносить легкія несовершенства; нерѣдко и большія. Но постоянство, твердость и человѣколюбіе добраго друга ихъ терпитъ, какъ терпится зло въ природѣ, которая столько благъ имѣетъ; но благоразуміе да пріидетъ въ помощь! Сладко другу умереть за друга, если обстоятельства позволяютъ; но человѣческимъ родомъ, но отечествомъ жертвовать другу не должно! Всякому человѣку обязаны мы (прежде, можетъ быть, и пріобрѣтенія друзей) желать благополучія: желать того, чего себѣ желаешь, чего желать есть благо... Богъ любитъ

людей выше мѣры... что я говорю — выше мѣры и понятія любви человѣческой.

—

Чтобы имѣть превосходный успѣхъ въ какомъ нибудь званіи, надобно къ нему прилѣпиться всею душею. Лира та замолчитъ скоро, которой воспріятіе не производитъ восторга. Всякое состояніе имѣетъ должности. Нарушающій ихъ выходитъ изъ своего состоянія. Стихотворецъ, не чувствующій природы, не нападающій на сокровенныя прелести языка и согласія, не будетъ Херасковъ. Градоначальникъ, оставляющій правленіе для опытовъ физическихъ, не будетъ ни Аристидомъ, ни д'Аржансономъ. Но всему есть мѣсто и время. Не отрицаясь отъ своего званія, можно еще съ пріятностію являться въ обществѣ. Вкусъ прекраснаго въ обхожденіи придаетъ человѣку сіяніе, въ какомъ бы онъ ни былъ состояніи. Ученый не долженъ выгонять грацій изъ округа красавицъ диссертаціями о древности или анатоміи, а судья уголовный разговорами о пыткѣ и разборами юридическихъ случаевъ.

—

Страхъ и надежда суть два насильственные властители человѣка и отъ нихъ нѣтъ убѣжища въ жизни. Одна смерть извлекаетъ насъ изъ ихъ подданства. Но кто не старается ограничить ихъ

владычества надъ собою, не убѣжитъ тотъ въ объятія безпечальныя смерти: необходимость исторгнетъ его блѣднѣющаго отъ живущихъ. Между предразсужденій и слабостей проживетъ онъ, какъ слабое дитя, никогда не возвысясь къ высокому достоянію человѣка и мудраго.

—

Питомецъ живописи, прежде нежели дерзнетъ испытать кисть свою въ писаніи съ природы, долго упражняетъ ее надъ списываніемъ образцовъ и изученіемъ древности. Такой же путь предначертанъ и стихотворцу. Не достаетъ ли сему послѣднему изобилія образцовъ? И противъ Рафаэлевъ, Тиціановъ и Корреджіевъ, развѣ не имѣетъ стихотворство поставить Гомеровъ, Виргиліевъ и Анакреоновъ? Кажется, что юная природа истощила всѣ свои силы и хитрости на образованіе разумовъ и дарованій. Какихъ она имѣла любимцовъ и наперсниковъ въ первыхъ зрителяхъ ея прелести! Нѣтъ, скажу я (подобно Гомерову Нестору), нынѣшній вѣкъ не увидитъ мужей, равняющихся съ богоподобнымъ пѣвцомъ Ахиллесовымъ, ни съ пастухомъ мантуанскимъ, который не имѣлъ только тѣхъ дарованій, которыхъ не испыталъ, ниже съ величественнымъ сыномъ Софиловымъ, учинившимъ себѣ соперника изъ ученика своего и ученика Сократова. Природа сіяла тогда собственными красотами и не обременялась украшеніями, которыя думаютъ

нынѣ придать ей люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея и не гнушались тѣмъ, что представляла имъ съ младенчества любящая ихъ воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ изнѣженъ. Красоты природныя преимуществовали надъ красотами условными. Роскошь не налагала насильственныхъ и странныхъ своихъ законовъ. Благопристойностію была только единая драгоцѣнная стыдливость, вдохновенная природою, тѣмъ болѣе наблюдаемая и ненарушаемая, что предписанія ея не отягчались хитрыми толкованіями ложнаго стыда. Всѣ таинства природы выражены у древнихъ съ тѣмъ восхитительнымъ чистосердечіемъ, которое не мыслитъ худого. Не есть то безстыдство, но нѣкая прелесть цѣломудрія, неимѣющаго причины таиться. Любовь имѣла только одну простоту и беззлобіе покрываломъ. Сіе покрывало есть такое одѣяніе, которое наиболѣе ее ограждаетъ отъ очей непросвѣщенныхъ. Измѣнило бы ей притворство; и простота, хранитель священнаго къ ней почтенія, простота прекраснѣйшая хитрость любви.... Нѣтъ ни одной черты величественнаго и чудеснаго стихотворства, которая не была бы въ сокровищницѣ древнихъ. Если должно наконецъ испытать себя въ ономъ, то надобно нѣкоторымъ образомъ покуситься жить съ древними и возвратить назадъ время своей жизни. Не знаетъ тотъ эпическаго стихотворства, кому не нравится Гомеръ. Его сказки, его длинныя рѣчи въ сраженіяхъ, самыя ошибки его стократно драгоцѣннѣе для стихо-

творства, нежели умѣренныя ноги писателя, никогда не падающаго, единственно потому, что онъ никогда не имѣетъ силы возвыситься.

—

О! какъ несчастливъ тотъ, который когда нибудь слышалъ изъ устъ своего ближняго: ты сдѣлалъ несчастіе моей жизни!

—

Всѣ возможныя знанія дѣлаютъ человѣка, пріобрѣтшаго ихъ, только сожалѣнія достойнымъ, если не могли онѣ облегчить ему пути къ добродѣтели. Истина простонародная, но которая должна быть неизгладимо напечатлѣна въ сердцахъ юныхъ любителей мудрости. Недобродѣтельный долженъ исключенъ быть отъ наслажденія, которымъ упоеваютъ искусства. Онъ долженъ раздѣлять забавы злодѣевъ. Онъ ничего не долженъ имѣть общаго съ добрымъ, съ невиннымъ зрителемъ природы и боговидцемъ. Его собственное сердце отдаетъ себѣ справедливость: оно затворяется утѣхамъ простыхъ и цѣломудренныхъ. Оно изыскиваетъ себѣ удовольствія, ужасъ и мерзость природы. Въ тотъ часъ, когда разлучается человѣкъ съ добродѣтелью, добродѣтель объявляетъ его въ *опалѣ* и отлучаетъ отъ общества людей. Благо ему тогда умереть.... Слабый человѣкъ! думаешь ли ты возвращаться въ

люию добродѣтели, упражняясь въ искусствахъ? Они заемлютъ прелесть свою отъ нея единой. Гдѣ, гдѣ найдешь ты прекрасное, предмѣтъ твоихъ упражненій, когда ослабилъ въ душѣ своей чувство прекраснаго? Можетъ ли рука того человѣка живописать нагую грацію, котораго одичалыя и грубыя черты являютъ намъ изступленную Вакханку? Можетъ ли тотъ написать намъ мечтанія покоящейся Эмліи, который осквернилъ воображеніе свое изъясненіемъ жалобъ нескромнаго любимца Коринны? Не долженъ тотъ, не долженъ быть при представленіи позорища Расинова, въ которомъ обманутый отецъ хотѣлъ бы взять обратно (тщетное раскаяніе!) обѣты свои, слишкомъ поспѣшно произнесенные! И что̀ въ искусствахъ, если нѣтъ добродѣтели? Неронъ былъ столько кратъ увѣнчанъ въ оныхъ, и Неронъ есть омерзеніе міра. Хочешь ли ты безпрепятственно вкусить всѣ сладости жизни, о юноша! единаго отъ тебя требуется: будь добродѣтеленъ!

—

То, что̀ называется задумчивостію, есть иногда невозможность вниманія и размышлѣнія, поглощающая въ себѣ всѣ постороннія понятія и мысли. Признакъ ея исчезанія есть приближающая степень ясности, которую замѣчаемъ мы въ своихъ размышленіяхъ. Задумчивость повергаетъ насъ въ безвкусное состояніе недвижимости: все,

что уничтожаетъ сію послѣднюю, уничтожаетъ и задумчивость или уменьшаетъ ее, если не въ силахъ искоренить. Для сего совѣтовать можно прогулку, перемѣну мѣста, упражненіе и самый трудъ! Видъ, который представляетъ она впереди, столько уничижителенъ для человѣка, что онъ весьма часто соглашается промѣнять сіе состояніе охлажденія и пустоты на состояніе сумасшествія и забвенія, утопляя печали въ винѣ. Выигрываетъ ли онъ въ семъ размѣнѣ? Родитель радости, веселое чадо Семелы, имѣетъ только мгновенную власть хищника надъ многочисленнымъ семействомъ скуки, страховъ и унынія. Сіи дщери ада съ послѣднимъ ожесточеніемъ нападаютъ на сердце несчастнаго, на минуту похищенное у алчной ихъ свирѣпости. Онѣ ужасно отмщаютъ ему за безсильныя желанія спасти себя отъ ихъ мучительства. Любезный собесѣдникъ Вакхъ истощаетъ сладостнѣйшій сокъ свой между улыбающихся юношей, сверстниковъ своихъ, а на уединеніе страждущаго изливаетъ единые только остатки чаши своей, никогда не подносимые къ устамъ счастливца, содержащіе въ себѣ горестныя струи, струи мрачныхъ мечтаній и отверженія самого себя. Ненавидящая Аета * подноситъ ихъ и злобно осклабляется на обманчивые восторги вкушающихъ отравленное питіе за чистый даръ Ліея. Сонъ не удостоиваетъ воспріять въ свое владычество укрощенныхъ та-

* *Аета* или *Ата*, обида, пагуба.

кимъ образомъ. Отчаянное забытье, средственное состояніе между бдѣнія и сна и нарушающее оба, пріемлетъ въ безпокойное свое лоно сіи жертвы, на мгновеніе отъятыя отъ мстительницъ фурій, и тягостно усыпляя ихъ, пробуждаетъ ихъ ежечасно. О, если бы чистая дщерь Неба, юная Надежда, спустилась въ лоно несчастливыхъ! О, если бы раздвинула она мрачныя завѣсы ложа ихъ и возбудила дремлющихъ! Если бы, возвратившись къ сладостному ощущенію дневнаго свѣта, почувствовали они въ сердцѣ своемъ возраждающееся бытіе, отрясли съ очесъ накинутое на нихъ очарованіе унынія и неудовольствій, — ахъ! я бы совокупился съ бесѣдою несчастливыхъ и отеръ бы первыя слезы, которыя проліютъ они, опамятовавшись, и, преклоня колѣна мои съ ними, возжегъ бы первое куреніе на жертвенникѣ чистыя дщери Неба, юныя Надежды.

—

Если я когда нибудь наслаждаюсь чувствованіями, то сіе бываетъ, преступая предѣлъ ихъ. Столько-то дороги они сердцу, что оно не примѣчаетъ и прехожденія ихъ. Чтобы предаваться чувствованіямъ, стоитъ только любить свои удовольствія; но чтобы утѣшиться въ лишеніи ихъ, потребно болѣе нежели счастливое разсужденіе!

—

Е...а, сказываютъ, не чувствуютъ прелести музыки. О, отчаяніе! быть погружену, такъ сказать, въ безднҍ восхитительныхъ красотъ природы, и сохранить еще, при загрубҍлыхъ чувствіяхъ, тусклое мерцаніе разума, твердящее, хотя воспоминаніемъ и противъ собственной воли, что окружающее тебя есть то, чтò создалъ Богъ для украшенія пустой вселенной.

—

Никогда не люблю я удобнҍе людей, какъ когда имҍю болҍе причинъ любить самого себя. Всҍ наслажденія заключены въ добродҍтели, а ея лишенному ничто не благосклонствуетъ. Все убҍгаетъ отъ сердца, изъ котораго она убҍжала. Довольный самъ собою, доволенъ другими. Онъ только судитъ справедливо достоинства, не оскорбляется преимуществомъ, которое другіе надъ нимъ имҍютъ. Онъ пріемлетъ живҍе всҍ впечатлҍнія: любовь, сожалҍніе, веселье, участіе въ постороннихъ происшествіяхъ. Для него только сотворенъ прекрасный день. И Высочайшій открывается лучше очамъ его. Радостное чувствіе вливается къ нему въ сердце при каждомъ благодҍяніи Всевышняго. О, несчастные! которымъ нҍтъ причины любить себя!

—

Кто у меня отыметъ чувствованія любви и почтенія къ родителю, который боится меня оскорбить даже въ желаніяхъ моего блага, даже въ наставленіяхъ, влагаемыхъ въ него мудростію? къ сестрѣ любящей меня со всею силою невинности, имѣющей нѣжный и просвѣщенный вкусъ и разумъ выше и постояннѣе обыкновеннаго разума женщинъ? Кто отыметъ у меня мои драгоцѣннѣйшія чувствованія къ Хераскову, ко Львову, къ Ханыкову, который, кажется, не сдѣланъ, чтобъ остаться въ неизвѣстности, духъ смѣлый и возвышенный? Кто помрачитъ въ глазахъ моихъ благодѣянія Майкова, Барсова? Душею привязываешься къ тѣмъ, которые душѣ нашей благодѣтельствуютъ. Но я весьма далекъ, чтобъ позабыть другихъ, на коихъ опирается тщеславіе мое: и они участвуютъ въ моихъ чувствованіяхъ. Великіе люди, которыхъ размышленія суть благо общества, Декартъ, Расинъ, Виландъ, Гомеръ, Руссо, развѣ менѣе имѣютъ права на сердца наши? Порокъ, изгоняющій изъ сердца прекрасное, пощадитъ въ моемъ обожаніи ихъ; ибо я постараюсь умертвить сію возрастающую гидру восторгомъ добродѣтели.

—

Береги сердце свое: вступайся въ каждое движеніе онаго со всѣмъ жаромъ юности, возраста мечтаній. Остерегай каждый шагъ въ немъ распростирающемуся хладу: не попусти, чтобъ ви-

ною твоею покорилъ онъ подъ суровое подданство свое, мѣсто явленія всѣхъ ощущеній, всѣхъ наслажденій твоихъ. Что̀ будетъ съ тобою, если затворится оно единожды всякому трогающему чувствованію, всякому изліянію прекраснаго, одушевляющаго вселенную? Вѣчная тма, отсутствіе свѣта и счастія. Ахъ! при единомъ воображеніи ея, кажется, что я увлекаюсь въ нее безвозвратно и затворяются за мною страшныя врата небытія. Не буди сіе! не буди! Отче духовныхъ и движущихся, благодѣтель человѣковъ! погруженъ въ прахѣ униженія, полагаю въ сохранительныя длани Твои единое мое сокровище— сердце мое. Ты его сотворилъ, Ты же и сохранишь его.

—

Писать что нибудь есть истинное врачевство души. О, ежели бы былъ я только всегда въ состояніи писать! Чтобъ не было сіе только упражненіемъ перстовъ или ребяческихъ желаній, но упражненіемъ души, усиліемъ мыслить, любовію просвѣщенія и добродѣтели. Вотъ все мое честолюбіе!

—

Бесѣдовать въ уединеніи иногда столько жъ пріятно и часто болѣе полезно, нежели въ обществѣ. Всякая новая мысль есть пріобрѣтеніе для

разума, всякое чувствованіе, пріобрѣтеніе для сердца. Ничто мое не будетъ ново для другого; но теперь не для другого пишу я, а для себя. Непримѣчательно ни для кого, трогаетъ меня писаніе мое, тѣмъ самимъ, что для меня оно только писано. Я познаю мое сердце, углубляясь въ него, и радуюсь жизнію своею, радуюсь, что могу самъ съ собою обходиться.

—

Не надобно читать много, говоритъ гдѣ-то Руссо, но много размышлять надъ чтеніемъ, или, что все равно, часто говорить объ немъ съ своими пріятелями. Полезнѣе находить самимъ собою, нежели узнавать изъ книгъ.

—

Божественное нравоученіе! влей сладостное восхищеніе твое въ ослабленную душу мою: поколебай ее, пробуди и возврати ей прежнюю дѣятельность. Собери предъ смутными ея очами всѣ обязанности, всѣ узы, которыми соединяется она съ вещами, ее окружающими. Возобнови побужденіе, которымъ направлена она въ путь свой. Скажи ей, что она только *чувствуя* существуетъ. Всеблагій, собою существующій, Всесильный, котораго чтимъ мы достойно единымъ невѣдѣніемъ, наполняетъ собою вселенную. Она есть для того, что Онъ восхотѣлъ. Не испы-

туетъ, царствовалъ ли Онъ всю вѣчность прежде, нежели возсіяли солнца. Все исчезаетъ въ человѣческомъ понятіи, когда оно возвышается къ Творцу существъ. Сіе понятіе есть возвышеннѣйшая точка человѣческихъ возможностей. На высотѣ ея не стоитъ ничего и самые трудные подвиги для добродѣтели. Но недовольно единаго зрѣнія Бога: должно любить человѣковъ. Чрезвычайное разстояніе отъ Творца къ творенію скрадываетъ, можетъ быть, недостатки и пренебреженія должностей. Напротивъ, между одинакими нѣтъ должности, которую бы упустить было можно. Нужно только быть слабымъ, чтобъ погрѣшить предъ Богомъ; надобно быть злымъ, чтобъ оскорбить человѣка.

—

Уединеніе необходимо писателю, не только отъ того, что присутствіе посторонняго нарушаетъ спокойное упражненіе его: иногда стоитъ ему труда быть совершенно одному и тогда, когда съ нимъ ни кого нѣтъ. Заботы не могутъ присутствовать въ молчаніи и разумъ мало благопріятствуетъ, когда болѣзнуетъ сердце. Прелесть писанія, какъ и всѣ страсти, не можетъ терпѣть раздѣленія въ своемъ владычествѣ: одно чистое, невозмущенное сердце вкушаетъ ее совершенно. Но должно, чтобъ и всѣ другія страсти не были ему чужды; чтобы чувствовало оно себя способнымъ питать ихъ, возвышаться до

верхней степени ихъ полета и умѣть его измѣрить. Всѣ великія, разительныя черты души Зопировой лежали сперва необразованны во глубинѣ души Вольтера. Она-то строилась, такъ сказать, поочередно на всѣ гласы. Ревнованіе по добродѣтели, любочестіе, человѣколюбіе, простая любовь, незлобіе, выражались на ней другъ за другомѣ со всею буйностію чувствованія. Стихотворецъ раждалъ всѣ сіи страсти и ощущалъ ихъ первый. Сіе познаю по силѣ изображенія, по одному начертанію картины. Трагедія безъ надписанія объявляетъ творца своего. И равенъ ему тотъ, кто поддѣлается. Можетъ быть, что писатель, заемлющійся изображеніемъ страстей и насильственнаго ихъ шествія, обративъ наконецъ оное въ свою потребность, нарушаетъ свое собственное спокойствіе. Чувствительность захочетъ быть всегда упражненною: душа всегда будетъ устремляться съ горячностію къ видамъ, пробуждающимъ ея пристрастіе и нерѣдко производящимъ страданіе. Сія излишняя и безпокойная дѣятельность жизни можетъ изнурить сердце. Сколько въ свѣтѣ автоматовъ, у которыхъ оно цѣло. За утѣхи разума и воображенія мы иногда платимъ дорогою цѣною; пространство знаній, истинное нравоученіе и философія должны предохранить жизнь поэта отъ несчастій. Ибо недолго надобно быть стихотворцомъ, чтобъ захотѣть быть мудрецомъ.

Но быть стихотворцомъ, каковъ Марини въ своемъ Адонисѣ, не смотря на неутомимую кисть

его, на богатство воображенія привлекающаго и роскошнаго.... Я бы не хотѣлъ. Кажется, что Марини не былъ мудрецъ. О, суемудріе размышленій, расточаемое толь часто безъ пользы!... Мои образцы Виргилій, Тассъ, Расинъ, Клопштокъ и Виландъ, существа высшія, имѣютъ своими почитателями почитателей добродѣтели. А Марини и Катуллъ подъ знаменами своими ведутъ только тѣхъ юношей, коимъ для исправленія должно читать Ювенала.... Да будетъ безумное ревнованіе сіе въ сокровенности! да будетъ оно мнѣ только полезно. Не нужны напоминанія сіи тому, кто трогается восхитительными признаніями Юліи, читаетъ съ наслажденіемъ сердца явленія, воспѣтыя Геснеромъ, пѣвцомъ грацій, нравственныхъ грацій, воспитавшихъ Виланда.

—

Счастливые люди жестокосерды и не умѣютъ болѣзновать о бѣдныхъ. Простимъ ихъ: мы сами таковы были и бываемъ. Но, счастливые люди! вспомните, что тѣло составлено изъ такой же персти немощной и гиблющей у васъ, какъ у другихъ, и что души несчастныхъ къ таковому же стремятся счастію, къ какому и вы; но многотрудный путь ихъ не совершается и каждое устремленіе только удаляетъ ихъ отъ той цѣли, при коей сіяете вы царски. Опечаливающія пристрастія отягощаютъ ихъ сердце. Негодованіе

зрѣть себя оставленными Небомъ и человѣками отъемлетъ предъ очами ихъ прелести у прекраснаго. Исполненіе добродѣтели имъ труднѣе. Они вамъ являютъ противуположеніемъ, сколько вы счастливы. Наслаждайтесь умѣренно сравненіемъ и помыслите, что, можетъ быть, не всякому своему несчастію они виновники и не вы одни творцы благосостоянія, коимъ радуетесь; что случай, счастливое рожденіе, дарованія, вамъ самимъ въ себѣ неизвѣстныя, и благодѣянія другихъ человѣковъ много послужили къ дарованію вамъ сего счастія. Наконецъ, потщитеся доказать человѣколюбіемъ, не гордостію, облегченіемъ жребія бѣдныхъ, что вы счастія своего достойны. Сіе вамъ такъ легко; ибо добродѣтель со счастіемъ души имѣетъ тайное согласіе. Но берегитесь неосторожнымъ смѣхомъ и виновнымъ злословіемъ торжествовать въ присутствіи униженныхъ: ваше легкомысліе причтется вашему сердцу; ибо несчастливые суть подозрительны и всегда думаютъ, что ихъ хотятъ опечалить.

—

Дурачество и порокъ, которые примѣчаю я иногда въ человѣкѣ, производятъ во мнѣ ненависть къ одержимому оными. Сіе свойство незагладимыми чертами напечатано въ человѣческомъ сердцѣ. Одно средство получить его одобреніе есть или быть добрымъ, или, по несчастію, быть принужденну казаться добрымъ. Еще

же сіе послѣднее подвержено ежечасному страху, чтобы мудрые и твердо добрые люди не сорвали личины; при всей своей скрытности, хитрая злоба нерѣдко себѣ измѣняетъ. Личины же никто не надѣваетъ безъ намѣренія. Быть порочну по стремленію страстей, примѣровъ развращенія и быть порочну съ *намѣреніемъ*, суть два положенія, кои не терпятъ никакого сравненія.

—

Если бы всякое дѣяніе могли мы видѣть окомъ посторонняго, то былъ бы случай совсѣмъ исцѣлиться отъ самолюбія. Но видно, менѣе родится неудобствъ отъ погрѣшностей въ сужденіи нашихъ поступковъ, нежели бы сколько произошло ихъ въ жизни человѣческой отъ умерщвленія самолюбія Для дѣятельности нашей не столько опасно то состояніе, въ которомъ похвала воздымаетъ и хула унижаетъ самолюбіе, сколько то, въ коемъ не получаетъ оно ни того, ни другого. Почти не можно быть творцомъ, не имѣвъ хвалителей, судей и приверженцовъ. Я бы прибавилъ и соперниковъ. Въ случаѣ, весьма рѣдкомъ, должно полагать, что творецъ все сіе мечтаетъ въ воспаленномъ воображеніи своемъ и наслаждается рукоплесканіями вселенной, которая его не знаетъ.

—

Дай Богъ! при очахъ всего свѣта претерпѣть единожды срамное принужденіе признать себя порочнымъ, чтобы, устыдясь навсегда, переродиться добродѣтельнымъ! Но паче, дай Боже! не быть никогда приведену въ состояніе произнесть сіе желаніе и быть добродѣтельну безъ затрудненія!

—

Въ нынѣшнемъ году прочелъ я Энеиду, хотя съ небреженіемъ, въ продолженіе десяти дней отъ 28 мая до 6 іюня. Или ничего не останется въ головѣ моей отъ сего божественнаго творенія? Какая свѣжесть смѣшенія красокъ! Какія плѣнительныя подобія изъ сельской жизни столь изобильно заимствованныя! Сколь нѣжно дышетъ любовь въ четвертой книгѣ: сколь священно преподаются таинства закона въ шестой! сколь сильно воспламеняемся любовію отечества и Трои во второй, кипящей съ краю до другого ужасами ночи и сраженій! Но волненіе послѣднихъ книгъ не имѣетъ ли своего превосходства? Хладно ли прейдутъ тò въ Виргиліи, чему удивляются въ Гомерѣ? Омраченъ величествомъ зданія, взоръ мой не можетъ видѣть слабостей въ ономъ. Все мое тщаніе должно только въ томъ быть, чтобъ истинно влюбиться въ красоты его... Читать Виргилія мимоходомъ есть оскорбленіе стихотворства и чувствительности. Съ нимъ надобно познакомиться и никогда не отчуждаться

его: всегда питать чувство любви къ нему. Эпопея есть верхъ превосходства въ поэзіи. Всѣ опыты въ оной требуютъ нашего почтенія. Творцы Иліады, Энеиды, Фарсалы, Іерусалима, Потеряннаго рая, Мессіаса, Генріады, Россіады, суть умы другого чина, нежели Марціаллъ, Катуллъ, Шолье, Проперцій и самъ Горацій, если бы онъ не былъ первый изъ лириковъ. Я не знаю, должно ли мнѣ причислить къ сонму сему Мессера Лудовика *, который жертвовалъ, кажется, величественнымъ всякой разъ, когда встрѣчался съ Граціею. Предтеча Лафонтеновъ и вмѣстѣ Гомеровъ ученикъ, онъ проложилъ себѣ путь, по которому мало за нимъ послѣдуютъ.

—

Записки чтеній тогда только и приносятъ пользу, когда онѣ служатъ вспомоществованіемъ памяти: онѣ могутъ представить нѣкоторое изображеніе того разума, отъ коего проистекли. Совершенной картины должно искать въ сочиненіи, гдѣ творецъ все положилъ стараніе списать лице свое, украшаючи. Хочешь ли видѣть сокровенныя его предразсужденія и душу его въ естественномъ образѣ, — загляни въ его записки.

—

---

* Аріоста.

Сказываютъ, что Сумароковъ ни о чемъ не говаривалъ чаще и лучше, какъ о стихахъ. Михайло Матвѣевичъ * говоритъ о стихотворствѣ съ удовольствіемъ, котораго онъ не старается скрывать. Его промежутки молчанія кажутся мгновеніями размышленія. Разговоръ его твердъ, благороденъ, оживленъ быстротою взора его. Голосъ жесткій, имѣющій нѣкое паденіе, принимаетъ часто тонъ пристрастія. Рѣчь его болѣе сильна, нежели избранна. Усмѣшка выразительная. Иронія, имѣющая много желчи, соединяется съ его важностію... Василій Ивановичъ Майковъ цѣлый день бывалъ занятъ забавами общества и никогда не заговаривалъ самъ о стихахъ. Но на единѣ и съ людьми, которые показывали стараніе пользоваться его знаніями и вкусомъ, охотно любилъ онъ разговаривать о стихотворствѣ. Онъ былъ чувствителенъ къ прелестямъ похвалы. Въ лицѣ его было чистосердечное выраженіе добродушія и любви его къ стихотворству. Въ искусствѣ своемъ имѣлъ онъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя защищалъ онъ съ живостью. Обхожденіе самое свѣтское, знакомство знатныхъ заставляло его краснѣть отъ имени стихотворца. Ему казалось обидѣть кого нибудь; чтобъ не обязать его. Сказочки его были прекрасны. Какая веселость! Какая свѣтлость сердца и разума! Василій Петровичъ Петровъ, сколько я знаю, не говоритъ никогда о стихахъ. Но можно ль, дѣлая

* Херасковъ.

ихъ такое множество выразительныхъ и мастерскихъ, объ нихъ не мыслить? Труднѣе гораздо имѣть къ нему доступъ, нежели къ двумъ первымъ. Онъ учтивъ по благопристойности; но сердце его хотѣло бы имѣть свободу сказать: я не хочу съ вами знаться. Разговоръ его свободенъ безъ разборчивости. Кажется, что онъ жертвуетъ разуму чувствительностію. Лѣтъ двѣнадцать назадъ толковалъ онъ Катехизисъ; нынѣ, кажется, онъ способнѣе толковать Лукреція. Это тотъ изъ нашихъ стихотворцовъ, который знаетъ наибольшее число языковъ; ибо онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Виргилія, Мильтона, Вольтера, безъ сомнѣнія, Тасса и, помнится мнѣ, Клопштока. Во время пребыванія его въ Московской Академіи училъ онъ еврейскому языку. Замѣтно по его образу мыслить и чувствовать, что онъ жилъ въ Англіи.

—

Человѣкъ, которому не кажется важною трата времени, который можетъ полагать въ сердцѣ другихъ людей холодность, собственную корысть, глупость, намѣреніе обманывать, и который самъ дѣйствуетъ въ слѣдствіе сихъ правилъ; человѣкъ, для котораго родственники, друзья, благодѣтели, добродѣтельные люди смѣшаны съ толпою другихъ; который не разгорячается, когда невинность терпитъ, добродѣтель оспоривается, отечество страждетъ; который не видитъ подлости

своего состоянія и не плачетъ, что онъ унизился, — тотъ можетъ сочинить кощунскую и орошенную грязью сладострастія сказку, эпиграмму безъ разума и нравовъ, можетъ быть, остроумную игрушку словъ, но тотъ не произведетъ на Россіады, ни Семиры, ни Инковъ, ни одъ, ни рѣчей Ломоносова, ни Мизантропа… и ни одного дѣянія добрыя души.

—

Степень любви къ письменамъ въ людяхъ, прикасавшихся къ онымъ, есть термометръ ихъ собственнаго достоинства. Я вѣрю, что Вольтеръ читалъ Расина съ восторгомъ. И знайте, что Михаилъ Матвѣевичъ боготворитъ Гомера и мало, что не боготворитъ Ломонова.

—

Стихотворецъ, который отказался отъ своего искусства, чтобъ ничето не дѣлать, упражнялся въ немъ par usurpation. Но что скажу о такомъ, который бы не чувствовалъ Энеиды?.. Душа его испортилась! О, какое несчастіе, когда приближеніе друзей нашихъ не восхищаетъ сердца. Бѣдные нечувствующіе! вы бѣднѣе слѣпыхъ, которые не видятъ зрѣлищъ природы. Сердце ваше живетъ… и не имѣетъ чувствованій! И свидѣтельствуетъ, хотя слабо, противъ васъ, что вы лишили себя сладостей жизни; что оно не пре-

стало существовать, хотя вы чувствовать перестали. О, проклятая мудрость, которая уничтожаетъ счастіе чувствованій! суемудріе, которымъ отищевается обиженное сердце!

—

Безуменъ путешествователь, который, въ полночную тму долго скитаясь между пропастей, и по содраганіямъ своимъ узнавъ свое заблужденіе, не выходитъ всѣми силами на стезю, смутно представляющуюся, ведущую къ источнику, на пологой холмъ, гдѣ слышится ночное пѣніе соловья и открываются верхи близкаго города.

—

Я сержусь на себя (когда захочу перевесть какую нибудь эпиграмму или сказочку), что стихи мои не льются и заставляютъ себя ждать. Это значитъ, что я либо очень мало почитаю свое искусство, или черезчуръ много почитаю себя. Буало употреблялъ цѣлые годы, чтобъ написать эпистолу. Онъ писалъ для безсмертія.

—

Тѣхъ состояніе несовершенно хорошо, которые прекрасны только въ книгѣ. Зачѣмъ не имѣть честолюбія нравиться? Но не имѣть нравовъ, быть безпечнымъ въ добродѣтели или, еще

болѣе, быть ея отступникомъ, наноситъ безчестіе и тому, который знаетъ худо азбуку, кольми паче имѣющему исключительное право мыслить, воспитанному, просвѣщенному, имѣющему высокій духъ и дарованія, кольми паче такому, каковымъ льстятся быть писатели: не для того, чтобъ естествомъ они были выше человѣковъ, но для того, что они болѣе другихъ упражняли разумъ свой и не желали себѣ ничего, кромѣ мудрости.

—

Будетъ ли когда нибудь въ отечествѣ моемъ страсть любить великихъ мужей своего народа? Европа показала намъ примѣръ обожать Петра, или, если это обидно, она примѣръ нашъ ревностностно себѣ присвоила. Такъ! будетъ со временемъ что сердце Россіянина отверзется чувствіямъ восхищающей радости при именахъ Ломоносова, Румянцова и Лосенкова! Такъ... Родитесь великіе умы! Россіяне честію поставятъ себѣ удивляться вамъ и признаютъ свое собственное богатство. Однако Рейналь велитъ изломать намъ свои ваялища, исказить наши картины, отказаться на время отъ испытанія таинствъ небесныхъ и природы Прискорбный мудрецъ совѣтуетъ намъ жертвовать пріятнымъ полезному. Онъ представляетъ намъ предъ очи изображеніе государя, нашего сосѣда, торжественно влекущаго плугъ. Онъ хочетъ, чтобы прежде всѣхъ искусствъ прилежали мы къ первому, зачавшему

многочисленный рядъ оныхъ, къ земледѣлію... О, Рейналь! я почитаю твою любовь къ человѣчеству; но... видя Лосенкова, можно ли рѣшиться поступать съ картинами его столь же жестоко, какъ и съ нимъ самимъ?

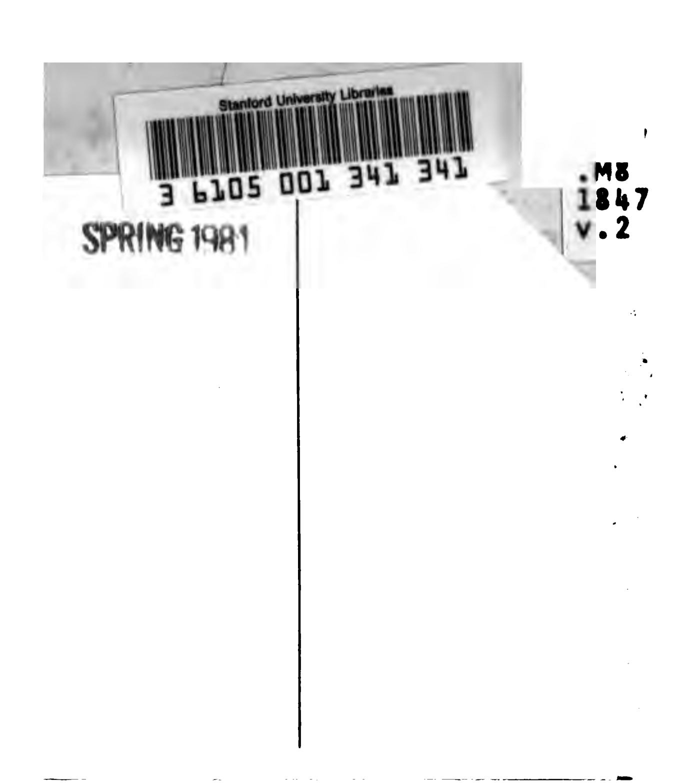
—

Совершенство, до котораго бы я желалъ достигнуть въ состояніи моей души, кажется, тѣмъ только бы ограчивалось, чтобъ умѣть снискать себѣ милыя и полезныя сообщества; чтобъ сдѣлать себѣ нѣкоторую посредственность въ образѣ обхожденія и, не льстясь быть чрезъ оное любви достойнымъ, по крайней мѣрѣ своей виною не погублять прелестей онаго; чтобы сердце мое предохранилось отъ пагубнаго состоянія безчувственности: я не хочу имѣть его, если исключено оно отъ счастія имѣть друга и другу внушать чувствія нѣжной и разумной привязанности; чтобъ иногда любовь добродѣтели одушевляла наши разгорячившіеся разговоры. Но какъ нельзя безпрестанно быть съ людьми, безъ нанесенія себѣ и имъ скуки; то послѣднее мое желаніе «умѣть наслаждаться уединеніемъ.» Ахъ! счастливъ тотъ, кто не затворилъ своего сердца для безмолвныхъ восторговъ, для усладительныхъ размышленій, ему сопутствующихъ. Минуты опустѣнія душѣ ужасны: минуты разсужденія и труда сýть вкупѣ и минуты удовольствія. Никогда не возсіяваетъ лучше свѣтильникъ, какъ когда

вихрь воздуха, его окружающій, сообщаетъ свое порядочное движеніе пламени онаго. Или тѣсенъ округъ упражненій душевныхъ? Или мало предметовъ, надъ коими долженствуетъ остановиться ея разсматриваніе? Зрѣлище природы, зрѣлище себя, возвышающія къ величественному зрѣлищу Невидимаго, могутъ быть замѣняемы легчайшими явленіями сердца и разума. Возрастъ мой еще извиняетъ привязанность мою къ искусствамъ непостояннымъ, но требующимъ всей силы душевной. Ученіе должно мнѣ предшествовать, ибо не приноситъ плода невоздѣланная нива. Порядокъ въ чтеніи есть онаго существенная часть, а чтеніе есть одно изъ священнѣйшихъ обязанностей человѣка.

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 001 341 341
SPRING 1981

Stanford University Libraries
3 6105 001 341 341
SPRING 1981
.M8
1847
v.2

